

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

**МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ
В СИБИРСКИХ ЯЗЫКАХ**

Новосибирск
1981

Редколлегия

д. ф. н. Е. И. Убрятова (отв. редактор)

д. ф. н. М. И. Черемисина

к. ф. н. М. Д. Симонов

Е. К. Скрибник

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ФОРМИРУЮЩИХ ПОДЛЕЖАЩИЕ КОНСТРУКЦИИ
(на материале алтайских языков)

Объект нашего исследования – предикативные прилагательные, способные формировать зависимую подлежащую конструкцию в составе изъяснительной полипредикативной конструкции (ППК), т.е. выступать в функции сказуемого при подлежащем, выраженном развернутой предикативной единицей (ПЕ). Собственное сказуемое подлежащей ПЕ обычно имеет форму причастия (редко – имен наличия и отсутствия – бар-н, жог-н) с притяжательными аффиксами, выражающими его грамматическое лицо. Подлежащие конструкции входят в более широкий класс причастно-падежных конструкций, управляемых модусными предикативами (глаголами и именами). Так, глаголы со значением получения, передачи, обработки информации (информационные глаголы) во всех алтайских языках управляют зависимой ПЕ со сказуемым-причастием в форме винительного падежа. Эмотивные глаголы требуют в тюркских дательного, в монгольских – дательно-местного падежа причастия, например:

Информационные глаголы:

Бур. Виктор... амида кумэнэй ойро нааша яба-х-не-нъ хараашална (Б. 79 I, с. 4¹). 'Виктор... живое что-то близко подходит-что-оно увидел' (-х – аффикс причастия будущего времени, выражающего в данной конструкции одновременность, -не – аффикс винительного падежа, -нъ – притяжательный аффикс 3 л.).

Алт. Бис киного бар-ган-ыс-ты, адам бил-бес (В. Ч. Унутава). 'Мы в кино ушли-что-мы отец-мой не-знает' (-ган – аффикс причастия прошедшего времени, -ыс – притяжательный аффикс I мн., -ты – аффикс винительного падежа).

Эмотивные глаголы:

Бур. Ерэ-нэн-дэ-нь сухалдаа нам (Х., с. 30). 'Уехала-что-она рассердилась-я' (-нэн - аффикс причастия прошедшего времени, -дэ - аффикс дательного-местного падежа, -нь - притяжательный аффикс 3 л.).

Тув. Сен кел-ген-иң-ге аажок амырады-м. 'Ты пришел-что-ты очень обрадовался-я' (-ген - аффикс причастия прошедшего времени, -иң - притяжательный аффикс 2 ед., -ге - аффикс дательного падежа).

ППК с подлежащими конструкциями также имеют четкую собственную семантику - это оценка ("хорошо, что...") и эмоциональное состояние ("печально, что..."). На общем фоне причастно-падежных конструкций в составе причастия - сказуемого в подлежащей конструкции выделяется нулевой аффикс именительного (неопределенного) падежа. Примеры:

Алт. Слер от одырып сал-ган-ыгар-Ø Жаншы (В. Куртов). 'Вы костер развели-что-вы хорошо' (-ган - аффикс причастия прошедшего времени, -ыгар - притяжательный аффикс 2 мн.).

Ср. также:

Слер от одырып сал-ган-ыгар-ды мен кбрди-м. 'Вы костер развели-что-вы я увидел-я' (-ды - аффикс винительного падежа).

Слер от одырып сал-ган-ыгар-га мен сууйинеди-м. 'Вы костер развели-что-вы обрадовался-я' (-га - аффикс дательного падежа).

Тув. Ооң бөгүн кел-без-и-Ø арай хомуданчыг-дыр. 'Он (р. п.) сегодня не-придет-что-он немного жаль' (-без - отрицательная форма причастия будущего времени, -и - притяжательный аффикс 3 л.).

Бур. Жамбал-ай хэнтэйшьёб энеэлдэн хөөрэлдэ-хэ-Ø-нь эли то-до болоно (Б. 76 I. с. 72). 'Жамбал с кем-то смеялся разговаривает-что-он ясно становится' (-хэ - аффикс причастия будущего времени, выражающего одновременность; -нь - притяжательный аффикс 3 л.).

Ср. также:

Жамбал-ай хэнтэйшьёб энеэлдэн хөөрэлдэ-хэ-дэ-нь би баярла-

ба-б (М. Р. Санданова). 'Жамбал с кем-то смеялся разговаривает-что он я обрадовался-я' (-дэ - аффикс дательного падежа);

Жамбал-ай хэнтэйшьёб энеэлдэн хөөрэлдэ-х-не-нь би дуулаба-б (М. Р. Санданова). 'Жамбал с кем-то смеялся разговаривает-что он я слышал-я' (-не - аффикс винительного падежа).

Собственное подлежащее зависимой ПЕ, согласно общей закономерности бурятского языка, принимает форму родительного падежа (Жамбал-ай). В тюркских языках оно может стоять как в именительном, так и в родительном падежах; например, в наших материалах по алтайскому языку из 140 фраз с подлежащими ПЕ в 45 случаях оно имело форму именительного падежа, в 60 случаях - форму родительного падежа, в остальных 35 случаях в зависимой ПЕ подлежащее не было.

Специфика подлежащих конструкций по сравнению с другими управляемыми причастно-падежными конструкциями (информационными, эмотивными и др.) заключается в следующем. Формируют их две группы слов - глаголы и имена. Глаголы, способные присоединять подлежащую конструкцию - это те же информационные и эмотивные глаголы, но в специальных залоговых формах (ср. 'я услышал то, что...' - 'мне послышалось, что...'; 'я обрадовался тому, что...' - 'меня обрадовало, что...'). Примеры:

Бур. ... Дамбын машинин дүтэлжэ яба-ха-Ø-нь хара-гда-на (Х., с. 41). 'Машина Дамбын приближается-что-она видно' (хара- 'видеть', -гд - аффикс страдательного залога, -на - аффикс настоящего времени).

Алт. Онын дүре бер-ген-и-Ø бисти кайка-т-ты (В. Ч. Унурова). 'Он (род.п.) уехал-что-он нас удивило' (кайка- 'удивляться', -т - аффикс каузативного залога, -и - аффикс прошедшего времени).

Основной массив подлежащих конструкций формируется именами - существительными, прилагательными, фразеологизмами с опорным именем. Эти имена, как уже говорилось, относятся к двум семантическим группам - оценки и эмоционального состояния.

Таким образом, позиция главного сказуемого в подлежащей конструкции предполагает вполне определенную грамматическую семанти-

ку, которая не может не отразиться на категориальных свойствах слов, выступающих в этой позиции. Рассмотрим, как это проявляется в морфологической структуре предикативных имен оценки и эмоционального состояния.

Наши материалы показывают, что оценочные имена по морфологическому составу более разнородны, чем имена эмоционального состояния. Так, в группе оценки встречаются и существительные (бур. гай тодхор 'несчастье', нүгэл шэбэл 'грех'; алт. чын 'правда', нрыс 'удача'; тув. ат 'беда, несчастье', частыриг 'ошибка' и т.д.). Далее, в группе оценки находим большое количество непроизводных прилагательных (бур. хайн 'хорошо', хэсүү 'трудно'; алт. жакшы 'хорошо', солун 'ново, интересно'; тув. багай 'плохо', белен 'легко' и т.п.). Фразеологизмы также встречены нами в основном в группе оценки (бур. нохойн наадан 'пустяковое дело', букз. 'собачья игра'; алт. неме беги 'ничего не стоит'; тув. чүү-даа эвес 'ничего не стоит'). Однако заметная часть оценочных прилагательных и все прилагательные эмоционального состояния являются производными; именно они сейчас для нас особенно интересны. Рассмотрим эти подгруппы отдельно по разным алтайским языкам.

Тувинский язык. Производные прилагательные оценки в тувинском образуются от именных основ с помощью аффикса -лыг (с 16 фонетическими вариантами²). Они входят в более широкий класс прилагательных со значением обладания: аарыг 'болезнь', аарыг-лыг 'больной, болезненный', кадай 'жена', кадай-лыг 'женатый, семейный'. Оценочные прилагательные на -лыг образуются от оценочных имен и используются как в функции определения, так и в функции сказуемого в подлежащих конструкциях: хора 'вред', хора-лыг 'вредный, вредно', хора-лыг чан, чыл 'вредная привычка'.

Таакпыла-ар-и-и кадыкшылга хора-лыг (К. А. Бичелдей).

'Курить вредно для здоровья' (-ар - аффикс причастия буд.вр., -и - притяжательный аффикс 3 л., здесь имеющий безличное значение).

ажык 'польза', ажык-тыг 'полезный, полезно'; ажык-тыг казымал-дар 'полезные ископаемые';

Эртен, кежээ даштыгаа үнүп селгүүстэ-эр-и-и кадыкшылга ажык-тыг (К. А. Бичелдей. 'Утром и вечером по улице гулять для здоровья полезно' (-эр - аффикс причастия буд. вр., -и - притяжат. аффикс 3 л. в безличном значении)).

Прилагательные эмоционального состояния образуются от основ эмотивных глаголов с помощью суффикса -н-чыг: адаарга- 'завидовать', адаарга-н-чыг 'завидно'; хомуда- 'жалеть', хомуда-н-чыг 'жалко'; хорада- 'сердиться', хорада-н-чыг 'возмутительно; раздражающий'; мунгара- 'огорчаться, грустить', мунгара-н-чыг 'печальный, грустно' и т.п. Видимо, это составной суффикс: -н можно выделить как суффикс отглагольных имен "с различными конкретными и абстрактными значениями"³; -г - как суффикс качественных прилагательных (хотя указывается, что он присоединяется к глагольным основам⁴). Однако суффикс -чы описан как образующий "имена лиц по их профессии, по роду их занятий или характеризующей их по свойственным им привычкам, по их любимому занятию и т.п."⁵, т.е. семантика его явно не вписывается в общую картину. Отметим, однако, что в близком тувинскому алтайском языке отмечается суффикс -чы, образующий отглагольные имена со значением состояния⁶. Возможно, такое значение есть или было и у тувинского суффикса -чы.

Форманты на -лыг от эмотивных основ также возможны, но образуются они более сложно: от основы эмотивного глагола образуется отглагольное существительное, а от него уже - прилагательное на -лыг: өөрү- 'радоваться', өөрү-шкү 'радость', өөрүшкү-лүт 'радостный'; ср. өөрү-н-чүг 'вызывающий радость; радостно, приятно'. Если же первично эмотивное существительное, а глагол произведен от него, то прилагательное на -лыг образуется непосредственно от существительного: кылык 'вспыльчивость', кылык-тан- 'вспылить', кылык-тыг 'вспыльчивый, раздражительный'.

Смысловое (и, следовательно, функциональное) различие между эмотивными прилагательными на -лыг и -н-чыг заключается в следующем. Прилагательные на -лыг в основном выражают эмоцию как свойство субъекта (= 'испытывающий эмоцию'), поэтому употребляются преимущественно в определительной функции. Прилагательные на -н-чыг в основном передают эмоцию как связанную с объектом (= 'вы-

ывающий эмоцию'), поэтому употребляются как в функции определения, так и в функции сказуемого, подлежащее при котором может разворачиваться в ПЕ, называющую событие – объект эмоции.

Сээн ээп кел-ген-иң-ѳ өөрү нчүг-дүр (нельзя өөрүшкү-лүг) (К. А. Бичелдей). 'Ты (р.п.) вернулся-что-ты радостно' (-ген – аффикс причастия прош. вр., -иң – притяжательный аффикс 2 ед.). Ср. также өөрүшкү-лүг (нельзя өөрүнчүг) киж 'радостный человек', хотя возможно өөрүшкү-лүг (или өөрү-нчүг) хүн 'радостный день'.

Сээн чоруп тур-ар-иң-ѳ меңээ хараада-нчыг-дыр (К.А.Бичелдей). 'Ты (р.п.) уезжаешь-что-ты мне грустно (досадно)' (-ар – аффикс причастия буд.вр.), но нельзя – харааданчыг киж 'грустный человек'.

Возможно, что некоторые прилагательные на -нчыг тяготеют только к предикативной функции (нельзя хомуданчыг сестер 'обидные слова').

Таким образом можно сказать, что сочетание суффиксов -нчыг специализируется на образовании прилагательных эмоционального состояния, использующихся в основном в подлежащной конструкции (или в определительной функции); его можно, кажется, рассматривать как новый отдельный суффикс, который сложился для заглаживания на морфологическом уровне синтаксической семантики подлежащих конструкций эмоционального состояния, для "вычленения" этой семантической группы из более широкой группы оценки.

Алтайский язык. Производные прилагательные со значением оценки и эмоционального состояния образуются в алтайском языке от именных основ при помощи аффиксов лу/лү, ту/тү, ду/дү (др.-тюркск. -лыг/-лиг'). Они также входят в более широкий класс прилагательных со значением обладания чем-л., выступающих в функции определения и сказуемого: балык-ту суу 'богатая рыбой река (рыбу-имеющая)', Ойрот областьтын колхозтору кой-лу 'Колхозы Ойротской области имеют овец (овец-имеющие)' ⁸.

Оценочные прилагательные образуются от оценочных имен; в предложении используются в функции определения и сказуемого (часто с подлежащной конструкцией): баа 'цена, ценность'; баа-лу 'цен-

ный, ценно'; баа-лу неме 'ценные вещи'; Докладчик нени айт-кан-ын ук-ан-ар-ѳ коркушту баа-лу (Л. М. Тойтыгина). 'Докладчик что сказал-что-он слышали-что-вы очень ценно (Очень ценно, что вы слышали, что говорил докладчик)'. Здесь собственное сказуемое подлежащной конструкции – причастие прошедшего времени на -ган (-ан) от информационного глагола ук- 'слышать' с притяжательным аффиксом 2 мн. -ар (из -ыгар); к этому глаголу в свою очередь относится изъяснительная конструкция с причастием в винительном падеже (-кан-ын, где -ын – аффикс притяжания 3 л. повсвенной основы.)

учур 'значение, смысл', учур-лу 'важный' ('имеющий значение'); учур-лу керек 'важное дело'; Слер-дин буру-лу кижини тап-кан-ыгар-ѳ жаан учур-лу (Л. М. Кокушева). 'Вы (р.п.) виновного человека нашли-что-вы очень важно' (-кан – аффикс причастия прош. вр., -ыгар – притяжательный аффикс 2 мн.). Ср. также: каршу-лу 'вредно' от каршу 'вред'; туза-лу 'выгодно' от туза 'выгода'; керек-тү 'важно' от керек 'дело' и т.п.

Прилагательные эмоционального состояния образуются от глагольных эмотивных основ при помощи сложного суффикса -нчылу/-мчылу (причем и носители языка, и словари дают вариативное написание, например: каткы-нчылу и каткы-мчылу 'смешно'). Этот суффикс Н. П. Дыренкова рассматривает как сочетание суффиксов -ам/-м или -ан/-н (суффиксы отглагольных имен не определяемого ею значения), -чы/-чи (суффикс отглагольного имени со значением состояния) и известного уже аффикса -лу ⁹. Это уникальное сочетание аффиксов используется только для образования прилагательных эмоционального состояния; вероятно, оно сложилось именно для закрепления категориальной семантики этого подкласса прилагательных. Такие прилагательные могут использоваться в роли определения, но чаще всего – в роли сказуемого при подлежащной конструкции: кайка- 'удивляться', кайка-мчылу 'удивительный, удивительно'; кайка-мчылу сурак 'удивительный вопрос'; Онын миндй јакшы иштег мойныш-кон-н-ѳ кайка-мчылу (Л. М. Кокушева). 'Он (р.п.) от такой хорошей работы отказался-что-он удивительно' (-кон – аффикс причастия прош. вр., -н – притяжательный аффикс 3 л.).

катки- 'смеяться', катки-мчылу 'смешной, смешно', катки-мчылу сбе 'смешные слова'; Онын айдып тур-ган-ын-а будуп тур-ган-ын-б меге катки-мчылу (В. Е. Тоедов). 'Он сказал тому-что-он поверил-что-ты мне смешно'. Причастное сказуемое подлежащей конструкции - эмотивный глагол буд- 'верить' в аналитической форме; вспомогательный глагол оформлен аффиксами причастия прошедшего времени на -ган и притяжания 2 ед. -ын. К нему в свою очередь относится управляемая конструкция со сказуемым-причастием в дательном падеже (-а) с притяжательным аффиксом 3 л. (-ын). Ср. также: ачы-мчылу 'жалко' от ачин- 'жалеть', коркы-мчылу 'страшно' от коркы- 'бояться', јески-нчылу 'противно' от јескин- 'брезговать' и т.д.

От существительных со значением эмоции (как производных, так и отглагольных) могут также образовываться прилагательные на -лу/-ту/-ду; но поскольку мы работали только со словарем, а не с информантами, нам не удалось установить между прилагательными на -лу и на -мчылу таких четких смысловых различий, как в тувинском. Они могут иметь значение 'испытывающий эмоцию' (кубат-ту 'радостный' от кубат 'радость'), и значение 'вызывающей эмоцию' (коркыш-ту 'страшный'; коркыш 'страх', коркы- 'бояться'), и оба значения одновременно (уят-ту 'совестливый' и 'стыдный, стыдно'; уят 'стыд', уял- 'стыдиться'). Нужно отметить, впрочем, что в роли сказуемых при подлежащих конструкциях из эмотивных прилагательных на -лу/-ту/-ду мы регулярно встречали только слово уятту 'стыдно'; употребление остальных требует дополнительного изучения.

Про алтайские прилагательные на -мчылу также можно сказать, что на их морфологическую структуру оказала влияние грамматическая семантика подлежащей конструкции, в которой они используются.

Бурятский язык. Производные прилагательные оценки и эмоционального состояния производятся в бурятском языке от именных основ с помощью одних и тех же показателей - суффиксов со значением обладания: -тай (положительная форма: 'имеющий какое-либо свойство') и -гүй (отрицательная форма: 'не имеющий свойства')¹⁰. Оценочные прилагательные образуются от имен со значе-

нием оценки, прилагательные эмоционального состояния - от именных эмотивных основ, как производных, так и отглагольных. Используются они также в функции определения и сказуемого (часто с подлежащими конструкциями).

Оценочные прилагательные: ая 'приличие', 'такт'; ая-тай 'приличный, прилично; приятно'; ая-гүй 'неприличный, неприлично'; ая-гүй асуудал 'неприличный вопрос'; Иимэ асуудал һура-ха-б-нь ая-гүй (М. Р. Санданова). 'Такие вопросы задавать неприлично' (-ха - аффикс причастия буд. вр., -нь - притяжательный аффикс 3 л.).

һони(н) - 'новость; интересный, новый'; һони-гүй 'неинтересный'; һони-той 'интересный'; һони-гүй ном 'скучная книга'; Иимэ басага хахуудаа хэжэ байгаад, ангайда-ха-б-мнай-ш һони-гүй бай-на даа (Х., с. 29). 'Такая девушка рядом есть-когда, опростоволоситься-нам-ведь неинтересно ведь' (-ха - аффикс причастия буд. вр., -мнай - притяжательный аффикс 1 мн., -ш - усилительная частица).

Ср. также һайшаал-тай 'одобрительный, вызывающий одобрение' от һайшаал 'одобрение'; хоро(н) 'вред', хоро-той 'вредный, вредно', хоро-гүй 'безвредный, безвредно'; ашаг 'выгода', ашаг-тай 'выгодно', ашаг-гүй 'невыгодно'; акул 'опасность', акул-тай 'опасный, опасно', акул-гүй 'безопасно' и т.п.

Интересно, что некоторые производные оценочные прилагательные также могут оформляться суффиксом -тай и встречаются в подлежащих конструкциях в двух формах: зүб наряду с зүб-тай 'правильный, правильно', бэрхэ наряду с бэрхэ-тай 'трудно' и т. п. Интересно было бы проследить за функциональным распределением таких форм с суффиксом -тай и без него.

Прилагательные эмоционального состояния:

гайха- 'удивляться', гайха-л 'удивление', гайхал-тай 'удивительный', гайхал-гүй 'неудивительный'; ... багшынгаа нэрье Будажаб гэжэ Батын мэдэ-һэн-б-ийн гайхал-гүй (Шойд., с. 49). 'Учителя имя Будажаб что Бато знал-что-он не удивительно (=не удивительно, что Бато знал, что имя учителя - Будажаб)'. Здесь -һэн - аффикс причастия прош. вр., -ийн - притяжательный аффикс 3 л.) гомдо- 'сожалеть', гомдо-л 'сожаление', гомдол-той 'жалобный;

обидно'; гомдолтой замэлэнги нидеэр хараха 'смотреть с укором (букв. жалобными укоризненными глазами)'; Шамтай тэрэ зүн уулзаа-гүй-д-мни ехэ гомдол-той (М. Р. Санданова). 'С тобой этим летом не встретились-что-я очень обидно' (-аа - аффикс причастия прош. вр., -гүй - отрицательный аффикс, -мни - притяжательный аффикс 1 ед.).

Формы на -тай/-гүй могут быть образованы от существительных: харам 'скупость, жалость' (харам-са 'жалеть'), харам-тай 'жалкий, жалко'; харам-тай үгэ 'жалкие слова'; Намай хүлээнгүй үнгэр-нэн-д-ийн харам-тай (Б. 78 З, с. 23). 'Меня не-дождавший скончался-что-он жалко' (-нэн - аффикс причастия прош. вр., -ийн - притяжательный аффикс 3 л.).

Ср. также уй-тай 'грустно' от уй 'грусть'; атаа-тай 'завистливый, вызывающий зависть, завидно' от атаа(н) 'зависть' и т.п.

Интересно, что большинство оценочных и эмотивных прилагательных в бурятском имеет вариативное управление - может присоединять как подлежащую конструкцию, так и конструкцию с зависимым сказуемым-причастием в дательном-местном падеже:

Танай иигэжэ хэлэ-хэ-д-ннай (или хэлэ-хэ-дэ-тнай) намда гайхал-тай (М. Р. Санданова). 'Вы так говорите-что-вы мне удивительно' (-хэ - аффикс причастия буд. вр., -дэ - аффикс дат. -местного падежа, -тнай - притяжательный аффикс 2 мн.).

Заключение. Проанализированный материал показывает, что в алтайских языках имеются специальные морфологические показатели, оформляющие имена оценки и эмоционального состояния, которые используются как в определительной, так и в предикативной функциях (особенно в функции сказуемого при подлежащей конструкции). Для тюркских языков Сибири характерно особое морфологическое оформление имен эмоционального состояния (тув. -нчыг, алт. -мчылу) в отличие от оценочных имен (тув. -лыг, алт. -лу), т. е. в морфологии этих имен формально закрепляются два оттенка смысла, которые могут передаваться в подлежащей конструкции - оценка или эмоциональное состояние в отношении какого-либо события.

В бурятском языке это различие формально не выражается¹¹ - здесь идет смысловая и формальная дифференциация по признаку

положительности/отрицательности (аффиксы -тай и -гүй соответственно). Различие между именами оценки и эмоционального состояния поддерживается только семантикой основы, от которой образовано имя на -тай/-гүй (оценочное от существительных со значением оценки, эмоционального состояния - от эмотивных существительных).

С учетом типологической близости между подлежащими и шпре-причастно-падежными конструкциями в алтайских языках, морфологические расхождения между предикативными именами - сказуемыми при подлежащих конструкциях в тюркских и монгольских языках могут дать материал для изучения истории формирования этой подсистемы сложных конструкций.

Примечания

¹ Адресация примеров - в "Списке языковых источников" в конце статьи.

² Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 192.

³ Там же, с. 170.

⁴ Там же, с. 189.

⁵ Там же, с. 154.

⁶ Диренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 52.

⁷ Серебренников Б., Гаджиева Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, с. 117-118.

⁸ Диренкова Н. П. Указ. соч., с. 74.

⁹ Там же, с. 75. Интересно, что аналогичное сочетание аффиксов отмечается и в шорском языке: "В шорском языке имеются име-

на с сочетанием аффиксов -чы/-чу и -лыг. Последние образуют качественные прилагательные от существительных на -чы/-чу, обозначающих неодушевленные предметы или абстрактные понятия (подчеркнуто нами - Е. С.)" - Ч и с п и я к о в Э. Ф., Е с и п о - в а А. В. Вопросы тюркской филологии (Отчет о XIII научной конференции преподавателей Новокузнецкого ГПИ); цитата относится к докладу С. П. Тимониной. - Советская тюркология, 1980, № 3, с. 105.

10 Д о н д у к о в У.-Ж. III. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 74, 81.

11 Нужно отметить, что и в бурятском языке имена оценки и эмоционального состояния, видимо, каким-то образом противопоставляются остальным образованиям на -тай/-гүй. Так, Т. А. Бертагаев говорит о том, что существительные с показателем принадлежности (совместного падежа) -тай имеют тенденцию к адъективации, и приводит примеры полностью адъективировавшихся слов. Любопытно, что в его списке все слова (за исключением слова хамар-тай 'ленивый') относятся к интересующей нас семантической группе: уур-тай 'сердитый', хайра-тай 'жалкий', гайхал-тай 'удивительный', уйдхар-тай 'печальный' и др. - Б е р т а г а е в Т. А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков). - В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 99.

Список языковых источников

- Б. - журнал "Байгал" (цифрами далее обозначены год издания и номер).
Х. - Хамаев Ц.-Д. Үүрээр ерэнэн үер. Улаан-Үдэ, 1975.
Шойд. - Шойдоков Б. Дархан соло. Улаан-Үдэ, 1971.

Если примеры получены у носителя языка, в скобках после примера указывается его фамилия.

Примеры без указания источника взяты из словарей.

Л. А. Шамина

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В тувинском языке, как и во всех тюркских языках, имеется класс служебных слов, дополняющий и уточняющий значение падежей. Это послелогов и служебные имена. Существуют разные точки зрения по этому вопросу. Одни авторы не разграничивают эти понятия и те и другие называют послелогом, другие - выделяют их в особый класс, противопоставляя служебные имена послелогам¹.

В данной статье речь пойдет о служебных именах. Придерживаясь точки зрения авторов "Грамматики тувинского языка", определим служебные имена как "Служебные слова, выделившиеся из числа имен существительных в особую часть речи и выполняющие аналогичные с послелогом функции"².

Служебные имена имеют отчетливую именную основу, за ней следует позиция аффикса притяжания, после которого идут аффиксы падежей.

От одной и той же именной основы в тувинском языке может быть образовано до пяти служебных имен, которые различаются падежными аффиксами и оттенками семантики. Но употребление одной основы служебного имени с разными падежными аффиксами не есть склонение, как это было бы с именем существительным; при помощи падежных аффиксов и аффиксов притяжания образуются новые лексемы со своими значениями, хотя и близкими, но не тождественными. В сходной ситуации в финно-угроведении говорят о серийности послелогов³. В нашем случае можно было бы говорить о серийности служебных имен. Например, от основы существительного кыдыг - 'край', 'берег' с довольно общим пространственным значением в тувинском языке образуется "серия" из четырех служебных имен: кыды-ын=га, кыды-ын=да, кыды-ын=дан, кыды-ын=че. За общей именной основой - кыдыг следует притяжательный аффикс 3-го лица -ын, а за ним - аффиксы, материально тождественные падежным, соответ-

ственно, дательного (-га), местного (-да), исходного (-дан), направительного (-че).

Приведем пример употребления данной основы в форме на -да:

(1) Ынаар удуг арыг кыды=ын=да чооктулап кирип келген хаялыг даг баар=ын=да узун-узун теректер ара=ын=че бир кара ыт шейбек, чинге кара кылдыр шурап киргенин шала көрүп чыдып калдым. (С.Сарыг-оол, с. 32) - 'Еле успел заметить, как узкой длинной (тенью) одна черная собака прыгнула между высоких тополей у подножия скалистой горы, близко подошедшей к краю тамошнего большого леса.'

Кроме служебного имени кыдында, здесь имеется второе служебное имя -баарында, которое также имеет четырехчленную серию, а служебное имя аразынче - пятичленную.

Служебные имена используются преимущественно для выражения пространственных отношений. Основное ядро пространственных служебных имен (14 из 24-х) характеризуется четырьмя показанными выше позициями: - га, -да, -дан -че. Это служебные имена, образованные от следующих именных основ: арты - 'задняя часть чего-либо', ижин - 'внутренности чего-либо', кыдыг - 'край', мурну-перед', орту - 'середина', соң - 'конец', үзүн - 'верх', хажы- 'сторона', чан - 'бок', чоок - 'близкий', ында - 'место позади чего-либо', баш - 'голова', баары - 'передняя часть предмета'.

(2) Бир сактыр чүвем:бистерни мунгаш бызаа кажазынчы, ишт=ын=ге от салгаш, дөглөндирген тур. (С.Сарыг-оол, с.19) - 'Еще одно помню: он разжег огонь внутри крытого телятника и греет нас'.

(3) Мырындай аал арт=ын=да хөлчөк бедик, кызыл шорааннарлыг оүүр кыр=ын=га үнүп келдивис. (С.Сарыг-оол, с. 22) - 'Мы взойшли на вершину очень высокого пика с красными туманами, который стоит совсем близко за аалом'.

(4) Ачам кыр аскырывыстын, кырында шары чоная салгаш, уг-бамны ушкаргаш, морзук-кежи бөскөлүг чактыр боозун чүктөпкөн. (С.Сарыг-оол, с.18) - 'Отец на чалого жеребца потник положив, сестру-моя перед собой посадив, на плечо вскинул свою кремневку в барсучьем чехле'.

Служебные имена с основой на адак - 'нижняя часть', кыр - 'грань', ара - 'промежуток' зафиксированы в тувинско-русском словаре в пяти вариантах. Кроме четырех названных (-га, -да, -дан, -че), от данных основ образуются служебные имена с показателем -биле:

(5) Ол ара=зын=да шагда-ла ерттенгеш, кагдынган Хулдуг-Одек деп чурт бар чүве. (С.Сарыг-оол, с. 36) - 'Там на пути имеется давно сторевшее и покинутое стойбище Хулдуг-Одек.'

(6) Ол чуртту таварып караңгы имирде кара талдар аразын-биле эртип чыдырывыста, бир бөлүк тал ара=зын=дан чаш уруглар-даа ыглажыр, халактап алгыржыр-даа сааскан-даа шажылаар, бужар чииртим шимээн дойлуп-ла үндү (С.Сарыг-оол, с.36) - 'Когда через это стойбище проезжали между черными тальниками в сумерках, со стороны группы тальников поднялся невообразимо ужасный вой, шум: то плачут какие-то младенцы, то кто-то кричит проклятья, то застрекочут сороки'.

Здесь именная основа ара- зафиксирована в трех формах: в форме на -да, -дан, -биле.

Именные основы кыр и ижин представлены словарем также в форме на -дыве (аффикс 2-го направительного падежа). В текстах такие формы нам пока не встречались. Весьма возможно, что и другие служебные имена образуют формы с -дыве, но это, по разным причинам, не отражено в словаре.

Три служебных имени представлены сериями из трех форм: алды - 'низ', бети - 'эта сторона', дашты - 'наружность':

алдынга - алдында - алдындан
бетинге - бетинде - бетинден
даштынга - даштында - даштындан

Во всех трех случаях не достает направительного падежа. Пустые позиции в сериях этой группы могут объясняться двояко: во-первых, эти формы могли случайно не попасть в поле зрения описаний, преследовавших другие цели. Это подтверждается тем, что в современной литературе встречаются формы на -че от основы на баш и баары, которые также в словаре не отмечены:

(7) Мен аалдан бо даг баж=ын=че көөрүмгө, дээр мырай ооң,

кырында дээп турар чъве болгай (С.Сарыг-оол, с.22) - 'Когда я посмотрел из юрты на вершину этой горы, (подумал) небо оо-сем ведь касается ее'.

(8) Дерим караамче кпир аккаш, өрү няттар баж-ын-че кө-өрүмге, чүү-даа көзүлбөс. (С.Сарыг-оол, с. 33) - 'Когда я посмотрел вверх, на вершины деревьев, пот заливает глаза и ничего не видно'.

(9) "Ээ авамга сөглээр болзумза, мырыңай чорутпас!" деп бодааш, дуруг баар-ын-че баар орук уу-биле будуч ыдып-ла кагдым. (С.Сарыг-оол, с. 32) - "Ээ, маме моей если скажу, то оо-сем не пустит" - подумав так, тайком пустился в направлении дороги, ведущей к подножию скалистого обрыва.

Во-вторых, можно предполагать, что некоторые формы служебных имен в форме на -че не употребляются в языке.

Некоторые серии служебных имен представлены двумя формами (по данным "Грамматики тувинского языка" и Тувинско-русского словаря, а также в наших материалах):

сөөлүнге - сөөлүнде - 'после' от сөөлү - 'конец чего-либо',
ужурунда - ужурундан - 'по причине' от ужур - 'причина'

Следует сказать о служебных именах, представленных только одной падежной формой. Их можно назвать несерийными. Это, по нашим данным, следующие формы:

шаанда - 'пока не' от шаг - 'время',
хирезинде - 'хотя и' от хире - 'около',
уламындан - 'по причине' от улам - 'весь', 'целый',
дургузунда - 'в течение' от дургу - 'весь',
уеде - 'в то время' от уе - 'время',
өйде - 'в то время' от өй - 'время'.

Перечисленные служебные имена можно представить в виде табл. лица. Порядок их расположения зависит от количества заполненных позиций аффиксами, материально тождественными падежным, с которыми зафиксированы данные служебные имена.

Начальная форма		Серийные служебные имена						Твор. л. Вн	
Дет. л.	Местн. л.	Исх. л.	Напр. л.						
1. адак 'нижняя часть'	адакан-та	адакан-да	адакан-дан	адакан-че	адакан-биле	-	-	-	-
2. кыр 'грань'	кырын-та	кырын-да	кырын-дан	кырын-че	кырын-биле	-	-	-	-
3. ара 'промежуток'	аразын-та	аразын-да	аразын-дан	аразын-че	аразын-биле	-	-	-	-
4. арты 'задняя часть'	артын-та	артын-да	артын-дан	артын-че	-	-	-	-	-
5. баары 'передняя часть'	баарын-та	баарын-да	баарын-дан	баарын-че	-	-	-	-	-
6. баш 'голова'	башын-та	башын-да	башын-дан	башын-че	-	-	-	-	-
7. ижин 'наутри чего-л.'	ижин-те	ижин-де	ижин-ден	ижин-че	-	-	-	-	-
8. кыдыг 'край'	кыдын-та	кыдын-да	кыдын-дан	кыдын-че	-	-	-	-	-
9. муруну 'перед'	мурунун-та	мурунун-да	мурунун-дан	мурунун-че	-	-	-	-	-
10. орту 'середина'	ортузун-та	ортузун-да	ортузун-дан	ортузун-че	-	-	-	-	-
11. сон 'конец'	соон-та	соон-да	соон-дан	соон-че	-	-	-	-	-
12. үзүн 'верх'	үстүн-те	үстүн-де	үстүн-ден	үстүн-че	-	-	-	-	-
13. хажын 'сторона'	хажын-та	хажын-да	хажын-дан	хажын-че	-	-	-	-	-
14. чан 'бок'	чанын-та	чанын-да	чанын-дан	чанын-че	-	-	-	-	-
15. чоок 'близкий'	чоолун-та	чоолун-да	чоолун-дан	чоолун-че	-	-	-	-	-
16. ыдыг	ыдыгын-та	ыдыгын-да	ыдыгын-дан	ыдыгын-че	-	-	-	-	-

* В словаре исходной формы этих слов нет.

Начальная форма	Дат. п.	Местн. п.	Ист. п.	Напр. п.	Твор. п.	Вн. п.
Не серийные сл. имена						
17. алин 'низ'	алин-га	алин-да	алин-дан	-	-	-
18. бети 'эта сторона'	бетин-ге	бетин-де	бетин-ден	-	-	-
19. дашты 'на-ружность'	даштын-га	даштын-да	даштын-дан	-	-	-
20. сеелу 'конец'	сеелун-ге	сеелун-де	-	-	-	-
21. орун 'место'	орун-га	орун-да	-	-	-	-
22. дугай*	-	дугайн-да	-	-	-	дугай-ин
23. ужур 'причина'	-	ужурун-да	ужурун-дан	-	-	-
24. хараа*	-	-	хараазын-дан	-	-	-
25. улам 'все, более'	-	-	уламын-дан	-	-	-
26. хире 'около'	-	хирезин-де	-	-	-	-
27. дургу 'весь'	-	дургузун-да	-	-	-	-
28. үе 'время'	-	үе-де	-	-	-	-
29. ей 'время'	-	ей-де	-	-	-	-
30. шаг 'время'	-	шаан-да	-	-	-	-

Таким образом, мы видим, что последовательно серийными являются прежде всего служебные имена, выражающие пространственные отношения. Несерийных служебных имен гораздо меньше, — всего шесть. Они выражают отношения обусловленности: причинные — уламындан, уступку — хирезинде и временные.

Если представить систему служебных имен в виде шкалы, на полюсах которой размещены соответственно, пространственные и не — пространственные служебные имена, то мы увидим, что вместе с постепенным убыванием пространственных признаков, убывает и исчезает также и серийность. На каком-то этапе "отрыва" от пространственных отношений эта серийность становится ненужной для служебного имени. Оно начинает выражать отношения более определенно "привязанные" к месту и времени, т.е. — временные и причинные отношения.

Временные отношения — производные — и очевидным образом формируются на базе пространственных. Но не у всех пространственных служебных имен могут развиваться временные значения. Развиваются они у служебного имени соонда — 'после' от соң — 'конец', бетинге — 'прежде' от бети — 'эта сторона', мурнунда — 'прежде' от мурну — 'перед'. Приведем примеры с данными служебными именами:

(10) Кижим мээн, соо=м-дан, биеэги Достайның, соондан мээн, чадаг челип олурганым-даа ышкаш, бажын халайтышкан тошкундурлаан базып олур. (С.Тока, с.238) — 'мой дружок, опустив голову, вприпрыжку зашагал за мной, очень похоже на то, как я тогда шел вслед за Достаем'.

(11) А инаар аал мурнунда Арыг-Бажи шынааны, оон, ындында бөдик дагларны көөрүмге ырак, делгемин, улуг магалнын чүү дээр ону! (С.Сарыг-оол, с. 17) — 'Как посмотрю на долину Арыг-Бажи перед аалом, на высокие горы за ней — как они высоки, просторны и величаво прекрасны!'

Специально временными являются служебные имена — дургузунда, шаанда, үеде, ейде. Они используются как в сочетании с местоимениями и существительными, обозначающими событие, так и с причастиями, выступающими в роли сказуемых зависимой части полипредикативных конструкций. Например:

(12) Баштай улуг үер үе-аин-де сугже будуун халайткан, ыяш ышкаш, бажын халайткылаан, хөглүг эвес чылгычлар эеп келген. (С.Тока, с. 28) - 'Первыми, невесело понуриив головы, как дерево опускает ветви в воду во время большого разлива, вернулись табунщики.'

Здесь служебное имя үезинде сочетается с существительным үер- 'разлив'.

(13) Мындыг кончуг тараа алдынын, ей-үн-де оодду алдынца кайын боор. (С.Тока, с. 69) - 'Ты хочешь забрать сына во время такой страды. (буквально: такого ужасного зерен (хлеба) собирания во-время-его ты хочешь забрать сына).'

В данном примере служебное имя ейүнде сочетается с причастием настояще-будущего времени на -р. Ср. также: он ай дургу-зун-да - 'в течение десяти месяцев', где служебное имя дургузунда сочетается с числительным он ай - 'десять месяцев'; ол шагда - 'в те времена' - служебное имя сочетается с местоимением ол- 'тот'.

Особо следует сказать о служебном имени дугайында. Оно восходит к монгольскому слову тухай - 'о', 'об', 'насчет чего-то'. В научной литературе по тувинскому языку его определяют и как послелог, и как служебное имя⁴. В бурятском языке - это послелог. В тувинском языке не зафиксирована такая именная основа, от которой образовалось служебное имя дугайында. Можно предположить, что дугайында образовалось на тувинской почве не от существительного, которого в языке нет, а сразу как служебное имя. То есть по модели, характерной для служебных имен тувинского языка, из заимствованного слова⁵ тухай 'случай' образовалось самостоятельное служебное имя дугайында.

Также не отмечено в словаре как имя существительное и слово хараа. Есть только служебное слово хараази-биле, харааындан - 'по причине', 'вследствие':

(14) Шимеэн чок шышың, хуннер турган. Ооң хараази-биле саарыгларга Мерген улам дыка ырап чыткан. (С.Тока, с. 48) - Стояли бесшумные тихие дни. Именно поэтому Мерген еще громче пела на водопадах'.

Хотя морфологически хараази-биле сходно со служебным именем адаа-биле, но последнее восходит к именной основе адак - 'нижняя часть', а имени, от которого образовалось хараази-биле мы не знаем.

Служебное имя хиреде (хирезинде) выражает уступительную семантику. Но его семантическая связь с именной основой затемнена: из значения "возможность", "способность" или "примерно", "около" уступительное значение "хотя и" не выводится. Служебное имя дургузунда полностью "подстроилось" под служебные имена, втянуло притяжательный аффикс -ын и без него не употребляется.

Что касается имен үеде, ейүнде, шаанда, то здесь дело обстоит сложнее. В качестве существительных со значением 'время' они имеют потенциальную позицию притяжания, но она может быть пустой; тогда как в служебных именах эта позиция должна быть заполненной. В этом отношении шагда и үеде морфологически подобны существительным. Но все же, в наших материалах зафиксировано служебное имя от основы шаг- с последовательно замещенной позицией притяжания. Мы располагаем пока только одним примером, где нет притяжательного аффикса:

(15) Эртен тургаш, баштай ажылда-ва-ан шаг-да черле чем ишпес улус (С.Сарыг-оол, с. 26) - 'Встав поутру, пока не поработают, они никогда не садится кушать'.

Здесь в сочетании с отрицательной формой причастия прошедшего времени на -ган служебное имя шаа//да не имеет обычного для него притяжательного аффикса, соответственно, 1-го, 2-го или 3-го лица. Ср., например;

(16) Чемнен-мэ-эн шаа-н-да ону салбадым. (С.Сегленмей) - 'Пока он не поел, я его не отпустил'.

Нельзя, по-видимому, еще сказать, что үезинде, ейүнде, шаанда уже вполне сложились как служебные имена. Идет живой процесс образования этих служебных имен, близкий к завершению.

Таким образом, служебные имена характеризуются неполной сло-

вообразовательной парадигмой падежного типа. Наиболее характерны для них аффиксы местного, дательного, исходного, направительного падежей; некоторые служебные имена имеют также формы с послелогом-аффиксом творительного падежа (адаа-биле, хараазы-биле); и только одно служебное имя - аффикс винительного падежа (дугайын).

Лишь одна именная основа имеет полный набор (серию) падежных аффиксов (кыр-кырынга-кырында-кырындан-кырынче (кырындыве) - кыры-биле).

Позиция притяжательных аффиксов служебного имени - переменная и зависит от знаменательного имени. Сочетание служебного имени и знаменательного представляет собой единый комплекс, где притяжательный аффикс - показатель этого единства.

Следует также сказать о том, что список служебных имен не исчерпывается представленными в Грамматике тувинского языка и Тувинско-русском словаре. В художественной литературе нами зафиксированы служебные слова, морфологически сходные со служебными именами: тала-зын-че - тала-зын-дан- талазы-биле от тала - 'сторона', 'бок'; доора-зын-да - доора-зын-дан от доора - 'поперечный', 'косвенный'; дөр-ун-де от дөр 'задняя сторона'; определение статуса которых требует дополнительного исследования.

примечания

¹ См., например: К а з е м - Б е к А. Грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1839, с. 356; Грамматика алтайского языка, Казань, 1869, с. 102-104; Д м и т р и е в Н.К. Служебные имена в турецком языке. - В кн.: Строй тюркских языков, М., 1962, с. 114-132; О р а з о в М. Служебные имена в тюркских языках, АКД, Ташкент, 1970. Подробнее история вопроса о служебных именах и послелогох изложена в нашей статье "Причастно-послеложные конструкции зависимой части тувинских сложноподчиненных предложений времени. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения, Новосибирск, 1981.

² И с х а к о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Грамматика тувинского языка, М., 1961, с. 439.

³ С а й н а х о в а А. И. Служебные имена в мансийском языке. АКД, М., 1966.

⁴ И с х а к о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Указ. соч., с. 445.

⁵ См., например, М а й т и н с к а я К. Е. Заимствование релятивных слов в финно-угорских языках. - Советское финно-угроведение, 1981, № 1, с. 1-5.

Список источников

С. Сарыг-оол - Аңгыр-оолдун тоожусу, Кызыл, 1978.
С. Тока - Араттын сөзү, Кызыл, 1980.

Если примеры получены у носителя языка, в скобках после примера указывается его фамилия.

СОЧЕТАНИЯ ИМЕН С ПОСЛЕЛОГАМИ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном киргизском языке для связи слов в предложении активно используются послелого, которые следуют после существительного, стоящего в форме того или иного падежа. В сочетании с падежными формами имен они образуют субстантивно-послеложные комплексы, выделяемые в составе словосочетаний и предложений. Такие конструкции передают в речи серию разнообразных синтаксических отношений: пространственные, временные, причинно-целевые и другие. Киргизский язык типологически характеризуется тем, что в нем "словоформа включает такое количество маркеров, какое в ней содержится граммем" ¹. Послелог – компонент субстантивно-послеложного сочетания, его функция – модификация семантики той или иной падежной формы, дифференциация внутринадежных значений.

Объектом исследования в настоящей статье являются "чистые", управляющие именами послелого. В тюркологической литературе нет полного единодушия по поводу того, какие именно служебные слова относятся к категории послелогов. Некоторые авторы объединяют под этим названием послелого и служебные имена ², другие рассматривают данные разряды как самостоятельные ³. На материале киргизского языка систематическое описание собственно послелогов, в том числе их классификация, даны в исследовании Дж. Мураталиевой ⁴. В центре ее внимания – происхождение послелогов и связь их с конкретными падежами имен.

Задача данной статьи – функциональный анализ послеложных конструкций в киргизском языке, осмысление их синтаксического назначения и возможностей. Выявляется одна из сторон грамматической природы падежно-послеложных конструкций – вариативные связи с падежными зависимыми формами. Делается попытка сопоставить "работу послелогов в составе субстантивно-послеложных комплек-

сов и, в качестве аналитических средств связи, в структуре сложно-подчиненного предложения (причастно-послеложные сочетания).

Минимальным контекстом, в котором выделяется конкретный тип синтаксических отношений, выражаемых падежно-послеложными конструкциями, является словосочетание, включающее в себя послеложную группу. В киргизском языке в роли главенствующего компонента таких словосочетаний чаще всего выступают глаголы: бычак менен кесипти 'порезали ножом'; илим учун курешкен 'боролся для науки', кат аркылуу жиберген 'послал в письме'; майрамга карата жасашкан 'сделали к празднику'.

Послелог в составе субстантивно-послеложного комплекса (сокр. СПК) детерминирует падежную форму существительного. Исходя из того, что существительные, сочетаясь с послелогом, стоят в киргизском в форме именительного, дательного, винительного и исходного падежей, послелого можно разделить на следующие группы:

- 1) послелого, управляющие именительным падежом имени (менен, учун, сымак, серей, аркылуу, чалыш и другие);
- 2) послелого, управляющие дательным падежом существительных (чейин, дейре, жараша, караганда и другие);
- 3) послелого, управляющие винительным падежом имени (кездей, бойдоп, карай, карап);
- 4) послелого, управляющие исходным падежом существительных (мурун, мурда, ары, башка, кере, соң и другие).

По функциям в предложении к послелогам близки служебные имена, организующие конструкции с модифицируемыми именами на основе изафетной связи.

Как известно, конструкции "существительное + послелог" выражают различные типы значений. Некоторые СПК выступают в качестве синкретичных конструкций, выполняющих несколько синтаксических функций. Так, служебное слово менен в сочетании с номинативом имеет пространственную, инструментальную, комититивную функции.

- (1). Токой менен келишти. 'Пришли по лесу'.
- (2) Канаты бар асман менен учат. 'Имеющий крылья летает по воздуху'.
- (3) Балта менен соккулад. 'Постучал топором'.

(4) Таш менен урганды аш менен ур. 'Ударившего камнем "накажи" угощением'.

(5) Айдарбек менен отурушту. 'Посидели с Айдарбеком'.

(6) Балык - суу менен, жигит - эл менен. 'Рыба существует вместе с водой, джигит - с народом'.

Способность послелогов менен выражать различные значения объясняет его широкое распространение в языке. Удельный вес конструкций с этим послелогом среди других подобных сочетаний достаточно велик. Особенно часто менен употребляется с существительными, обозначающими орудие действия. Столь же активны в речи СПК с послелогом менен, передающие значение совместности.

Служебное слово учун преимущественно выражает целевые отношения:

(7) Бул китепти Сабыр мен учун алып келди. 'Эту книгу Сабыр принес для меня'.

В ряде случаев сочетания с послелогом учун манифестируют причинную семантику:

(8) Алым болсо Чынгыз учун эле келет. 'А Алым приходит лишь из-за Чынгиза'.

СПК и собственно падежные формы существительных нередко близки по грамматической семантике. Естественно, что в том и другом случае имеется своя специфика. Однако анализ с позиций грамматической семантики всего предложения позволяет говорить о синтаксической синонимии, что подтверждается в первую очередь взаимозаменяемостью данных языковых единиц. Так, например, существительное в именительном падеже с послелогом сайын допускает замену существительным в длативе (подобные отношения в системе подчинительных связей называются вариативными⁵):

(9) Асан биздикине куну сайын келип журчу ← Асан биздикине кунунда эле келип журчу. 'Асан приходил к нам каждый день'.

Послелог чалыш, управляющий существительным в форме именительного падежа, может быть замещен именем с аффиксом уподобления -дай, что позволяет говорить о варьировании послеложной и беспослеложной форм. Подобные синонимические вариации ярко харак-

теризуют гибкость всей синтаксической структуры киргизского языка, так как варьирующиеся СПК и зависимые падежные формы имени коррелируют - о чем подробнее будет сказано ниже - с причастно-послеложными сочетаниями и причастно-падежными формами, участвующими в организации сложноподчиненного целого. Ср.:

(10) Ал мени көргөн сайын ошол жөнүндө сурайт. Ал мени көргөндө эле ошол жөнүндө сурайт. 'Он спрашивает об этом, каждый раз, как только меня увидит'.

Здесь отмечаются синонимичные отношения между формой местного-временного падежа причастия на -ган и причастным же номинативом, связанным с послелогом сайын. За беспослеложной формой следует частица эле. В обоих случаях выражается идея синхронности периодически повторяющихся главного и зависимого действий.

Будучи неизменяемыми служебными словами, послелоги не присоединяют к себе аффиксов притяжания и падежа - эти показатели входят исключительно в структуру модифицируемого имени. Притяжательный аффикс указывает на обладателя предмета, обозначаемого данным именем. В результате присутствие притяжательного местоимения становится излишним:

(11) Оюнчуктар балдарын учун алынды. 'Игрушки куплены для твоих детей'.

В сочетаниях существительных со служебными именами падежный показатель и аффикс принадлежности присоединяются к последним. Существительное в таких конструкциях закономерно получает посесивное оформление, т.е. аффикс родительного падежа. Если в структуру служебного имени входит показатель принадлежности, присутствие модифицируемого имени часто факультативно. На лицо контекстуальная неполнота конструкции. Ср.:

(12) Мырзабек арабага жакындап алдынан отуп кетт. 'Приблизившись к арабе, Мырзабек проскочил перед ней'.

В приведенном предложении служебное слово алдынан выступает в той же функции, что и комплекс арабанын алдынан 'перед арабой'.

Имеются и другие классификации послелогов кроме той, которой придерживается автор настоящей статьи (по тому, каким падежом существительного управляет послелог): в частности, классифика-

ция, основанная на происхождении служебных слов. Согласно этой последней такие слова, как кийин 'позже, после', илгери 'раньше, прежде', караганда 'смотря по' являются "последелогам по функции" ⁶. Они образуют отдельную группу последелогов. Остальные служебные слова – собственно последелог – противопоставляются им. В других позициях слова кийин, илгери будут выступать как наречия, слово караганда – как причастие в форме местно-временного падежа. Иными словами статус последелогов закреплен за данным разрядом слов в непосредственной связи с понятием СПК.

Последелог, сочетаясь с именами существительными в форме соответствующего падежа, способствуют более дифференцированному выражению отношений между предметами. Во всех описаниях грамматического строя киргизского языка, а также в учебных пособиях для вузов, в которых дается определение последелогов, постоянно указывается эта их функция. Ср., в частности, следующую формулировку: "Жандоочтор (последелог) – это такие неизменяемые слова, которые, сочетаясь с именами и находясь всегда после них, выражают отношения между предметами и управляют каким-либо падежом имени" ⁷. Вместе с тем, как уже было отмечено, в языке, на уровне сложного предложения, представлены и причастно-последеложные конструкции (сочетания инфинитивных форм глагола – причастий – с последелогам), являющиеся рефлексам СПК. В составе таких единиц последелог в сочетании с причастием, в форме того или иного падежа, в функции зависимого сказуемого выражает отношения между двумя событиями – главным и подчиненным. Через причастную форму, с которой он связан в рамках причастно-последеложного сочетания, последелог управляет всей придаточной частью сложноподчиненного предложения, тяготея в целом к его протазису. Как средство связи компонентов сложного целого последелог привлекается и в других родственных и типологически близких языках, например в шорском и бурятском ⁸. Использование последелогов на уровне сложноподчиненного предложения связано с их функционированием в простом предложении, что является, по мнению Е. И. Убратовой, "общетирской закономерностью" ⁹ – она проявляется, в частности, и в киргизском:

(13) Балдар абышка уйге киргенден мурун жетти келишти.
'Дети подросли еще до того, как старик вошел в дом'.

(14) Сабак жыйналыштан мурун откөрүлү. 'Занятие было проведено перед собранием'.

Комплексы "причастие + последелог", ориентированные на связывание придаточной части предложения с его главной частью, возникают, таким образом, на базе СПК.

Аналогично последеложным и беспоследеложным зависимым падежным формам имени имеет место варьирование комплекса "причастие + последелог" с причастно-падежными формами, выступающими в роли зависимого предиката:

(15) Койду болсо байбичеңер сүйүнгөнү учун берип койду.
Койду болсо байбичеңер сүйүнгөнүнөн берип койду. 'А овцу ваша байбиче дала, потому что обрадовалась'.

В данном случае причастный номинатив, сочетающийся с последелогом учун, нормально замещается причастием в форме исходного падежа. Сопоставление причастно-последеложных конструкций, предполагающих в своих манифестациях сложноподчиненное предложение, с единицами, в составе которых последелог управляет падежной формой имени, показало, что не все последелог, употребляющиеся с существительными, сочетаются с причастием. К примеру, среди причастно-последеложных комплексов с временной семантикой не зарегистрированы служебные слова жете, бою, илгери, которые представлены в системе СПК, передающих те поральные отношения. Аналогичная картина была выявлена и в синтаксисе якутского языка ¹⁰.

Следовательно, СПК представляют собой образцы последеложного управления, находящего отражение и в процессе организации сложных предложений. Как правило, тот падеж имени, который диктуется данным последелогом в рамках СПК, "вызывается" им и в том случае, когда он привлекается как средство связи предикативных единиц. Однако наблюдения показали, что имеются спорадические случаи отклонений от этого правила. Так, последелог соң в сочетании с именем требует аблатива, а с причастием регулярно управляет формой именительного падежа (оказионально – исходного), являясь во втором случае, по существу, экстраординарным, двупадежным служебным словом:

(16) Мени көргөн соң эмне ойлодун? 'О чем ты подумал, как увидел меня?'

Ср.:

(17) Айында иштегенден соң, шаарга баргым келбеди. 'Мне не хотелось ехать в город после того, как я поработал в селе'.

А теперь приведем случаи употребления в киргизском языке падежей с некоторыми послелогоми.

Существительные в форме именительного падежа вместе с послелогом аркылуу обозначает предмет, лицо, посредством которого совершается действие:

(18) Бул окуяны Жамийла аркылуу билдик. 'Эту историю мы узнали через Жамилю'.

Служебное слово жөнүндө, следуя за существительным в именительном падеже, обозначает предмет как тему или содержание разговора:

(19) Адабият жөнүндө сүйлөштүк. 'Мы говорили о литературе'.

Послелог сымак, организующий СПК с номинативом и передающий значение сравнения, имеет соответствия в других тюркских языках (каракалпакском, казахском). Н. А. Баскаков отмечает, что он развился из аффикса -аууақ, который "изолировался и лексикализировался в виде самостоятельного слова с реальной семантикой послелога уподобления 'подобно как'".¹¹ Обратимся к примеру с этим послелогом.

(20) Акыл сымак азырак сыр айтайын. 'Расскажу немного в виде доброго совета'.

Имена существительные в форме датива, сочетаясь с послелогам чейин, дейре, выражают предел действия во времени:

(21) Биз карангыга чейин иштемик болдук. 'Мы решили работать до темноты'.

Компаративные отношения передаются комплексами, в которых существительные, принимающие формант дательного падежа, связаны с послелогом караганда:

(22) Жылдызканга караганда Уркуя тиң. 'По сравнению с Жылдызканом Уркуя бодрее'.

Винительный падеж, редко употребляющийся в тюркских языках с послелогоми, в киргизском управляется послелогоми с пространственной семантикой. Существительное в форме этого падежа, сочетаясь с послелогом кезде, обозначает предмет, к которому направлено действие:

(23) Уйду кезде жөнөдүк. 'Мы отправились в сторону дома'.

Имена, принимающие аффикс винительного падежа, будучи связаны с послелогом бойлоп, называют предмет как часть пространства, по которому, вдоль которого (в непосредственной близости от которого) протекает движение (происходит действие):

(24) Алар трубаны бойлоп жогору чыгышты. 'Они поднялись вверх по трубе'.

Значение сравнения, "предпочтения" передается СПК, в составе которых существительные в форме аблатива управляются послелогом кере:

(25) Сениң арабаңдан кере менин машинам жайлуурак. 'По сравнению с твоей арбой моя машина удобнее'.

Имена в форме исходного падежа, связанные с послелогом бери, указывают на начальный момент действия, что отмечается и в случае с сочетаниями, включающими послелог кийин:

(26) Кыштан бери көрүшө элекпиз. 'Мы не виделись с зимой';

(27) Жумуштан кийин сеникине кире кеттик. 'Мы зашли к тебе после работы'.

В отличие от слова бери послелог кийин используется и для указания на ограниченный промежуток времени. В таком значении кийин корреспондирует с русским предлогом через:

(28) Бир сааттан кийин келем. 'Я приду через час'.

Сочетающийся с именами послелог является функциональным аналогом русского предлога. Но в отличие от предлога киргизское служебное слово употребляется и с формой именительного падежа. Причем, данный падеж — один из употребительных в этом плане. Послеложные конструкции, в составе которых отмечены формы номинатива, выражают в киргизском языке различные контаминирующие

синтаксические отношения. В частности, как уже отмечалось, послелог менен, сочетаясь с существительными в именительном падеже, передает обстоятельственные (токой менен 'по лесу'), определительно-обстоятельственные (курэк менен 'лопатой') и другие отношения. Вместе с тем сочетания имен с послелогом в киргизском не всегда соответствуют русским предложным конструкциям. Иногда в качестве их эквивалентов выделяются просто надежные формы (ударить о камень – 'ташка уруу'), в других случаях – сочетания существительных со служебными именами (бросить под дерево – 'теректин астина таштоо').

Таким образом, сочетаясь с послелогом (а также со служебными именами), существительные в киргизском языке выявляют одну из значимых сторон универсальной "языковой техники". Послелог используется для связи слов в предложении, а также для связи предикативных единиц в сложноподчиненном целом. Результаты проведенных сопоставлений обнаружили, что послелог на уровне простых монопредикативных предложений (сочетания: существительное + послелог) представлены богаче, чем на уровне сложных полипредикативных конструкций, т.е. сочетания: причастие + послелог.

Примечания

¹ Г у х м а н М. М. Соотношение словоизменительных грамматических категорий и типологии языка. – В кн.: Типология грамматических категорий, М., 1975, с. 25.

² Например, Б а с к а к о в Н. А. Каракалпакский язык.. ч. 2, М., 1952, с. 482.

³ Например, К о н о н о в А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.-Л., 1960, с. 283–286, 296–305; Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 384–397.

⁴ М у р а т а л и е в а Дж. Послелог в киргизском языке. Фрунзе, 1957.

⁵ Русская грамматика, П. М., 1980, с. 22.

⁶ Ю н у с а л и е в Б. М. Киргизский язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. 2 (Тюркские языки), М., 1966, с. 498.

⁷ Киргизский язык. Фрунзе, 1975, с. 137.

⁸ С и д о р о в а О. Г. Причастно-послеложные зависимые конструкции в составе полипредикативных предложений в шорском языке. – В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 76–80; Ч е р е м и - с и н а М. И., С к р и б н и к Е. К. Опыт формального описания причастно-послеложных конструкций. – В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980.

⁹ У б р я т о в а Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Новосибирск, 1976, с. 7.

¹⁰ У б р я т о в а Е. И. Указ. соч., с. 166–167.

¹¹ Б а с к а к о в Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, с. 63.

М. Н. Валл, И. А. Канакин

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Со времен М. А. Кастрена утвердилось мнение в том, что в енисейских языках насчитывается от 9 до 11 падежей. Эта точка зрения разделялась практически всеми последующими исследователями. Многие из них отмечали ущербность категории падежа¹, не видя в то же время необходимости в пересмотре подобной концепции. Между тем основания для подобного пересмотра имеются.

Категория падежа принадлежит к числу наиболее спорных в грамматике, и настоящая статья также не претендует на окончательное решение проблемы. Фундаментальные разногласия в понимании этой категории обусловлены прежде всего тем, что кладется в основу ее описания — форма или содержание. Хотя грамматическая категория есть единство того и другого, анализ любой категории приходится начинать с одного из этих двух аспектов. Необходимость выбора диктуется хорошо известным асимметричным дуализмом языкового знака², т. е. взаимным несоответствием единиц плана выражения и плана содержания.

Содержательная трактовка категории падежа имеет многочисленных сторонников, взгляды которых не отличаются единством. Упрощая положение вещей, можно выделить два подхода: семантический и синтаксический, первый из которых имеет очень давние традиции, восходящие еще к античности. Описание падежной семантики долгое время сводилось к возможно полному перечислению частных значений отдельных падежей в отдельных языках с выделением типичных и окказиональных случаев их употребления.

Потребности широких типологических исследований в последние десятилетия привели к поискам перечней либо систем падежных значений, определяемых дедуктивным путем и в идеале одинаково пригодных для описания любого языка. Наиболее серьезными попытками в этом направлении были работы Л. Ельмслева³ и Ч. Филлмора⁴.

Несмотря на бесспорную важность этих исследований, возможность построения подобных универсальных моделей представляется весьма сомнительной. Уязвимыми оказываются как чрезвычайно расплывчатый и абстрактный характер предлагаемых дефиниций общих падежных значений, так и принципиально неустранимая субъективность критериев их выделения⁵.

Убеждение, что "категории падежа невозможно дать удовлетворительное общее определение в семантических терминах"⁶ ведет к обоснованию синтаксической интерпретации ее содержания⁷. Однако хотя функции многих падежей во многих языках действительно главным образом синтаксичны, свести все содержание в целом только к ним не удастся; так называемые конкретные или пространственные падежи, как правило, не находят отражения в синтаксически интерпретированных моделях. Кроме того, по-видимому, любые синтаксические трактовки также относительны и не могут претендовать на всеобщую значимость. Об этом свидетельствуют, в частности, факты диалектологии, например немецкой, в которой отмечаются резкие взаимные различия отдельных диалектных падежных систем при общей диалектной синтаксической норме⁸. Очевидно, морфологические расхождения между языками вообще не обязательно отражаются в синтаксисе⁹.

Гетерогенность плана содержания категории падежа в конечном счете порождает соответственно усложненные описательные модели, стоящие на основе совмещения семантического и синтаксического подходов либо на отождествлении содержания с понятием функции в самом широком смысле слова с учетом иерархии функций, их деления на первичные и вторичные и т. д.¹⁰

Следует отметить, что опора на план содержания при игнорировании плана выражения дает максимально широкий простор для самых произвольных выводов, позволяя обнаружить при желании любые падежные значения в любом языке. Известны, например, относительно недавние попытки найти в английском четыре или пять падежей, аналогичным латинским или немецким¹¹.

Вероятно, более целесообразно обращение прежде всего к формальному аспекту для определения не только количества падежей, но и самого наличия этой категории в данном языке¹².

Однако и опора на формальные критерии сама по себе не обеспечивает однозначного решения. Многое зависит от того, как проводится граница между морфологией и синтаксисом и проводится ли она вообще. Среди тех, кто отрицает эту границу и тем самым отказывает морфологии в статусе особого языкового яруса, находятся такие авторитеты как Ф. де Соссюр¹³, Л. Ельмслев¹⁴, В. М. Жирмунский¹⁵; нет места для морфологии и в концепции Н. Хомского. С другой стороны, на выделении морфологического яруса в языковой системе настаивает ряд исследователей как советских, так и зарубежных¹⁶. "Реабилитация" морфологии целиком посвящена недавняя книга Г. В. Булыгиной¹⁷. Отграничение морфологии от синтаксиса, вероятно, особенно целесообразно применительно к языкам с развитым словоизменением, к которым относятся и енисейские языки.

Не менее важен вопрос и о том, следует ли рассматривать в падежной морфологии только синтаксические формы слова (т. е. объединения связанных морфем) или учитывать также словосочетания имени со служебными словами (предлогами либо послелогами) на правах именных аналитических форм по аналогии с аналитическими формами глагола. Присоединяясь к мнению М. М. Гухман¹⁸, В. Н. Ярцевой¹⁹, К. Е. Майтинской²⁰, А. М. Мухина²¹, мы не считаем возможным отождествлять слово и словосочетание. В соответствии с широко распространенным определением Л. Блумфилда под словом понимается "минимальная свободная форма"²², иначе последовательность морфем, внутри которой не может быть вставлена другая такая же последовательность морфем²³. В свою очередь падежный аффикс представляет собой элемент, не соотносимый ни с каким классом знаменательных или служебных слов²⁴. Таким образом, падеж это категория, отражающая отношение имени к глаголу или другому имени и находящая формальное выражение в пределах слова.

Чем же являются так называемые падежные показатели в современных енисейских языках — аффиксами или служебными словами? Многие хорошо известные факты кетской именной морфологии свидетельствуют о том, что это служебные слова:

1. Просодическая самостоятельность кетских "падежных" формативов в отличие от типичных агглютинативных аффиксов. ба:тла́на бада 'старик сказал'; ка́йла́нте ко́н ка́нам 'у лося рога большие'.

2. "Групповая суффиксация: тул' оно:нен ба:т де ба:ма:с'нана 'потом они пошли к старику со старухой' (показатель дательно-направительного падежа нана присоединяется лишь ко второму имени ба:м).

По мнению ряда исследователей²⁵ "вынесение за скобки" некоторого показателя в других, например тюркских языках, не может служить достаточным аргументом в пользу признания его служебным словом, поскольку отделить его от последнего имени в группе все же не удастся. Однако для енисейских языков это возражение не имеет силы; в них формант способен отделяться от имени и располагаться дистантно, например: о́кс' ь⁰:н да́нте о:на́н 'на дереве ветвей много' вместо: о́кс'да́нте ь⁰:н о:на́н.

3. Способность части "формантов" выступать в роли "падежных" форм личных местоимений, например, ат да́на бес'ам тхы́тневат 'я ему зайчю шубу послал'; де де́н да́nten да́с'сонове́тин 'его люди для него промышляют'.

4. Позиционная свобода предикативных и "падежных" формативов относительно друг друга: ку́с'ка 'в чуме', ку́с'каду 'он в чуме' (ду — предикативный аффикс 3 л. ед. ч. м. р.), но: бу кан ка:ру́ ха кан дка:сак аби́на 'если он дома, пусть он зайдет ко мне' (ка:ру́ 'он дома', ха — "падежный" формант).

5. Присоединение "падежных" показателей к личным и неличным формам глагола, например: бу́н оно:нде́нди́нал' ко:о́кн бими́нан 'с тех пор как они уехали, прошло девять дней' (формант ди́нал' присоединяется к личной глагольной форме оно:нден). Это явление, имеющее свою аналогию в тюркских языках, бирманском²⁶ оставляет открытым вопрос о принадлежности данной формы к глаголу, либо к имени. Если падежный показатель — аффикс, то вся словоформа — это имя существительное, т. к. падеж — категория именная. Однако такой вывод, конечно, был бы натяжкой. Искусственность подобного решения подтверждает и вышеупомянутая способность "падежного" форматива употребляться дистантно.

6. Факультативность большинства "падежных" формантов: ко́лма-сам ба́нус кой да́ хо́ктебил'тет 'Колмасам в землянку заскочила' (ба́нус — неоформленное имя вместо ожидаемого дательно-направительного "форманта"²⁷).

7. И, наконец, свойство "падежных" показателей взаимно сочетаться: да:м дн̄уераст ып да касенем 'она взяла сына, которого прижила с браком' (дн̄уер-ас-т - орудно-совместный плюс родительный "форманты"); на̄нара т̄о:ӯ ре утсауан 'к ним туда приближается' (на̄на - форма дательного-направительного плюс -ра - форма притяжения).

Хотя подобных примеров в кетских текстах немного, принципиально они возможны, и это чрезвычайно важное обстоятельство. Для членов одной парадигмы (в частности, падежной) признаются отношения исключающей дизъюнкции, т. е. альтернативности, взаимной несовместимости, отношения типа "или - или" ²⁸. Так называемые падежные форманты кетского имени, не будучи связаны такими отношениями единой парадигмы, следовательно, не образуют.

В этом смысле кетские "падежные" показатели напоминают японское "гандзо", которые также способны сочетаться друг с другом. Согласно японской грамматической традиции гандзо считаются служебными словами. Убедительная аргументация в пользу этой точки зрения изложена в статье И. Ф. Вардуля ²⁹, показавшего отсутствие падежа в японском.

Приходится признать, что факты кетского языка во многом противоречат сложившимся представлениям о категории падежа, и согласиться с мнением А. П. Дульзона, что "кетское существительное вообще не имеет никаких падежных окончаний в привычном нам смысле" ³⁰. В таком случае есть возможность выбора одного из двух решений: либо расширить трактовку категории падежа (что едва ли целесообразно), либо отказаться от этой категории вообще.

Как и всякая другая, категория падежа вовсе не универсальна; напротив, она несомненно более специфична, чем, например, категория числа, и нет необходимости приписывать ее любой ценой какому-либо языку, относя к именной морфологии сочетания со служебными словами - предлогами и послелогами.

Напрашивается предположение, что так называемые падежные окончания по существу аналогичны традиционно выделяемым послелогам. И те, и другие могут быть объединены в один класс служебных слов, отличающихся друг от друга степенью абстрактности значений, частотностью употребления, в известной мере также своей синтаксической валентностью. На имер: оп да та:не и опдана означают 'по

направлении к отцу', где послелог та:н сохраняет конкретное значение цели направления и поэтому встречается реже ³¹. Те и другие способны выступать совместно: кымт купдина 'перед женщиной' (кым - корень, т - морфема притяжательности, куп - послелог со значением 'край, конец', дин - "падежный" формант).

Таким образом, кетские "падежные" показатели, в сущности, ничем не отличаются от послелогов, а послелоги - несомненно, слова.

Имея дело с агглютинирующим языком типа кетского, следует исходить из "презумпции беспадешности", т. е. из того, что наличие категории падежа не самоочевидно и требует доказательств. Для современных енисейских языков достаточных доказательств такого рода нет.

Примечания

¹ Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968, с. 73.

² Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. - В кн.: Звягинцев В. А. История языкознания XIX-XX в. в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1965.

³ Hjelmslev L. La catégorie des cas. Acta Jutlandica, VII, 1; IX, 2. Aarhus, 1935-1937.

⁴ Fillmore Ch. J. The Case for Case. "Universals in Linguistic Theory". Ed. by E. Bach and R. H. Harms. N. Y., 1968, p. 1-88.

⁵ Ružička R. Struktur und Dialektik in der russischen Grammatik. Zeitschrift für Slawistik, 1959, 4, S. 543; Hellig G. Die Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. Halle Saale, 1973, S. 156-159; Grot A. W. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. "Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally". Genève, 1939, p. 120; Кубрякова Е. С. Мор-

фологическая структура слова в современных германских языках. — В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970, с. 167; Шендельс Е. И. О грамматической полисемии. — Вопросы языкознания, 1962, № 3, с. 49; Володин А. П. Падеж: форма и значение или значение и форма. — В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Л., 1974, с. 275.

6 Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 306.

7 Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969, с. 177; Ревзин И. И. О сильных и слабых противопоставлениях в системе падежей современного немецкого языка. — Вопросы языкознания, 1960, № 3; Палмайтис М. Л. Индоевропейская апофония и развитие деклинационных моделей в диахронно-типологическом аспекте. Тбилиси, 1979.

8 Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 377.

9 Кубрякова Е. С. Указ. соч., с. 165.

10 Курилович Е. Проблема классификации падежей. — В его кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962; G. Helbig, op. cit., p. 50.

11 Сигме G. O. A Grammar of the English Language, vol. 2. London — N. Y., 1931, p. 127-136; Newfield J. C. English Grammar Past and Present. London, 1931, p. 16.

12 Володин А. П. Указ. соч., с. 291.

13 Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. — В его кн.: Труды по языкознанию. М., 1977, с. 168.

14 Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. Copenhagen, 1928, p. 94.

15 Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях.

— В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965, с. 21.

16 Гухман М. М. О единицах сопоставительно-типологического анализа родственных языков. — В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 28.

Трипка В. On the Linguistic Sign and the Multilevel Organization of Language. TLP, 1, 1964, p. 37; Скаличка В. Отношение между морфологией и синтаксисом. — В кн.: Языкознание в Чехословакии. М., 1978, с. 76.

17 Булгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

18 Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 145.

19 Ярцева В. Н. Проблема аналитического строя и формы анализа. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965, с. 66.

20 Майтинская К. Е. Парадигматическая ограниченность аналитических форм. Аналитические конструкции в языках различных типов, с. 316.

21 Мухин А. М. Функциональный критерий в морфологии. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов, с. 205.

22 Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964, с. 195.

23 Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975, с. 22.

24 Солнцева Н. В., Солнцев В. М. К вопросу об агглютинации в современном китайском языке. — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965, с. 198.

²⁵ Я х о н т о в С. Е. Методы выделения грамматических единиц. — В кн.: Языковые универсали и лингвистическая типология. М., 1969, с. 221.

²⁶ М а у н М а у н Н ъ у н и др. Бирманский язык. М., 1963, с. 70.

²⁷ В а л л М. Н. О некоторых особенностях основного падежа в кетском языке. — В кн.: Языки и топонимия, вып. 1. Томск, 1976, с. 28.

²⁸ Б у л ы г и н а Т. В. Грамматические оппозиции. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 179-180; С т е п а н о в Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, с. 302.

²⁹ В а р д у л ь И. Ф. О природе японских "ганао". — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.

³⁰ Д у л ь з о н А. П. Указ. соч., с. 594.

³¹ Д у л ь з о н А. П. Указ. соч., с. 566.

Э. И. Белимов

НЕКОТОРЫЕ ПАДЕЖНО-ПОСЛЕДОВЫЕ ТИПЫ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ДОПОЛНЕНИЙ
В КЕТСКОМ И ЮГСКОМ ЯЗЫКАХ

Термин "обстоятельственные дополнения" представляется нам наиболее удачным при описании членов предложения, обычно рассматриваемых как второстепенные. Синтаксическая традиция требует подразделить такие члены предложения по крайней мере на две группы — на косвенные дополнения и обстоятельства. Между тем, исследователи синтаксиса самых различных языков всегда сталкиваются со значительными, порою неразрешимыми трудностями при выборе критерия для такого членения. Многие синтаксисты уже обратили внимание на совпадение служебных средств (падежных аффиксов и послелогов), оформляющих местоимение, имена одушевленных и неодушевленных предметов. В финно-угорской литературе, например, получил употребление специальный собирательный термин "второстепенный дополнительно-обстоятельный член"¹. Испытывая те же затруднения, Г. Н. Прокофьев в своей грамматике селькупского языка впервые приходит к выводу о необходимости объединить второстепенные члены предложения под одним общим названием. Именно Г. Н. Прокофьев предложил для этой цели термин "обстоятельственные дополнения"².

Глубокое теоретическое осмысление затронутая проблема получила в работах Н. М. Терещенко. "Четкое разграничение категорий косвенного дополнения и категорий обстоятельства в ряде случаев является весьма условным для многих языков (даже для русского). В самодийских языках, — пишет Н. М. Терещенко, — лучше говорить не о двух, а об одном члене предложения, который условно можно было бы обозначить как "обстоятельное дополнение"... Этот термин совмещает функции как косвенного дополнения, так и различных обстоятельств... Соединением этих функций внутри одной падежной формы обусловлено и название не-

которых падежей – дательно-направительного, местно-творительного⁵. Примерно та же особенность употребления падежных аффиксов и послелогов наблюдается и в енисейских языках. Убедительным доводом в этом отношении могут служить принятые в настоящее время названия падежей: дательно-направительный, местно-личный, местно-временной, совместно-орудный. Непреложным, по-видимому, остается тот факт, что в сознании носителей языка складываются более обобщенные понятия – место и направление действия, совместность, цель действия и т.д., внутренние же свойства самих участников ситуации (их одушевленность или неодушевленность, активность или инактивность) в расчет не принимаются.

Способы выражения направления действия или движения

Значение многих непереходных и переходных глаголов уточняется и конкретизируется с помощью обстоятельственных дополнений, уточняющих направленность действия. Действие или движение может развиваться в направлении данного предмета или в противоположную от него сторону, а также вдоль предмета или мимо него. Конкретный предмет, относительно которого совершается действие, не называют только наречия, однако и они при выражении направления в качестве сопоставимого пункта предполагают положение или местонахождение самого деятеля. Многие наречия этого типа (кота 'вперед', ус'ка 'назад', ннта 'вниз', з^ол'а 'наружу' и т. д.) перешли в разряд локальных уточнителей глагольной системы. В отличие от локальных уточнителей, обычные наречия со значением 'туда', 'сюда', 'куда-то', 'дальше', 'на юг', 'на север' и т.д. определенного места в предложении не имеют:

кет. колмасам там дастан' уУон. 'Колмасам куда-то пошла'; Тунтан' у куУон. 'Туда ты пошел'; колмасам дз^окт тус'=^оканнига там бил'та=^н' уУонден.. 'Колмасам куда-то быстро в какую-то сторону ушла'; с'омда котат с'а:Уул'тет с'омда оУотн. 'Он дальше вперед зашагал, дальше пошел'; з^от дангат ута (тыУа). 'Мы идем на юг (на север)'.

юг. тунеш дидестобыры, канеш дидестобыры, а беинг дуттадамын, бат' туда си: 'Туда он стрелял, сюда стрелял, а они спали, ведь ночь была'.

Название конкретного предмета, в направлении которого развивается действие, обычно оформляется аффиксами дательно-направительного падежа (кет. -данга, -динга, -нанга; юг. -данг, динг, -нанг). Дательно-направительный падеж служит универсальным средством для обозначения направления движения, реального или потенциального конечного пункта движения, предела или адресата действия. Управление дательно-направительным падежом включается в круг валентностей большинства глаголов самых различных типов:

кет. бу дыл'тий-динга конеУен, оУонен бицца да кетданга. 'Он в лодку сел и поехал к своему товарищу'; нун' с'у:Уонден биндер'а кус'динга. 'Девушка обратно пошла в свой чум'; то:лыУа, тумул'дединга деддонадок. 'Ходил он и к озеру спустился'; ат бин'деп колендинга кай дил'гевук. 'Я тебя на свою сторону затащить хотела'.

юг. бинданг на бангдинг дз^онграде. 'Мы пойдем на свою землю'; фемба:н тетимнисин, дз^ол'гатнанг онго:нде. 'Тунгусы реку переплыли, в тальники ушли'.

В немногих случаях аффикс дательно-направительного падежа может отсутствовать. Направительное значение имени в таких предложениях подсказывается лексическим содержанием глагола. Кроме того, отдельные имена существительные типа банген 'места', 'земли', табанг 'лес' и т.д. иногда осмысливаются как наречия:

кет. з^остиУин она банген бин онгонен. 'Кеты, оказывается, в дальние места ушли'; ср. з^остиУин бил'бангдинга онгонден. 'Кеты в дальние места ушли'.

юг. да кеа ен'ам денг нуманг. 'Его старшая невестка говорит людям...' ср. ен асмолка дичайге, денгнанг донати, денг дагаду?н и тходынгаген. 'Теперь старик Асмолка ходит, если он к людям пришел, люди его увидят и умирают'.

Направление действия указывают название людей, а также личные местоимения, оформленные аффиксами дательно-направительного падежа. Обстоятельственные дополнения в этом случае выражают адресата действия. Включение других людей в сферу человеческой деятельности неизбежно затрудняет понимание функциональных отношений в предложении. Ведущее достигательно-направительное значение у адресата действия сочетается с дополнительными оттенками цели, причинности, оптативности:

кет. ес' да ынданга кой^о-анден, тибол'анг дол'бет. 'Бог рассердился на своего сына и превратил его в собаку'; бат'данга ткау'ак, бат' ба'мас' на ынал'га конега:н'. 'К старику зашел, между стариком и старухой сел'; кодана бат арагол'ден де'нг бат дила'ан бур'анга. 'Если кто-нибудь заболел, люди ходили к нему'; ын'а ил'ак кой кар'а кимдинга. 'Дочка, сходи к соседке!'; ба:ро, усес, ена'а той б'тнанга кимак а'о'Уон. 'Старик, Усес там наверху, видимо, к нам сватается'; кима бо'Ует блес' банга наде бо'Ует. 'Бабушка, я уйду, куда мне надо уйду'.

уг. да чы доубына абанг чы тобирадах абанг фиш ахтах. 'Утащил он голову — хоть голова мне досталась, мне еще хорошо'.

Аффиксы дательного-направительного падежа участвуют в построении послеложных словосочетаний, уточняющих направление движения или указывающих его конечный пункт. Послелог с их наречно-предметным значением в сочетании с падежными аффиксами отражают более полные пространственные характеристики направленного действия. Те же послелог, кроме несклоняемых, (**кет.** ко:н'; **уг.** хо:н' тан', **ейт'** 'сверху на что-то'), при выражении места действия принимают окончание местно-временного падежа:

кет. бу о'Уетн ды'отца та:н', аб та:н', бут та:н', бур'а (буда) та:н'. 'Он идет к яруку, ко мне, к нему, к ней'; ат ди:мбес' кайд ынт'динга. 'Я подошел к горе' (ынт' 'низ'), ср. кайд ынди'а 'под горой'; бу окста диринга дийденарак. 'Он подошел к дереву' (ди? 'комель дерева'), ср. бут саста окста ды'а. 'Он сидит под деревом' (возле ствола); б'т дангат бис' и'т колеппинга. 'Мы идем то ли на запад, то ли на восток'; ср. бу ду'ерак к'у'ера колеппа. 'Он живет на той стороне' (реки); туда окс' д'т'динга коненга:н' дыл'тий сейбес. 'На то дерево они сели, как на лодку', ср. окс' д'т'ка 'на дереве'.

уг. денг ше т'фад'ангоунд'оун, качит да ейт' ах дид'обырдин, доогинен. 'Люди лиственниц нарубили, на старика сверху дров навалили и подожгли'.

Важную роль при выражении направления действия играют формы не только дательного-направительного, но и исходного падежа. Они указывают на пространственные отношения удаления, отделения, извлечения, отстояния. Исходный падеж, представленный аффиксами:

кет. -дангал', -дингал' (полная форма), **уг.** -дангир, -дингир, -дал', -дил' (краткая форма) по своему значению прямо противоположен дательному-направительному. Имена существительные и местоимения с аффиксами исходного падежа обозначают предмет или лицо, рядом с которым, на котором, внутри которого находился или находится другой предмет (субъект или объект) до начала движения или действия. Аффиксы исходного падежа участвуют в словообразовании наречий (ср. д'лил' 'снаружи', тосил' 'сверху', урил' 'с юга'), а также оформляют соответствующие послелог. Полные падежные окончания находят применение, по-видимому, только в тех случаях, когда необходимо передать физическое отделение (удаление) одного предмета от другого:

кет. тунингал' кобдингал' кулепданга ди:нбес'. 'Потом он от бурундука к горностаю пришел'; дыл' тий дингал' кайнем кой-да ингол'та. 'Из лодки взял медвежью шкуру'; да'у мана - нал'кдингал' аб ин и:унус, богдол' ким би'Уок. 'Орлица сказала: "Принеси мне от ерша мой коготь, тогда я дам тебе мешочек для огнива"; гип аслент динт'дингал' б'л'а д'л'олак. 'Собака из-под лодки вылезла'.

По нашим наблюдениям, несколько своеобразным значением обладают краткие формы. Ими управляет небольшая группа глаголов со значением 'выходить', 'вылезать', 'вылетать', 'вынимать', 'смотреть из/с', 'видеть из/с', 'кричать из/с', 'стрелять из/с' и т. д. В сочетании с этими глаголами краткие формы исходного падежа указывают не на удаление субъекта или объекта от какого-то другого предмета, а на действие, направленное изнутри, от или с поверхности этого предмета. Сопоставляя значение кратких и полных форм, вполне можно ставить вопрос о существовании в языке не только исходного, но и отложительного падежа. Следует заметить, что молодое и среднее поколение кетов употребляет те и другие формы совершенно произвольно. В югском языке во всех случаях предпочтительны полные окончания.

кет. ба:т ул'дил' бутолот. 'Старик из воды вылез'; ул'дил' ос'а ын дес'тан' ивиган'. 'Из воды вверх два глаза глядят'; ус'дил' санганынг да б'л'до'Уовет. 'Из чума искры вылетают'; у кус'дил' д'л'олак. 'Он из чума вышел'; ср. бу кус'дингал' уонден. 'Он от чума ушел'; бангдил' тос'а к'н'еренг тол'о'Уен

ес'та кул'та ето кот ко: 'С земли люди видели божественную доро-
гу, как звездочку'; урил' ъ^оУа бингсевой. 'Ветер дует с юга'.
юг. къ^охн ис' урдингыр дика:не. 'Лисица рыбу из воды выта-
щила'.

Многие глаголы направленного действия нуждаются еще в одной
разновидности обстоятельственных дополнений. Действие может раз-
виваться не только в направлении предмета или в сторону, прочь
от него, но и вдоль предмета по его поверхности, под ним или
сквозь него. Во всех этих случаях находят применение формы про-
дольного падежа (аффиксы -бес, -вес). Аффикс продольного падежа
оформляет не только имена существительные и послелог, но и со-
ответствующие наречия: тойбес 'наверху', комадбес 'стороной',
хитбес 'понизу'. В зависимости от семантики управляющего глаго-
ла, имена существительные в форме продольного падежа выражают
относительный объект движения или действия:

кет. асл' утбун котнбес, утбун, кай ди:нбесин бунгна кус'дин-
га. 'Лыжа покатились по дороге, покатились, они приехали к свое-
му чуму'; бу сям с'угдебил'тет да ко:бес ъ^ол'а бутол'ок со:м-
'Он как выстрелил, так стрела через рот наружу вышла'; коспес
ка:Уер бунгуУон богд'т'ка танга къ^ойгенанг на:ветан. 'Через
дымовое отверстие внутрь взглянули - на огне одни головы стоят'
юг. къ^ой кет дугтахот и бангойбес къ^оей дагадо. 'Охотник ле-
жит и через рукав в ту сторону смотрит'; ф?й ди:рдох дугтобес
тхафоруах. 'Филин прилетел и через дымовое отверстие залез в
чум'.

В послеложных конструкциях аффикс -бес дополняет значение
послелогов. Послелог в форме продольного падежа конкретизирует
пространственные отношения - ъ^оУотбес 'поверх', хидибес 'пони-
зу', бал'бес 'между, сквозь', угдибес 'вдоль'. Несклоняемым в
этой серии является, вероятно, только послелог тат 'через, сквозь'.
Подобно другим несклоняемым и несогласованным послелогам типа
тан 'по направлению к', ко:н 'вплоть до', послелог тат уже фак-
тически выполняет функцию падежного аффикса:

кет. танинга там бангтат да тулерак. 'Танинга как сквозь зем-
лю провалилась'; ка'м кы:тат уАабиндан. 'Стрела через тиску про-
шла'; бу котат хята оУон. 'Он сквозь лед провалился'; ат боУот
енгонг бал'бес. 'Я иду по деревне' (между домами); бунг онгон

кай дъ^оУотбес. 'Они прошли через гору' (поверх горы); ат тик
дъ^оУотбес боУот. 'Я иду по снегу'; ат боУот ко дъ^оУотбес. 'Я
иду по льду'; бут бъ^ойвул' хъ'лыт дындивес ъ^ол'а ра телкимна.
'Она свою косу наружу под ровдугтой высунула'; ъ^от донгат кай
дындибес. 'Мы идем по низу горы'.

При необходимости выразить более сложные пространственные
значения носители кетского и югского языков иногда прибегают
к построению форм с двумя падежными окончаниями:

кет. ба:т да тоаул'тиУон да кат'-ка-дингал' (местно-времен-
ной и исходный падежи) быт касенемин. 'Старика они за край пар-
ки схватили, держат его крепко'.

юг. туда меп-кей-бес (местно-временной и продольный падежи)
тенг дейд'о:рген. 'По этой речке люди соболей промышляли'.

Аффиксы локативных падежей -данга, -нанга, -дангал', -нан-
гал', -дангта, -нангта исторически, по всей вероятности, пред-
ставляют собой сращение показателей родительного падежа -д,
-на с другими падежными окончаниями. Образование нового
аффикса в результате слияния двух падежных окончаний является
еще одним источником обогащения падежной системы. В тюркских
языках, как отмечает М. И. Боргойков, наблюдаются случаи, ког-
да к аффиксу родительного падежа присоединяются другие падеж-
ные аффиксы. В современном хакасском и шорском языках встреча-
ются также формы с двумя аффиксами дательного или местного па-
дежа⁵.

Способы выражения совместности, орудности, способа или образа действия

Перечисленные значения с большим трудом поддаются разграни-
чению и практически восходят к одному общему значению образа
действия. Судя по средствам выражения, в сознании носителей
языка различаются отдельные оттенки этого собирательного зна-
чения. Подобно многим другим языкам, совместность и орудность
енисейских языков сливаются в одно понятие и воссоздаются
формами совместно-орудного падежа (афф.: кет. -ас', юг. фа:с).
адежные формы с аффиксами -ас', -фа:с называют орудие, инст-
румент, вещество или предмет, с помощью которого производится

действие, а также людей или других живых существ, участвующих в данном действии:

кет. там ин' бет доли:н ⁰мганас'. 'Сколько-то времени жил с тунгусами'; кин, ат най боуе уа:с'. 'Баба, я тоже с тобой пойду'; ат най ⁰га:с' боуот. 'Я тоже с вами пойду'; ат утс' ул'ас' а?к дугдаптенг. 'Я на ручной нарте дрова вожу'; сујат сул'ас' унтонак. 'Платье кровью испачкано'; кид окс' тогас' ка бет ковуну танга ейи. 'Он это дерево топором рубанул, а оно целиком из железа'.

уг. ата иней, ат бангди хы:т фас дидиртош. 'Не убивай ее, я ее плодами земли выкормила'; аб шом б⁰н дисурирингхит', аб атташфа:ш дигангей. 'Моя стрелу не буду кровью пачкать, рогатиной вас убью'.

Обстоятельственные значения способа или образа действия могут быть переданы различными средствами. При употреблении послелогов а:с' образ действия сочетается со значением одновременности. Словосочетание с послелогом а:с' называет лицо или предмет, по образу и способу которого, в подражание или в послушание которому данный субъект совершает свое действие. Послелог а:с' в форме основного падежа посредством притяжательных аффиксов -д, -да, -на присоединяется не только к именам существительным, но и к спрягаемым формам глагола, образуя дееспричастие с тем же значением образа действия и одновременности. Параллельно с послелогом а:с' в этом случае без всякого ущерба для смысла может употребляться падежный аффикс -бес.

кет. бунг сидаколенгдин буда а:с' бут сидаконгол'да бинда а:с' којенгон. 'Они научились как он, делать (ходить), он научил их по-своему ходить'; ат д⁰нкабр'а ууойда:с'. 'Я варю по своему желанию'; кат'а аб када:с' бейауон. 'Вот по моему слову ветер поднялся'; ⁰т дангат с'уг бейда:с', бейда:с', с'ууул'-да:с', кы:нда:с'. 'Мы идем против ветра, по ветру, против течения, по течению'; ба:м уутда:с' да да:Уай. 'Бабушка идет, смеясь (букв. идя, смеется)'; ср. ба:м уутбес да да:Уай. 'Бабушка идет, смеясь'; ту ана с'унг ду:н'дас' дускоуот. 'Это кто там стоя прислонился?'

Различные оттенки значения образа или способа действия выражают обстоятельственные словосочетания, построенные при участии

других послеложных форм: уподобление, сравнение – послелог ас'ка, ь⁰уот 'как, подобно', сейбес 'как, вместо'; способ передвижения – послелог кей, чей; совместность – послелог ой, конбес 'вместе', мера и граница действия – послелог ко:н' 'до, вплоть до'. Падежные окончания получают только послеложные формы ас'ка (местно-временной падеж), сейбес и конбес (продольный падеж). Послелог ь⁰уот, кей, ой и ко-н' в данной обстоятельственной функции имеют безаффиксную форму.

кет. бу ер' ас'ка л'онга ра ангават. 'Она, как соболь, косо прыгает'; аттас'д конглак дей быт каснем, у ти:вас'ка арак кусдил'. 'Язычок колокольчика крепко возьми и по-собачьи выходи из чума', ср. кус'дил' тип д⁰уот ⁰л'а арак. 'По-собачьи выходи из чума'; к⁰:т до:беуон бат којоуо тыйга ко:н ас'ка ду:н. 'Настала зима, они в берлоге, как медведи, живут'; бал'на туд бал'нтаокс'а:с' бат кыл'тетконгона кы?т сейбес. 'Бальна их тем черемуховым посохом бить стал вместо лука'; ким да аУас'а сенгей, тпакей. 'Женщина дрова заготавливает на оленях, на собаках'.

уг. тай са:р обо:н, бинты:р, конокс' сенгей онго:нде. 'Холодная ночь настала, все замерзло, утром на оленях они уехали';

кет. у ы: ким ой кутуот, тер' ой, дыл' ой, табна ой, бур'а ой. 'Ты еще с женой спишь, с мужем, с ребенком, с собаками, с ним'; ба:ра ⁰ун' най бунгна конбес ууонден, аб конбес ук конбес. 'Дочь старика тоже с нами ушла, со мной, с тобой'; бу батанг ко:н' ул'динга даид'јанорок, куссей ко:н, колет ко:н. 'Она в воду по колено зашла, по пояс, по горло'.

Несколько иные обстоятельственные характеристики действия вносятся в предложение наречия и наречные словосочетания. Будучи разителями образа действия в широком смысле этого слова, они вместе с тем описывают характер протекания процесса, уточняют степень его развития, указывают количественные признаки действия и т.д.

кет. ассанос сел' дутенг, бу бил'а са?к б⁰н ду:й. 'Охотник плохо видит, он не может убить белку'; ат у?д ккс'анг сеста. 'Я просто так здесь сижу'; ⁰тн кой дитедамин. 'Мы крепко спали'; дууот дуудинга ана б⁰н тулерак, нангу да:Уай. 'Юрак молча упал, насмерть он его убил'; ко?т кајанис тон ер' итонок. 'След потом

совсем соболиный стал'; бангбетанг ассен бай о:н дангай. 'Разных других зверей он тоже много добывал'; б^ости'енна ам абил' бай актара ра онгол'тос'. 'Остяжкая мать их лучше меня воспитала'; опкос ка? бей оУон. 'Внезапно (стрелой) налетел сильный ветер'.

уг. да фып дифа: з'д'оу, а да кит' охпес бабино:р, бу сенанг хачит. 'Его сын рубит, а его тело тут же заживает, он старик шаман'; да бисеп инфа дао:ртинг хуш кургом дадбингиратинг ду:но. 'Его брат дважды пробежал вокруг чума, упал и умер'.

Способы выражения цели и причины действия

При выражении обстоятельственного значения цели чаще всего применяются формы целевого падежа с аффиксом -ес'анг. А. П. Дульзон и другие исследователи не включают целевой падеж в парадигму склонения, и не считают морфему -ес'анг падежным аффиксом. Специальные исследования, проведенные М. Н. Валл, показали, что морфема -ес'анг по своим функциям и значению ничем не отличается от обычных падежных аффиксов⁵. Аффикс -ес'анг присоединяется к инфинитивам или к спрягаемым формам глагола, если в предложении упоминаются два действия – одно предпринимается с целью создания условий для совершения другого, а также к названиям неодушевленных предметов, если подлежащее развивает свою деятельность с целью их приобретения.

кет. а комел' ке?т да кимдинга бада – бейес'анг кинтит. 'А тот человек своей жене сказал: "Он гоняется за мной, чтобы убить меня" (инф. ей 'убивать')'; ат диУунбес ул' таскан дул'гунгес'анг. 'Я принесла воды, чтобы мыть посуду' (инф. ул'гунг 'мыть'); ад дь'ткиндит ес'анг тон дитлевит. 'Я, чтобы меня увидели, такой ее сделал' (дь'тки:ндит 'я показался'); бу си: дь'л'ал'ак кингес'анг каббо'о'анг, кингас' бол'токунбет, толетн. 'Он ночью выходил за берестой, занес ее, в бересту завернулся и лег спать'; ат ди:мбес' ть'Уес'анг. 'Я пришел за солью'; ат ул'ес'анг дигдел'ак. 'Я за водой сходил'.

Названия одушевленных предметов (людей или животных) обычно оформляются краткими аффиксами местно-личного падежа -дангт, -дингт, -нангт или сочетаются с несклоняемым послелогом ат

'за кем, для кого'. Послелог ат, по-видимому, восходит к инфинитиву одного из первичных глаголов со значением 'ходить', 'находить' (ср. ь'лат 'выходить', тетат 'переходить', ь'тат 'идти в гору'). Первичные значения 'находить' еще и сегодня прослеживаются в послеложных оборотах. Процесс десемантизации и переосмысления зашел, однако, уже достаточно далеко, о чем свидетельствует появление во многих случаях нового значения 'для кого' (см. 'за кем').

кет.бу дасейливет дил'гитнангт. 'Она постелила детям'; да он дангт кыливит. 'Его отец для него лук сделал'; ср. да ам там акс' окс'л'амте д-ат (см. дангт) ко:дил'бет. 'Его мать для него из куска дерева лук сделала'; ср. илак бо'Уес'анг, дого д-ат илаУан. 'Сходи за огнем, сходите за Дого!'; ат ба:т'данга ди'як калд-ат. 'Я к старику пойду за внучкой'; ат ук ат' ди:мбес'. 'Я за тобой пришел'; ат бо'Уонден кетда ат'кет. 'Я пошел искать человека'; анда ат' у куУон. 'За кем ты пошел'.

Предметы или явления, ставшие причиной какого-то действия или события, обозначаются в предложении формами имени в исходном падеже. (Аффиксы -дангал', -дингал', -нангал' 'от кого, от чего') или словосочетаниями с послелогом т'Уот'ка 'из-за'. Если явление, вызывающее данное действие, не называется, возможно употребление неопределенного местоимения там атн 'от чего-то, почему-то' или местоименного наречия тунтан' (потому', 'за это', 'за то'. тунтан' также вводит придаточные предложения причины:

кет. бунг дурил' на еланг сена:бот. 'Они от дыма задыхаться стали'; бу десий ар'атн-дингал'. 'Он кричит от боли'; котедингта кокс'а бада – у ахш коскат канганнангал'. 'В яме один человек скакал: "ты боишься ястребов?"'; ам данга мана – ето кор'а каскетдангал' бин овел'да. 'Мать ему сказала: как будто это каскет сделал' (букв. из-за каскета это было); ба:т ба:мас' дейбуУол'витин ан кур'да кь'Йга дь'Уот'ка. 'Старик со старухой подрались из-за щучьей головы'; там атн аб кокт тос'а кам естоУон. 'От чего-то мое нутро устало'; дыл' тунтан' ду:оден мамул' бь'нес'анг. 'Ребенок потому плачет, что у меня молока нет'; де?нг тунтан' ду'ангден ил'бангга кь'нескет ду:ну. 'Люди потому плачут, что на земле человек умер'; тунтан' ке?т бь'н' такти'енгокса. 'За это не был'.

Примечания

¹ Майтинская К. Е. Венгерский язык. М., 1960, с. 166.

² Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяцко-самоедская) грамматика, Л., 1935, с. 36.

³ Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с. 315.

⁴ Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976, с. 129.

⁵ Валл М. Н. О некоторых значениях "ес'анг" в функции падежного аффикса. — Вопросы филологии, вып. 52. (Уч. зап. Омского пед. ин-та), Омск, 1969.

И. М. Камова

ФРАГМЕНТ ГРАММАТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕННЫХ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Характерной типологической особенностью тунгусо-маньчжурских языков является наличие двух типов именных посессивных конструкций: конструкций неотторжимой и отторжимой принадлежности. Неотторжимая принадлежность выражается с помощью местоименных суффиксов, оформляющих имя обладания. Конструкции отторжимой принадлежности отличаются от конструкций неотторжимой принадлежности наличием дополнительной посессивной морфемы. Конструкциями неотторжимой принадлежности оформляются имена частей целых, родовенных отношений и некоторых предметов, непосредственно связанных с человеком. В конструкциях отторжимой принадлежности употребляются все остальные имена. Так как круг имен, встречающихся в конструкциях неотторжимой принадлежности, ограничен и хорошо определен, то нельзя отрицать некоторый принцип именной классификации. При этом анализ употребления посессивных конструкций в тунгусо-маньчжурских языках показывает, что большая часть существительных может оформляться как конструкциями неотторжимой принадлежности, так и конструкциями отторжимой принадлежности: например, в удэгейском языке di-ji-ni 'его голова' (часть тела) — di-ni-ni 'его голова' (принадлежащая ему голова убитого зверя, рн-); в эвенском языке huti-n 'его сын' — huti-ni-n 'тот, который считается его сыном' (приемный сын) ²; в нанайском языке ini-ni 'день осени' — ini-ni-gu-pu 'наши дни' ³. Таким образом, особенностью посессивных классов имен в тунгусо-маньчжурских языках, по сравнению с некоторыми другими системами именных классов, является пересекающийся характер этих классов. Этому явлению находится типологическая параллель во многих языках мира, имеющих категорию неотторжимой и отторжимой принадлежности, в частности в меланезийских языках, которые хорошо известны своими богатыми системами посессивных конструкций, и материал которых поэтому неоднократно привлекался различными исследователями.

ми как при обсуждении общелингвистических проблем, связанных с категорией посессивности, так и в качестве эталона для сравнения при описании значения и употребления посессивных конструкций в конкретных языках. Мы также прибегнем к этому методическому ухищрению.

В языках географического района Меланезии наблюдается морфосинтаксическая оппозиция между двумя типами именных посессивных конструкций, которые традиционно называются конструкциями неотторжимой и отторжимой принадлежности и аналогичны по своему значению посессивным конструкциям в тунгусо-маньчжурских языках. Конструкции отторжимой принадлежности, в свою очередь, классифицируются на подтипы, различающиеся как по значению, так и по морфологическому оформлению. Все типы анализируемых конструкций кратко описаны ниже ⁴.

Неотторжимая принадлежность в меланезийских языках выражается суффиксацией местоименных элементов ⁵ непосредственно к определяемому слову, например, в языке мота ⁶ (острова Банкс), который считается наиболее типичным меланезийским языком: na pa-ne-k 'моя рука' (na - артикль, pa-ne - 'рука', -k - MC ⁷ I л. ед. ч., в языке ленакель (Южная Меланезия) ⁸: ne-lu-n 'его зуб' (ne-lu 'зуб', -n - MC ³ л. ед. ч.).

Отторжимая принадлежность выражается препозицией или, реже, постпозицией к имени обладаемого сложного посессива, который представляет собой посессивную морфему, оформленную соответствующим местоименным суффиксом. Например, в языке мота: no-k o wose 'мое весло' (no - показатель общей отторжимой принадлежности, -k - MC ¹ л. ед. ч., wose - 'весло') ⁹; в языке ленакель: taha-n kor-wiel или kor-wiel taha-n 'его камень' (taha - показатель общей отторжимой принадлежности, -n - MC ³ л. ед. ч., kor-wiel 'камень') ¹⁰. Исследователями меланезийских языков неоднократно отмечался именной статус посессивных морфем, входящих в состав конструкций отторжимой принадлежности ¹¹. Таким образом, синтаксически посессивный комплекс, содержащий именной корень с местоименным суффиксом, представляет собой последовательность элементов, в которой последующий элемент определяет предыдущий в соответствии с нормальным порядком компонентов в атрибутивной конструкции "определяемое + определяющее", характерным для всех австронезийских языков.

В большинстве языков Меланезии конструкциям общей отторжимой принадлежности противопоставлены конструкции специфической отторжимой принадлежности, определяющие обладаемое относительно его природы или функции и различающиеся посессивными морфемами. В меланезийских языках имеется в среднем от одного до четырех подтипов конструкций специфической принадлежности, например, в "эталонном" языке мота: no-k o wose 'мое весло' (no - показатель общей отторжимой принадлежности, -k - MC ¹ л. ед. ч., o - артикль), ga-k o vetal 'мой банан' (для еды) (ga - показатель принадлежности пищи, vetal - 'банан'), ma-k o pei 'моя вода' (питьевая) (ma - показатель принадлежности напитков, pei - 'вода', pula-k o kr^{woe} 'моя свинья' (pula - показатель принадлежности ценностей, kr^{woe} - 'свинья'), m^{wo}-k o vavae 'мое слово' (m^{wo} - показатель принадлежности продуктов деятельности обладателя, vavae - 'слово') ¹².

Итак, имеется одно существенное различие в строении именных посессивных конструкций - это различие между конструкциями неотторжимой и отторжимой принадлежности, которое заключается в отсутствии или присутствии соответственно посессивной морфемы. В конструкциях отторжимой принадлежности могут использоваться посессивные морфемы, отличающиеся фонологически и по значению от других морфем этого ряда, однако синтаксических различий между этими конструкциями нет, что и дает основания говорить о подтипах одного общего типа конструкций отторжимой принадлежности.

Значения этих посессивных конструкций могут быть представлены в виде следующих толкований. Конструкции неотторжимой принадлежности имеют значение: 'имеется отношение между объектами X и Y' и 'Y является частью X' (где X - имя обладателя, Y - имя обладаемого). Конструкции общей отторжимой принадлежности означают: 'имеется отношение между объектами X и Y' и 'Y не является частью X' и 'X активен по отношению к Y'. В зависимости от наполнения позиций X и Y словами определенных семантических классов конструкции неотторжимой и отторжимой принадлежности могут иметь различные конкретные значения. Конструкции специфической отторжимой принадлежности, в отличие от конструкций общей отторжимой принадлежности, означают: 'имеется отношение между объектами X и Y' и 'Y не является частью X' и 'X активен по отношению к Y' и 'Y яв-

ляется *z'* (где *z* - некоторый семантический класс имен: 'пища', 'напитки', 'ценности', 'продукты деятельности', 'растения')¹³. Так, конструкция, обозначающая принадлежность пищи, например, *ga-k o vetal* 'мой банан' (для еды) в языке мота означает: 'имеется отношение между объектами X и Y' и 'Y не является частью X' и 'X активен по отношению к Y' и 'Y является пищей'. Более специфическая интерпретация данного посессивного словосочетания обусловлена семантикой имен субъекта и объекта обладания.

Во всех этих посессивных конструкциях, в соответствии с их семантикой, позицию обладаемого и обладателя занимают имена определенных семантических классов. Так, в конструкциях неотторжимой принадлежности позицию обладателя X может занимать любое существительное, обозначающее лицо или предмет, а позицию обладаемого Y - следующие семантические группы слов¹⁴: (1) имена частей целых; (2) номенклатура родства; (3) имена предметов "личной сферы"¹⁵ человека ('дом', 'оружие', 'одежда' и т. д.). Имена частей целых являются ядром класса имен неотторжимой принадлежности, а имена родства и предметов "личной сферы" человека включаются в этот класс в силу релятивности своего значения¹⁶. В конструкциях отторжимой принадлежности в позиции Y употребляются все прочие существительные, а имя обладателя X всегда имеет активный денотат, т. е. обозначает лицо или персонифицированное существо. В конструкциях специфической отторжимой принадлежности, в соответствии с семантикой конструкции, позицию обладаемого занимают существительные, соотносимые или с пищей, или с напитками, или с продуктами деятельности и т. д.

Однако наблюдаются случаи варьирования в притяжательном оформлении лексем. Так, имена частей целых могут употребляться как в конструкциях неотторжимой принадлежности, так и в различных конструкциях отторжимой принадлежности в зависимости от своей референции: например, в языке мота: ¹⁷*na pane-k* 'моя рука' *no-k o pane* 'мой браслет' (*na, o* - артикли, *-k* - MC I л. ед. ч., *no* - показатель общей отторжимой принадлежности); в фиджи¹⁸: *na uto-mi* 'твое (собственное) сердце' - *na no-mi uto* 'твое (чье-то) сердце' - *na ke-mi uto* 'твое сердце' (для еды) (*na* - артикль, *-mi* - MC 2 л. ед. ч., *no* - показатель общей отторжимой

принадлежности, *ke* - показатель принадлежности пищи); в языке суау¹⁹: *vusu-gu* 'мое молоко' (если говорит кормящая мать), - *a-gu vusu* 'мое молоко' (которое я собираюсь пить) (*-gu* - MC I л. ед. ч., *a* - показатель принадлежности пищи), *dobila-na* 'его (дома) дверь' - *e-gu dobila* 'моя дверь' (*e* - показатель общей отторжимой принадлежности). Существительные, значение которых содержит, например, сему 'съедобность', оформляются обычно конструкцией "для еды": в языке мота²⁰ *ga-k o vetal* 'мой банан' (для еды), в языке суау²¹ *a-gu udo* 'мое таро' (для еды). Однако, если обладатель рассматривает денотаты таких имен как общую принадлежность, которую он не собирается сам потреблять, а намерен, например, хранить ее или продать, должна быть использована конструкция общей отторжимой принадлежности: в языке мота²² *no-k o vetal* 'мой банан' (собственность), в суау²³ *a-gu udo* 'мое таро' (собственность). С другой стороны, в конструкции "для еды" могут встречаться и имена, значение которых, вообще говоря, не содержит семы 'съедобность', и которым эта сема приписывается окказионально. Так, по наблюдению Дж. Линча²⁴, в языке суау принадлежность автомобиля его владельцу выражается конструкцией общей отторжимой принадлежности: *a-gu motoka* 'мой автомобиль', но человек, заклятивший пари на то, что он съест по частям автомобиль, говорит о нем *a-gu motoka* 'мой автомобиль' (для еды). Таким образом, большая часть существительных, хотя и не все, могут употребляться более чем в одной посессивной конструкции.

В связи с особенностями употребления посессивных конструкций в меланезийских языках, одной из дискуссионных проблем при описании значения и употребления этих конструкций является следующая: обусловлено ли значение данной посессивной конструкции, а, следовательно, и ее употребление, семантикой самой конструкции или оно определяется семантикой имен субъекта и объекта обладания?²⁵ Иными словами, входит ли, например, идея 'съедобности' объекта обладания ('Y является пищей'), которая содержится в значении словосочетания типа (I) *a-gu udo* 'мое таро' (для еды) (язык суау), в значение самой посессивной конструкции или в значение имени объекта обладания? Первому решению противоречит то, что признак 'съедобности' присущ значению имени обладаемого са-

мого по себе: казалось бы, если этот признак входит в состав значения одного компонента посессивной конструкции (имени обладаемого), то его не следует приписывать другому компоненту конструкции (самой конструкции). Второму решению противоречит то, что в некоторых словосочетаниях, как например, в (2) a-gu motoka 'мой автомобиль' (для еды) (суау), признак 'съедобности' не свойствен имени обладаемого и, следовательно, он приносится в результирующее значение посессивного словосочетания семантикой самой конструкции²⁶. Можно, конечно, было бы считать, что в случаях типа (1) и (2) посессивные конструкции имеют разные значения, однако такое решение противоречит интуиции.

Эта проблема, по-видимому, решается следующим образом. Посессивные конструкции в меланезийских языках семантичны. О наличии у них самостоятельного значения свидетельствует тот факт, что контекст допускает смысловое противопоставление разных посессивных конструкций, например, в языке арома²⁷: gaga-ku 'моя (собственная) нога' - ga-ku gaga 'моя нога' (для еды) (например, куриная). Следовательно, посессивным отношениям, выражаемым этими конструкциями, на семантико-синтаксическом уровне должны соответствовать знаменательные лексемы - предикаты - прообразы соответствующих посессивных показателей. Существенной особенностью посессивных предикатов является их семантическая несамостоятельность, так как посессивные предикаты не существуют изолированно, и на их семантическую структуру всегда проецируются значения их актантов. Эта особенность посессивных предикатов обуславливает важность изучения как их собственно значения, так и условий их правильного и осмысленного употребления. Условия правильного и осмысленного употребления посессивных предикатов можно описать в терминах селективных признаков предикатов (селективных ограничений, или ограничений совместной встречаемости²⁸), т. е. тех требований, которые предъявляют посессивные предикаты к семантике своих актантов.

Селективные признаки можно включить в число компонентов, составляющих означаемое предиката, и говорить о значении посессивного предиката как состоящем из собственно значения и селективных признаков. Предположим, что признак 'съедобности объекта' является селективным признаком в составе значения соответствующего

посессивного предиката - прообраза посессивной морфемы a- в конструкции (1) a-gu udo 'мое таро' (для еды). Тогда в примере (1) этот смысл выражен как бы дважды - значением предиката, точнее, его селективным ограничением, и значением имени обладаемого, а в примере (2) a-gu motoka 'мой автомобиль' (для еды) - один раз, т. е. только значением предиката. В результирующем семантическом представлении посессивного словосочетания разница между двукратным и однократным выражением этого смысла стирается, но значение посессивного предиката при этом остается неизменным. Аналогичным образом ведут себя и остальные дифференциальные признаки в составе толкований посессивных конструкций, поэтому их следует включить в состав значений посессивных предикатов в качестве их селективных ограничений. При этом, если в одних случаях, как в примере (2), селективные признаки предиката навязывают его актантам несвойственные им значения, например автомобилю приписывается признак 'съедобности', если вообще словосочетание воспринимается как осмысленное, то в других случаях селективные ограничения предиката контролируют выбор одного значения актанта из нескольких возможных, т. е. служат средством различения полисемии и омонимии. Например, в словосочетании po-ko opane (мота) слово pane, которое может пониматься двояко - как обозначение руки или браслета - в силу селективного ограничения предиката, прообраза посессивного классификатора po-, которое состоит в том, что 'У не является частью Х', будет понятно скорее во втором своем значении.

Описание значений посессивных конструкций в терминах селективных признаков предикатов позволяет объяснить некоторые особенности в употреблении этих конструкций, например, возможность употребления разных посессивных конструкций с формально тождественными лексемами, например, в фиджи²⁹: na uto-mu 'твое (собственное) сердце' - na po-mu uto 'твое (чьё-то) сердце' - na ke-mu uto 'твое сердце' (для еды). Возможность употребления разных посессивных показателей в таких контекстах объясняется тем, что соединяемые компоненты неоднозначны с точки зрения их семантических связей друг с другом, т. е. между компонентами Х и У могут быть в подобных случаях и связи типа 'У является частью Х' и 'У не является частью Х' и 'У является пищей' и т. д.

С другой стороны, тот факт, что свобода употребления лексем в той или иной посессивной конструкции все же ограничена, также естественно объясняется с помощью понятия селективных признаков предикатов. Так как посессивные предикаты накладывают определенные ограничения на семантику своих аргументов, то естественно, что в позициях обладаемого и обладателя могут появляться только такие лексемы, семантические признаки которых не противостоят селективным ограничениям данного предиката, т. е. или такие лексемы, которые обладают семантическими признаками, предписанными селективными ограничениями предикатов (как в примере (1) *ga-k o vetai* 'мой банан' (для ед.) (мота), или такие лексемы, которые немаркированы в отношении данных семантических признаков (как в примерах (2) *ga-n o tano* 'его земля' (приносящая ему плоды) (мота) ³⁰ или (3) *a-gu motoka* 'мой автомобиль' (для ед.) (суау)). В этих случаях словосочетания воспринимаются как семантически нормальные, при этом степень их нормальности различна: если интерпретация примера (2) не вызывает особых затруднений, то проинтерпретировать пример (3) гораздо сложнее, хотя и возможно.

Однако словосочетание воспринимается как семантически аномальное, если семантические связи соединяемых компонентов однозначны и противостоят селективным ограничениям данного посессивного предиката. Так, например, термины кровного родства употребляются в конструкции неотторжимой принадлежности и никогда не оформляются конструкциями отторжимой принадлежности. В данном случае семантическое соотношение имен субъекта и объекта обладания однозначно ('У является частью X' - в силу своей релятивной семантики) и соответствует селективному признаку предиката в глубинной структуре конструкции неотторжимой принадлежности. Употребление этих имен в конструкции отторжимой принадлежности привело бы к рассогласованию семантических признаков имен и селективного ограничения предиката в глубинной структуре этой конструкции и, следовательно, к семантической аномальности словосочетаний, которые воспринимались бы как грамматически неправильные.

Итак, посессивные конструкции семантически. Собственно значение посессивных конструкций крайне абстрактно: 'отношение между объ-

ектами' - а различия в семантике отдельных посессивных конструкций лежат в области тех семантико-синтаксических ограничений, которые эти конструкции накладывают на контекст своего употребления. Варьирование в составе посессивных классов имен, в частности, класса имен неотторжимой принадлежности, по конкретным языкам свидетельствует о недостаточности чисто семантических критериев их выделения: так, в фиджи, где названия естественных частей целых употребляются в конструкциях неотторжимой принадлежности, существительные, обозначающие кровь и некоторые внутренние органы, а также имена частей тела, начинающихся с морфемы *i*, должны быть употреблены в конструкции отторжимой принадлежности: ср. на *yate-na* 'его печень' - на *no-na dra* 'его кровь', на *no-na yatevua* 'его легкие', на *no-na i labinika* 'его пальцы' ³¹. Ввиду этого при построении грамматики употреблений посессивных конструкций в конкретном языке необходимо учитывать все аспекты словосочетания (семантико-синтаксический, лексический, морфологический, фонологический) и учитывать ограничения разного порядка, а также рассматривать именные посессивные конструкции в составе предложения, в результате чего выявится их роль в коммуникативной структуре предложения.

Примечания

¹ Сунник О. П. Удэгский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. 5, М., 1968, с. 216.

² Новикова К. А. Эвенский язык. - Там же, с. 92.

³ Болдырев Б. В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1976, с. 47.

⁴ Мы ограничимся здесь рассмотрением посессивных конструкций с именем обладателя, выраженным местоимением, так как эти конструкции синтаксически наиболее просты и в то же время на них можно проследить все семантические различия.

- 5 Приименные местоименные элементы в некоторых языках идентичны прилагательным местоименным элементам, а в некоторых языках отличаются от прилагательных клитик и местоимений в полной форме.
- 6 Codrington R. H. The Melanesian Languages - Oxford, Clarendon Press, 1885, p. 130.
- 7 местоименный суффикс
- 8 Lynch J. Verbal Aspects of Possession in Melanesian Languages - Oceania Linguistics, 1973, vol. 12, p. 69-102.
- 9 Codrington R. H. Указ. соч., с. 267.
- 10 Lynch J. Указ. соч., с. 72.
- 11 Codrington R. H. Указ. соч., с. 129; Cowan Ч. К. J. Les oppositions "aliénable: inaliénable" et "animé: inanimé" en melanesian - Word, 1969, vol. 25, N 3, p. 70, 74.
- 12 Codrington R. H. Указ. соч., с. 267, 271.
- 13 Перечисленные функциональные значения наиболее типичны для меланезийских языков.
- 14 Точные семантические границы класса имен неотторжимой принадлежности варьируют от одного языка к другому.
- 15 Bailey Ch. L'expression des idées de Sphère personnelle et de la solidarité dans les langue indoeuropéennes. - Festschrift Louis Gauchat. Aarau, 1926, p. 68-78.
- 16 Хуринская М. А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности. - В кн.: Категории бытия и обладания в языке. М., 1977, с. 224, 225.
- 17 Codrington R. H. Указ. соч., с. 267.
- 18 Milner G. B. Fijian and Rotuman. - In: Current Trends in Linguistics. Vol. 8. The Hague-Paris, Mouton, 1971, p. 410.

- 19 Lynch J. Указ. соч., с. 78, 79.
- 20 Codrington R. H. Указ. соч., с. 267.
- 21 Lynch J. Указ. соч., с. 79.
- 22 Codrington R. H. Указ. соч., с. 267.
- 23 Lynch J. Указ. соч., с. 79.
- 24 Lynch J. Указ. соч., с. 99.
- 25 Там же, с. 69-102; Pawley A. Some Problems in Proto-Oceanic Grammar-Oceanic Linguistics, 1973, vol. 12, p. 165.
- 26 На основании подобной аргументации Дж. Линч высказал гипотезу, согласно которой значение данной посессивной конструкции и ее употребление в меланезийских языках, а, возможно, и в языках Океании вообще, полностью обусловлены семантикой самой конструкции и не зависят от семантики имен в позиции обладаемого и обладателя. Однако с гипотезой Дж. Линча трудно согласиться, так как, во-первых, несмотря на случаи варьирования в притяжательном оформлении лексем, свобода употребления лексем в той или иной конструкции все же ограничена - на это указывает и автор - и, во-вторых, при употреблении формально тождественных лексем в разных посессивных конструкциях изменяется не только синтаксическое отношение, но и референция лексем: ср. в языке мота na pane-k 'моя рука' - no-k o pane 'мой браслет'.
- 27 Lynch J. Указ. соч., с. 78.
- 28 Weinreich U. Explorations in Semantic Theory. - In: Current Trends in Linguistics. III. Theoretical Foundations. London-The Hague-Paris; Mouton, 1966, p. 395-477.
- 29 Milner G. B. Указ. соч., с. 410.
- 30 Codrington R. H. Указ. соч., с. 267.
- 31 Churchward C. M. A New Fijian Grammar - Australasian Medical Publ. Co., 1941, p. 31, 34.

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ
В НГАНАСАНСКОМ ЯЗЫКЕ

До сих пор имя действия не было специально рассмотрено в научной литературе по самодийским языкам. В книге "Синтаксис самодийских языков. Простое предложение" Н. М. Терещенко определяет термином "глагольные имена" — слова, выражающие в именной форме значение действия или состояния¹, в книге приводятся также примеры предложений с именными конструкциями². В монографии того же автора "Нганасанский язык" в главе о словообразовании существительных рассматриваются вкратце некоторые типы имени действия³. Специально ни морфология имени действия, ни его синтаксические функции в самодийских языках и, в частности, в нганасанском, описаны пока не были.

Что же принято понимать под термином "глагольное имя" или "имя действия"? В "Словаре лингвистических терминов" имя действия определяется как "отглагольное существительное... образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как "опредмеченное", субстантивированное, т. е. представляющее его в наиболее общем отвлеченном смысле"⁴. Такое выравнивание имени действия и отглагольного существительного очевидно продиктовано спецификой индо-европейских языков. Занимаясь описанием самодийского языка, мы можем принять такое определение лишь с известными оговорками, которые подсказаны особенностями агглютинативного строя этих языков.

Г. Н. Прокофьев в работе о нганасанском (тавгийском) языке отмечал, что "из глагольных образований укажем: 1) имя процесса действия, суф. -bua (-bie), -fua (-fie), matubua резание, jolsebie окончание; имя местонахождения действия, суф. -mia (-mea) (место, где резали)"⁵.

Наибольшую сложность при исследовании нганасанских имен действия представляет тот факт, что морфологическое строение их имеет весьма непростой вид, отсутствуют единые грамматические мар-

керы для этой категории инфинитных глагольных форм. По нашим данным морфологической спецификой этих форм является их способность принимать аффиксы притяжания, сочетаться с послелогом и склоняться, однако при этом проявляется способность имен действия управлять, наподобие глаголов, определенными падежами:

(1) Мана немма дерусо танэ тало тумомта. 'Моя мать-моя не-знала твой вчера приезд-твой'.

Основной предикат стоит в форме прошедшего времени — дерусо от глагола деруса 'не знать', который управляет винительным падежом, поэтому имя действия приобретает формант винительного падежа: тумо-м-та 'приезд-твой'.

(2) Мана уантума туйхүэдя мнү коньсытэми мендяэ маты.
'К приезду моего сына мы перейдем в новый дом'. Досл.: 'Мой сын-мой прихождение-к мы перейдем-мы новый дом-в'.

Здесь имя действия присоединяет показатель дательного-направительного падежа туй-хүэ-дя 'приезжанью-к'.

Имя действия, как уже отмечалось, может присоединять падежные показатели, выступать вместе с послелогом, передавая таким образом различные обстоятельственные значения. Они весьма строго распределены по сферам использования, причем распределение это является следствием морфологического строения имени действия. Мы в этой статье опишем имена действия, образующиеся от глагольной основы путем присоединения формантов -буэ/-хүэ, так как они весьма распространены в полипредикативных конструкциях временного значения,

Для начала сравним два примера:

(3) Конноу'ни дянурудя някалэгэу тансэре. 'Когда идем в тундру, бери маут'.

В качестве зависимого предиката, возглавляющего зависимую конструкцию, выступает условно-деепричастная форма — конь-бу'ни (если-идем).

(4) Басаханса буубуоми, мьнталасуоми намсүзүнү. 'Когда мы ехали охотиться, брали с собой еду'.

Здесь зависимый предикат выражен инфинитивной глагольной формой, которая имеет следующий вид: основа глагола + суффикс -оуэ/-хуэ + лично-притяжательный аффикс. Эта форма появляется во всех временных конструкциях, где основным предикатом выражен формой прошедшего времени финитного глагола:

(5) Бэнтимани хэзэтыбиэма качемасом дерамуо ным. 'Когда я шла по улице, увидела незнакомую женщину'. Досл.: По-улице идти-если-я увидела-я незнакомая женщину.

(6) Хурсабиззы копта кона"а иригайти имидикэйти мазэди нилыхнсы. 'Когда вернулась, девушка пошла жить к деду с бабушкой в чум'.

(7) Иниаку мелсыбиэты баби"нуо" сылычекую чидиэ матэту. 'Когда старуха разделявала ноги дикого оленя, в чум кто-то вошел'.

(8) Сыты коньбиэзы нагэтэну нилыдиэ нэркуэ мазанкутану. 'Когда он ушел от нас, стал жить в плохом домишке'.

(9) Нэ" дикатубоуоту луты бита" лирсядусуо. 'Когда шаманка крутилась, полы ее парки развевались'.

Как можно увидеть, независимый предикат во всех примерах выражен финитным глаголом в форме прошедшего времени. Сама категория имени действия, нейтральная относительно категории времени, черпает свою временную характеристику у временной формы основного сказуемого, хотя точнее, вероятно, было бы сказать, что конечное сказуемое в форме прошедшего времени требует именного, а не иного оформления зависимого предиката. При этом зависимое событие может предшествовать во времени основному, например:

(10) Сыты аниэманы някомбиэты, динтэзу чанходиэ. 'Когда он сильно натянул, лук сломался'. Досл.: Он по-сильному натягивание-его лук-его сломался-он.

(11) Номтабозу сүрүнү кундуптукадүүзэ. 'Когда она на снег села, засыпать стала'.

Зависимое действие может и совпадать по времени с основным:

(12) Туыхуоту дялы четуа чэсисиэ. 'День, когда он пришел,

был очень холодный'. Досл.: Прихода-его день очень холодало.

Структура имени действия может включать в свой состав форманты видовой направленности:

(13) Кундукахуомэ сылыгэ тусуо. 'Когда я ложился спать, кто-то пришел'. Досл.: Спание-начиная-мое кто-то пришел.

Рассмотренные до сих пор примеры включают зависимый предикат в форме имени действия, оформленный личными показателями. Однако нередко имя действия на -оуэ/-хуэ оформляется нулевым показателем:

(14) Сыроудя сятбиэ, колзысыэмы. 'Когда сошел лед, мы отправились рыбачить'. Досл.: Лед сходение зарыбачили-мы.

(15) Эмэ нана"сана" буйбозуну, ны натакэсуо куодүмомту. 'Когда эти люди ушли, женщина мужа-ее ждать стала'.

Эти примеры объединяет тот факт, что зависимый предикат не получает личного оформления. Это не случайно, так как все рассмотренные только что конструкции имеют по два субъекта в своем составе – субъект независимого события и субъект зависимой части. Поскольку зависимый субъект выражен отдельной словоформой, личные показатели при зависимом предикате оказываются, по-видимому, избыточными и могут опускаться. Однако, если говорящий хочет подчеркнуть наличие в предложении второго субъекта, то и в разносубъектной конструкции зависимый предикат (имя действия) получает личное оформление:

(16) Иниаку мелсыбиэты баби"нуо" сылычекую чидиэ матэту. 'Когда старуха ноги дикого разделявала, кто-то в чум вошел'. Досл.: Старуха разделявание-ее дикого ноги кто-то вошел в чум.

Вспомним, что в начале статьи мы сравнивали два способа выражения зависимого предиката – с помощью условного деепричастия и с помощью имени действия. Условно-деепричастная форма, выступая в этой функции, регулярно присоединяет личные показатели, которые Н. М. Терещенко называет показателями родительного падежа⁶. Имя действия, выступая в роли организующего центра зависимой части, оформляется либо нулевым показателем, либо присоединяет форманты именительного падежа:

(17) Туйхуоу сурудя, бика кантадиза. 'Когда наступила зима, река замерзла'. Досл.: Прихождение-ее зима, река замерзла.

(18) Чуйбуому тати байка"а мунудо: Някала" тазамта. 'Когда мы подъехали к стаду оленей, старик сказал: выбирай оленя себе'. Досл.: Подъезжание-наше оленям-к...

Можно было бы привести полную парадигму лично-притяжательных суффиксов для именительного падежа, но не будем этого делать, ввиду ограниченного объема публикации. Добавим лишь, что все имена действия, выступающие в роли зависимого предиката во временных конструкциях, аналогичных рассмотренным, в случае получения притяжания оформляются этими формантами именительного падежа.

Как отмечалось, имена действия на -буэ/-хуэ способны присоединять падежные форманты, в частности, форманты отложительного падежа -гэтэ/-китэ:

(19) Буоуогатата биерий сити хуо. 'С тех пор как ты уехал, прошло два года'. Досл.: Ухождение-от-твоего...

Имя действия, получая падежное оформление, сохраняет, как правило, и личные показатели, при этом падежный формант становится между суффиксом -буэ/-хуэ и личным показателем. Меняется и характер личного форманта - к падежному показателю присоединяется уже не суффикс именительного, а непременно родительного падежа:

(20) Хандуйну караматума"а ичута, миң хуоти хилдикатим дүотүмхуогаты. 'Пока лодка не причалила, мы боялись, что она перевернется'. Досл.: Боялись-мы перевертывания-от-ее.

Принимая падежный показатель, т. е. становясь в позицию, управляемую со стороны основного сказуемого, имя действия подчиняется законам управления и падеж его таким образом зависит от характера "валентности" финитного глагола, который выполняет роль основного предиката. Глаголы "скучать, бояться, пугаться", например, требуют в нганасанском отложительного падежа, и имя действия в соответствии с этим требованием присоединяет показатели отложительного падежа -гэтэ.

Конструкции этого типа представляют временную связь, где событие, выраженное инфинитивной формой, является точкой отсчета во времени для события независимой части. На русский язык эти конструкции переводятся как "с тех пор как", "с того времени как", "после того как":

(21) Хотумхигатана десигейни нилдиагей Киресте. 'С тех пор как я родилась, родители мои жили в Крестах'. Досл.: Рождения-от-моего...

(22) Сыры туйхуогатети немме хуоти дярвиноне. 'С тех пор как пошел лед, мать все время болела'. Досл.: Лед прохождения-от-его...

Таким образом, имя действия в тех случаях, когда оно не принимает показателей косвенных падежей, оформляется личными суффиксами именительного падежа. Принимая же падежные косвенные форманты, оно и оформляется по "косвенному" типу, присоединяя форманты родительного падежа, при этом личные форманты всегда занимают конечную позицию в словоформе.

Весьма регулярно имя действия на -буэ/-хуэ выступает с послелогами для образования временных конструкций, например, с послелогами баэ 'с тех пор как', чуба 'до', хуону 'после'.

(23) Нуомэ дерагимхизе баэ мене нинтым дүбтүрэ" баоуэди. 'С тех пор как у меня болит нога, я не хожу на охоту'. Досл.: Ноги-моей заболевания-от...

(24) Сыры туйхуэ чуба сити хуоти колыноне. 'Пока не прошел лед, он все время рыбачил'. Досл.: Лед прихождение до...

(25) Бэнди кунтубуо хуону маэе кунсыне нисне сылыгалче сойбу". 'После того как все уснуло, в доме стало тихо'. Досл.: Все засыпание после...

Полипредикативные конструкции с послелогом баэ представляют собой временную зависимость с последовательностью действий, при которой основное следует за зависимым:

(26) Москватану дүэүрхуэту баэ сити нигети сылыгалчечы буо". 'С тех пор как съездил в Москву, он ни с кем не хочет разговаривать'. Досл.: В-Москву поездка его со-времени...

(27) Норуа малумухоуни баъзе нинтиа бу" нянида. 'С тех пор как весной поссорились, не разговариваем друг с другом'. Досл.: Весной ссорение-нас-двоих от...

С помощью послелогоа чубэ создаются временные конструкции, в которых основное событие опережает зависимое:

(28) Тати нѳмти фотугори, коптуа яся коньбиэти чубэ. 'Эту девочку вырастите, пока взрослой не станет', Досл.: ...девушкой становления до.

Послелог хуону участвует в создании конструкций, которые * по временным характеристикам аналогичны конструкциям с послелогом баэе.

Употребляясь с послелогом, имя действия не утрачивает способности получать личное оформление, присоединяя аффиксы для родительного падежа.

На основании изложенного материала мы можем сделать следующие выводы:

- имя действия на -буэ/-хуэ может выполнять в предложении роль зависимого предиката;

- в роли зависимого предиката имя действия может получать личное оформление (факультативно) или присоединять формант отложительного падежа;

- присоединяя показатели косвенного падежа, имя действия получает личное оформление также по косвенному типу;

- рассматриваемая инфинитивная форма может также выступать с послелогом, образуя полипредикативные конструкции обстоятельственной характеристики.

Примечания

¹ Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973, с. 23.

² Терещенко Н. М. Указ. соч., с. 299-302.

³ Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л., 1979, с. 113-115.

⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 465.

⁵ Прокофьев Г. Н. Тавгийский язык. - В кн.: Янки и письменность народов Севера. М.-Л., 1937, с. 60.

⁶ Терещенко Н. М. Нганасанский язык, с. 277.

Ф. Р. Ахметжанова

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Сравнение является если не самой древней, то одной из древнейших форм мышления. К. Д. Ушинский писал: "... сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления. Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение... Поэтому напрасно нас упрекают в том, что мы везде настаиваем на сравнении: другого пути для понимания внешней природы нет" ¹.

Объектом специального исследования сравнения в тюркских языках фактически стали только в последнее время. Так, защищены кандидатские диссертации М. Мукарамовым ², И. Абдуллаевым ³, Н. Зуфаровой ⁴ и другими. Написаны также отдельные исследования ⁵ и многочисленные статьи ⁶, посвященные проблеме сравнения.

Сравнительная мыслительная операция получила на протяжении истории развития языка большое количество форм выражения. В казахском языке сравнения выражаются при помощи падежных и словообразовательных аффиксов, а также аналитических показателей. Последние представляют собой обширную группу, состоящую из послелогов и модальных слов; точный состав и границы этой группы пока еще не установлены, отдельные из них не описаны и даже не зарегистрированы, хотя в языке функционируют.

Как и в русском языке, а также в других тюркских языках, в казахском языке определенные способы выражения сравнения являются общеизвестными, общеупотребительными и регулярными. Описание таких компаративных конструкций казахского языка нашло отражение в нашей предыдущей работе ⁷.

Задача настоящей статьи — выявить и систематизировать еще неисследованные способы выражения сравнения в казахском языке, дать их первоначальное описание. Необходимо отметить, что в текстах сравнительные конструкции являются не в чистом виде; чаще они входят в состав более сложных структур, которые громоздки

и неудобны для анализа. Поэтому мы, следуя примеру М. И. Черемисиной ⁸, будем упрощать реальные фразы текста, освобождая их от элементов, не относящихся к анализируемому вопросу. Следуя известным правилам, мы будем приводить громоздкие фразы к минимальной компаративной форме, т.е. к такому виду, когда дальше упрощать нельзя, не затрагивая данной сравнительной конструкции. Правильность полученных фраз гарантируется языковой компетенцией автора как носителя языка. Например, реальную фразу — Августын аптап ыстығы, несері, кулгін түстес көк аспан, шаң басқан жолдар, түстіктің тымырсың, тундері, Тихорецкі, Ростов, Новочеркасскіні басып өтетін таныс маршруттар — міне, осмын, бәрі біздің полктың көрі тарландарына өткен жазды еріксіз еске салады (А. П. 324). 'Августовский зной (целыми неделями), ливни, небо как пепел (цвета золы), пыльные дороги, душные ночи, знакомые маршруты через Тихорецк, Ростов, Новочеркасск — все это волей-неволей напоминает сивым (имеются в виду летчики-однопольчане, опытные, знающие свое дело люди — Ф. А.) нашего полка прошедшее лето' мы приводит к "ядерной" сравнительной конструкции: Кулгін түстес көк аспан өткен жазды еске салады 'Небо, как пепел, напоминает прошедшее лето'.

Собранный нами материал, примечателен, на наш взгляд, уже тем, что почти все сравнительные конструкции оформлены синтаксическим способом. Незначительную часть выборки составляют компаративные конструкции, где показателем сравнения являются лексемы со значением 'быть похожим как две капли воды (почти не отличаться)'. Например:

(1) Ділденің бар баласы Абайға тартпай шешеге тартып келді (М. Ә. А. т. I, 378). 'Все дети Дильды не похожи на Абая, походят на мать'.

(2) Бәрінің айтуынша, мен атама тартыппын (А. П. 432). 'Как все утверждают, я, оказывается, похож на деда'.

Еске салу, түсіру:

(3) Сержант езінің куллі бітімімен әйгілі бір ұшқыштың мусінін еске түсірді. (А. П. 97). 'Всеим своим видом сержант напоминал мне одного известного летчика'.

(4) Қызғылт тартқан кішкене жұлдыздар түнде жарқырайтын қасқырдың көзін есіме салады (Ғ. М.). 'Чуть краснеющие звезды напоминают мне сверкающие ночью глаза волка'.

Аумау:

(5) Дауленнің нақ өзінен аумаған, қара домалақ баласын құшағына алып, қайта-қайта сүйе берді (С. Б.). '(Он) обнял и целовал сына Даулена, смуглого и полного, как две капли воды похожего на отца' (букв. 'не отличающегося от отца' - Ф. А.).

(6) Айтпақшы сіз сөзан ұқсайсыз, әсіресе, көздеріңіз аумайды (А. П. 354). 'Вы похожи на него, особенно глаза' (букв. 'не отличаются' - Ф. А.).

(7) Күннің көзі алтын табақ аумаған! (Х. Е.) 'Солнце все равно что золотая чашка'.

В эту же часть выборки вошли конструкции с компаративным показателем -сымақ, который Ф. Кенжебаева называет частицей (демеулік) ⁹, Дж. М. Мураталиева трактует как "послелог неизвестного происхождения" и предположительно относит к "послелогу именного происхождения" ¹⁰. Примерно так же считают авторы "Современного татарского литературного языка", утверждая, что "сыман/сымақ - послелог, связь которого со знаменательными частями речи затемнена или же совсем утеряна" ¹¹. Академическая грамматика казахского языка никаких сведений о -сымақ не содержит. Нет и общепринятого написания: в казахском языке -сымақ пишется слитно с тем словом, к которому оно относится, хотя согласно вышеуказанной работе - это частица (демеулік); в других тюркских языках (киргизском, татарском) -сымақ пишется раздельно. Ср. казахское:

(8) Мұнда "алашорданның" әкімсымақтары әуелі байлары үшін де еш нәрсе істей алмаған екен (С. С.). Избранные вроде старост "алашординцев" не смогли помочь даже своим баям'.

(9) Әсет жұмбақты шеше отырып, заманындағы әкімсымақтардың мейлінше масқаралайды (М. Ә., Әр. жыл.). 'Асет, заглядывая в глубь тайны, бранил прихвостней вроде старост того времени'.

(10) Бүгін айтса ертең ұмытылатын жеңілжелпі әндер, әнсымақтар қаптап кетті (Қаз. әд). 'В последнее время появилось много несерьезных музыкальных сочинений вроде музыки'.

(11) Екі сағат кезекте тұрып етіксымақ бірдеңені сатып алдым (Ұ. Р.). 'Простояла два часа в очереди и купила что-то наподобие сапог'.

Анализ примеров показывает, что -сымақ выражает сравнение с оттенком пренебрежения, умаления достоинств и качеств чего-либо или кого-либо (кто-то вроде старосты - не простой смертный и в то же время не повелитель, не властелин; создание вроде музыкального сочинения, но не музыкальное сочинение, и даже не как музыкальное сочинение; обувь наподобие сапог, т. е. -сымақ нам помогает тогда, когда мы затрудняемся что-то назвать своим именем).

Академическая грамматика казахского языка в общем списке "послелогов, сочетающихся с именами в основном (именительном) падеже" ¹² называет и послелог жұрлы-м, который имеет вариант құрлы-м. "Послелог құрлы-м по своей функции близко примыкает к послелогам сыяқты, тәрізді. Но он выражает не просто сравнение или уподобление действия, состояния одного предмета или лица действию или состоянию другого предмета или лица, но и понятие минимального предела этого качества", - пишет М. Б. Балакаев ¹³.

(12) Менің ұзатылуым жетім қыздың тойы жұрлы болғанның күлкім келеді (Ш. Х.). 'Смешно оттого, что мое замужество не отпраздновали даже так, как свадьбу сироты'.

(13) Өзің дап-дардай жігітсің. Жас бала жұрлым жұмыс істей алмайсың ба? (Лен. жас). 'Взрослый парень. Неужели даже как ребенок не можешь поработать?'

(14) Екі жігіт Бақтығұлдың кісі жұрлым көрмейтін әлсіз жігіттері еді. (М. Ә., Қарап). 'Эти двое были те слабovolьные парни, которых Бақтыгул не считал даже за людей'.

(15) Ал атам қандай ауыр затты көтерсе де қанбақ құрлы көрмеуші еді. (А. П. 432). 'А вот мой дед - какой бы тяжелый предмет ни был - поднимал его легко, даже не как перекачено'.

Синтаксическим же способом оформлены компаративные конструкции, где показателем сравнения является послелог бетер. Он "путем подчинения имен в исходном падеже глаголам образует сложные словообразования в значении усиления глагольного признака предмета или лица в сравнении с другими признаками" ¹⁴.

(16) Жұрт бұрынғысынан бетер бұрқанып қызына түсті. (А. Т., I Петр). 'Люди стали возмущаться больше, чем раньше'.

(17) Содан бері оның, самай шашы бұрынғыдан бетер азара түсіпті. (А. П. 298). 'С тех пор его виски поседели еще больше'.

(18) Кешқұрым ауа райы бұрынғыдан бетер бұзылды (А. П. 173). 'К вечеру погода еще больше испортилась'.

И все-таки основную часть нашей выборки составляют сравнительные конструкции, где компаративным показателем являются лексемы именного происхождения. Это бейнелі-бейнелес, пішінді-пішіндес, түсті-түстес, реңді-реңдес, текті-тектес, әлпетті-әлпеттес, іспетті-іспеттес. Ни один из источников, просмотренных нами, не дает указанных форм данных показателей сравнения самостоятельно ¹⁵. В отдельных исследованиях и статьях, известных нам, сведения о них хоть в каком-нибудь направлении отсутствуют. На наш взгляд, имена бейне, пішін, түс, рең, тек, әлпет, іспет последствием "продуктивного словообразующего суффикса -лы, -лі, -ды, -ді, -ты, -ті современного казахского языка" ¹⁶ перешли в ряд прилагательных. "Адъективы, образованные при помощи этого аффикса, в основном выражают обладание тем предметом или качеством, названием коего служит имя, от которого они образованы" ¹⁷. Прилагательные, образованные аффиксом -лы и обозначающие предмет обладания, могут иметь свой определения. Например, далалы жер 'степная местность'; шанды жол 'пыльная дорога' (ср. в татарском төсле, в казахском түсті, в тофском барлыг киши 'имущий человек', суттұғ шәй 'чай с молоком').

Следующим вариантом образования выявленных показателей сравнения является прибавление к основе этих же имен "продуктивного аффикса -лас (-лес, -дас, -дес, -тас, -тес) со значением со-участника, совпадения, одинаковости, смежности в чем-нибудь" ¹⁸.

Например, фамилиялас 'однофамилец', тектес 'однородный, одной и той же породы', түстес 'одноцветный'. В. Рассадин называет этот аффикс "весьма активным в большинстве тюркских языков" ¹⁹.

(19) Лай реңді толқынды судың ішінде сезеді, ол жүзген болады (М. Ә. А. т. II, с. 814). 'Он чувствовал себя плавающим в грязной воде' (букв. 'в воде с волнами, как ил' - Ф. А.)

(20) Оңі (Оспанниң) Абай реңдес болғанмен, одан гөрі сұңқтау қалың, қара сұр келген (М. Ә. А. т. I, с. 814). 'Хотя Оспан по виду, как Абай, он несколько полнее и смуглее',

Үспеті-іспеттес:

(21) Ұшы жебе іспетті иле созылған қомарты сызықты көріп, сасып қалдым (А. П. 457). 'Я растерялся, когда увидел большую (протянувшуюся), как стрела, линию (огня)'.

(22) Қонаққа баратын адам іспетті киініпті (Вахненко) (А. П. 99). 'Вахненко оделся, как человек, идущий в гости',

(23) Бірақ сонда да "испано-суиза" біз үшін бағталған жорға іспеттес еді. (А. П. 5). 'И все-таки для нас "испано-суиза" (автомашина - Ф. А.) была как выезженный иноходец'.

Текті - тектес:

(24) Барлық тулғасы Құнанбай тектес бұл жасайал - Абайдың апасы - Мәкіш. (М. Ә. А. т. I, с. 385). 'Вся в род Құнанбая эта женщина была сестрой Абая - Макиш'.

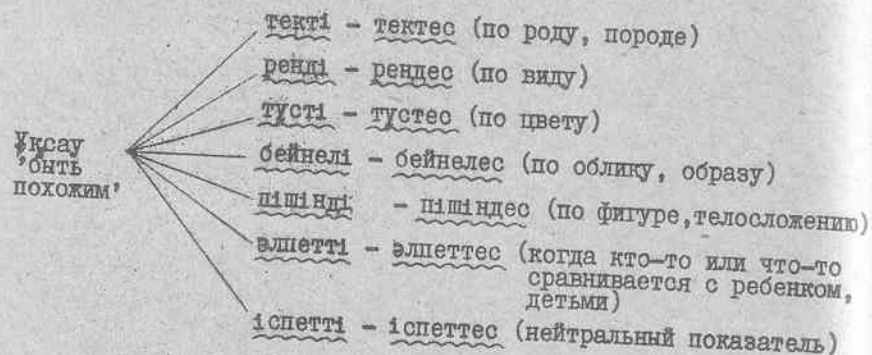
(25) Осы тектес машиналар майданда болғаны рас, бірақ бұған теңдесе алатыны жоқ еді. (А. П. 382). 'Такого рода машины были на войне, это правда, но равных не было'.

Бейнелес, түстес:

(26) Ділдә бейнелес қыз кеш болғанда жана отауға келеді. (М. Ә. А. т. I, с. 291). 'Дочь (Гүлбадан) похожая на Дильду (букв. обликом, образом в мать - Ф. А.) только к вечеру попала в Молодой дом'.

(27) Олар бізге келгенде тіпті сол күм түстес - сырғылт сұр күйінде әкелінген. (А. П. 370). 'Когда к нам их (старые английские самолеты марки "харикейнт") привезли, они были песочного цвета' (букв. 'желто-серые, как песок' - Ф. А.).

Из приведенных примеров нетрудно заметить неоднородность их по семантике, что можно изобразить следующим образом:

Анализ имеющегося материала показывает, что мы имеем, видимо, послелогі (или во всяком случае служебные слова) более позднего происхождения: они не совмещают в себе многих (различных) значений из-за этимологической определенности, имеют узкий круг значения и употребления. Грамматическая роль их ограничена лексическим значением.

Таким образом, изучение собранного фактического материала говорит о том, что казахский язык, как и другие тюркские языки, обладает весьма богатой и разветвленной системой сравнений. Дело, безусловно, не в количестве способов выражения сравнения в казахском языке. И все-таки трудно сказать, сколько, так как за пределами настоящей статьи осталось немало компаративных единиц, нуждающихся в более глубоком исследовании и анализе. Не менее интересным является вопрос о смешанном способе выражения сравнения в казахском языке, который и своей организацией (структурой), и выразительностью привлекает наше пристальное внимание. Решение этих вопросов - задача ближайшего будущего.

Примечания

- 1 Ушинский К. Собрание сочинений. М.-Л., 1949, с. 332.
- 2 Мукарамов М. Сравнения и способы их выражения в

современном узбекском литературном языке. АКД, Ташкент, 1971.

3 Абдуллаев И. Способы сравнения в азербайджанском языке. АКД, Баку, 1974.

4 Зуфарова Н. Степени сравнения и сравнительные конструкции английского и узбекского языков. АКД, Ташкент, 1971.

5 Коньров Т. Казах теңеулері. Алматы, 1978; Василев Ю. Способы выражения сравнения в якутском языке. АКД, Алма-Ата, 1981.

6 Коньров Т. Казах тіліндегі "әуезді" теңеулер. - В кн.: Сөз өнері. Алматы, 1978; Ахметжанова Ф. Служебное слово сияқты в казахском языке. - В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980.

7 Ахметжанова Ф. Из наблюдений над способами выражения сравнения в казахском языке (в печати).

8 Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976, с. 29-37.

9 Кенжебаева Ф. Послелогі и частицы в современном казахском языке. АКД, Алма-Ата, 1964.

10 Мураталиева Дж. М. Послелогі в современном киргизском языке. АКД, М., 1953.

11 Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 314-318.

12 Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 392.

13 Балакаев М. Б. Глагольные словосочетания с послеложными именами. - В кн.: Уч. зап. Казахского IV им. С. М. Кирова, т. XXV, Алма-Ата, 1957, с. 10-11.

14 Балакаев М. Б. Указ. соч., с. 18.

15 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, т. I-IV, Алматы, 1974; Казахско-русский словарь, Алма-Ата, 1954; Абай тілі сөздігі, Алматы, 1968; І. Кенжебаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі, Алматы, 1977; Современный казахский язык, Алма-Ата, 1962 и другие.

16 Современный казахский язык, Алма-Ата, 1962, с. 194.

17 Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка. В сравнительном освещении. М., 1978, с. 100.

18 Современный казахский язык, Алма-Ата, 1962, с. 140.

19 Рассадин В. И. Указ. соч., с. 66.

Список сокращений

М. Ә. А.	— М. Әуезов. Абай жолы, 1961.
М. Ә. Әр жыл.	— М. Әуезов. Әр жылдар ойлары, 1959.
М. Ә. Қ.	— М. Әуезов. Қарап-Қараш, 1960.
С. Б.	— С. Бақбергенов. Өзіміздің жігіттер, 1958.
Х. Е.	— Х. Ерғалиев. Біздің ауылдың қызы, 1950.
А. П.	— А. И. Покрышкин. Аспандағы айқас, 1973.
Қаз. әд.	— Қазақ әдебиеті.
Ғ. М.	— Ғ. Мұсірепов.
С. С.	— С. Сейфуллин. Шығармалар, 1960-1964.
А. Т.	— А. Толстой. I Петр.
У. Р.	— Устная речь.
Ш. Х.	— Ш. Хұсайынов. Таңыс адамдар, 1961.
З. Ш.	— З. Шашкин. Сенім, 1966.

Б. В. Болдырев

СУФФИКС -ЛАН В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Словообразовательный суффикс -лан известен во многих тунгусо-маньчжурских языках.

1. В эвенкийском языке при помощи суффикса -лан от глагольных основ образуются существительные и прилагательные со значением: а) мастер своего дела¹: гарпа-лан 'искусный стрелок', гарпа- 'стрелять из лука'; турэт-лан 'оратор', турэт- 'выступать (на собрании)'; тукса-лан 'бегун, мастер бегать', тукса- 'бежать'; дуку-лан 'писатель', 'секретарь (собрания)', 'делопроизводитель', 'писец, писарь', дуку- 'писать'; ули-лан 'хороший гребец', 'мастер грести', ули- 'грести (веслом)'; б) склонности человека, животного, их наиболее характерные особенности: иргив-лан 'прихвостень', 'вышитое украшение шаманского костюма в виде хвоста', ирги 'хвост', * иргив- 'быть хвостом'; олгори-лан 'ревнивый', олгори- 'ревновать'; сә-лан 'хорошо жующий, быстро пережевывающий'. сә- 'жевать'; гуја-лан 'бодливый', гуја- 'бодать'; н'амуқай-лан 'важенка, ежегодно приносящая телочку', н'амуқай- 'отелиться телочкой'; в) названия приспособлений, построек и т.п.: бучив-лан 'подставка (к плетенке для вяления мяса или рыбы над огнем)', бучив- 'вялиться'; умнэв-лан 'подставка, жерди (на которые ставят торсуки в ряд, — для предохранения от сырости)', умнэ- 'сложить, поставить вместе (въяки, торсуки)', ср. умнут ~ умнут- 'прятаться (от дождя, от лари)'; синму-лан ~ синму-лэ, симу-лан, ниму-лэн 'навес (теневой — для оленей)', синмун 'тень', эвн. нимүл 'начать темнеть, смеркаться'; ури-лэн 'поселок, стойбище', урин- 'останавливаться (при перекочевке на жительство)', урилэ- 'перекочевать на другое стойбище'; такэ-лан 'бревно, плаха, мостки (положенные для перехода через ручей, реку)', такалэ- 'перейти (по бревну, по мосткам, через ручей, реку)', тигдэ-лэн 'бревно (перешрошенное через ручей для перехода)', мост, тигдалэ- 'перейти

по бревну (через ручей)'; эй-лэн, эй-лэн 'прорубь', эй-
'окунуть, опустить в воду'; эмкү-лэн 'качели', 'крик', эм-
күлэ- 'качаться (на качелях)', эму- 'качать'; элбэ-лэн
'защитное сооружение', 'изгородь (вокруг чума, палатки)',
элбэ- 'крыть (чум покрывкой)', элбэчив- 'защищаться';
г) названия явлений природы: саңа-лэн 'развилка (раздвоенное
дерево)', саң- 'расщепить дерево'; сиуи-лэн, сит-лэн 'наледь
(весной во время таяния)', 'шуга', нуу- 'греть (о солнце)';
нују-лэн 'водоворот', 'заводь', нују- 'кипеть, вариться', нујул-
'закипеть'; тэми-лэн 'дорога, занесенная снегом', тэми- 'шупать,
ощупывать', нан. тэмэлэ- 'идти на ощупь'; умэ-лэн 'ледоход',
умэн 'ид', умэн- 'идти льду на реке'; д) непредметная лексика:
гирки-лэн 'дружба', гиркилэ- 'дружить', гиркин- 'подружиться';
жууэ-лэн 'перемена чего-л', 'смена (действия)', жууэт-/ч- 'об-
менивать', жууэлэ- 'ид'; һашука-лэн 'охапка', һашукалэ- 'брать
(шепотку, кусочек, горстку)', һасусин- 'ид'; сигди-лэн, сигди-
лэ 'промежуток, расстояние (между какими-либо предметами)', 'се-
редина', 'промежуток времени', 'долина узкая', 'путь', произво-
дящая основа не выявлена; е) названия созвездий: калакача-лэн
'Большая Медведица', калакачан 'котелок'; чакыты-лэн 'Плельди',
'пешеход (герой эпоса)', чакы- 'протоптать тропу'; һэг-лэн, һэг-
гин, һэг-лун 'Большая Медведица', устар. 'лось', ороч. пэуэлэ
'амбар (без крыши)', 'помост (для хранения продуктов)', 'Большая
Медведица', производящая основа не выявлена.

Суффикс -лан выявлен в составе прилагательных, семантика ко-
торых достаточно разнообразна: дав-лэн 'заразный', дав- 'зара-
зить'; тэпти-лэн, тэптин 'острый (топор, нож)', тэпти- 'резать,
пилить, колоть'; ою-лэн 'бережливый', 'соблюдающий запреты,
табу', ою- 'беречь', 'соблюдать запреты'; чата-лэн 'грязный
(о воде в ручье)', чата 'грязь', читаран- 'загрязниться'; һему-
ри-лэн 'окоченевший (о человеке)', 'морозный (о воздухе)', һе-
мур- 'остить, заморозить'; бака-лэн 'находчивый', 'находчивость'
'человек, живущий в достатке', бака- 'найти, добыть'; борй-лэн
'нежадный (досл. склонный поделиться в кем-л.)', борй- 'разде-
лить, отделить'; һэнэ-лэн 'догадливый', һэнэ- 'отгадать (загад-
ку)'; тују-лэн, тују-лун 'гостеприимный', тују- 'угощать'.

Анализ существительных, образованных при помощи суффикса -лан,
позволяет сделать вывод о том, что они обозначают субъект или
объект, который обладает каким-либо статическим качеством, по-
следнее заключено в значении производящей глагольной основы.
Прилагательные с этим суффиксом обозначают подобные статические
качества предметов (чаще лиц) по действиям, к которым они имеют
склонность или способность.

При присоединении суффикса -лан к основам имен существитель-
ных он становится формообразующим показателем. Исследователи
эвенкийского языка рассматривают его как суффикс формы облада-
ния²: ав-лан 'в шапке', авун 'шапка', авла- 'надеть шапку';
жав-лан 'человек в лодке', жав 'лодка-берестянка'; су-лэн 'в
пальто', 'одетый в верхнюю одежду', сун 'пальто', 'верхняя
одежда', нег-сүлэ- 'надеть верхнюю одежду'; ёсапту-лэн 'отчастый,
в очках', 'собака с желтыми пятнами над глазами' ульч. йсаптула-
'надеть очки', эвк. ёсаптур 'очки'; сэлли-лэн 'одетый в кольчу-
гу, панцирь', 'лисица черногрудая (досл. в нагруднике)', сэлли
'кольчуга, панцирь', 'нагрудник', нан. сэлэсүлэ- 'надеть коль-
чугу', сэлэсү 'кольчуга'; унта-лэн 'обутый (в унты)', унта
'обувь, унты', унтала- 'обуться, надеть унты'; олөт-лөн, олө-
чи-лэн 'обутый в короткие унты', олөт, олөчи 'унты (короткие),
олөтлө- 'надеть короткие унты'; усй-лэн 'занузденный', усй 'не-
доуздок', усйлэ- 'надеть на оленя недоуздок' и мн. др.

Образования с суффиксом -лан могут адъективироваться, а за-
тем субстантивироваться: сека-лэн 'рысь', сен 'ухо', сёкән 'серь-
га', 'метка (подвешиваемая к уху оленя)'; чука-лэн 'луг', чука
'травя'; кокча-лэн 'олень с белыми копытами', кокчан 'копыто
(олень, лошади)'; сөнна-лэн, сөнну-нан 'важенка с теленком',
сөннэ 'теленка'; мирэ-лэн 'одежда (мужская, весенняя)', мирэлэ-
'нести на плече'; арка-лэн 'шаманская накидка (покрывающая грудь
и спину)', аркан 'спина', ср. эвк. домбо-лөн 'плащ (шаманский)';
гирги-лэн 'украшение (на спинке детской одежды - в виде бахромы
с металлическими побрикушками)', 'металлическая подвеска', гир-
гивча- 'звенеть (о металлической подвеске)'³ и нек. др.

Следовательно, при присоединении суффикса -лан к именным ос-
новам образуются имена существительные в форме обладания, кото-
рые указывают на то, что кто-либо (реже - что-либо) обладает
предметом, названным в производящей именной основе.

Обратим внимание на существительное гутда-лан 'рост', образованное посредством суффикса -лан от именной основы гутда 'высокий', 'высоко', о прит. аффикс. 'высота'. В дальнейшем, на материале языков кичной группы, будет показана значительная продуктивность подобных образований.

Суффиксу -лан генетически тождествен показателю -нан, возникший в результате дистактной ассимиляции. В современном эвенкийском языке суффикс -нан рассматривается исследователями среди суффиксальных показателей, выражающих отношения между именами существительными. По наблюдениям О. А. Константиновой "имя существительное с аффиксом -нан обозначает лицо, производящее действие совместно с другим лицом, с которым оно, как правило, связано родственными или дружескими отношениями" ⁴; асаткан ани-нан 'девочка с отцом'; хуркэкан эни-нан 'мальчик с матерью'; бэ/э гирки-нан 'мужчина с товарищем' и т.п.

В составе некоторых существительных суффикс -нан стал словообразовательным показателем: сонну-нан, сонна-лан, һонну-нан 'важенка с теленком (букв. с телятником)', сонна 'теленка'; нина-нан ~ ни-нан ~ ни-нан ~ ни-нан, нинавун-нан 'лосиха с лосенком (букв. с лосенком)', нина ~ ни-на, нинавун 'лосенок (годовалый)'; гоһи-нан 'пара (самец и самка)', 'двойня', гоһик 'один из пары (самец или самка - о животных)'; һуру-нан ~ һуру-на 'семья медведей', 'медведица (с медвежатами)', һуру 'семья', 'многодетная женщина'; эһну-нан 'теленка с матерью', эһни 'важенка (отелившаяся на втором году)'.

В составе некоторых существительных суффикс -нан воспринимается как показатель 'множественного или двойственного числа' ⁵ аку-нан 'братья, два брата', гирки-нан 'друзья, два друга', гирки 'товарищ'; омолги-нан 'молодежь', омолги 'юноша'.

К архетипу -ла восходит один из компонентов суффикса -нун < *-мула > *-муна > *-мун > -нун, который служит, как и суффикс -нан, для выражения отношений между именами существительными - "имя существительное с аффиксом -нун обозначает лицо, равноправно с которым производит какое-либо действие другое лицо" ⁶; киран муһнука-нун 'орел с зайцем', этиркэһи һутэ-нун - омолги-нун 'старик с сыном-юношей'.

По своему происхождению суффикс -лан является составным -

его первый компонент (-ла) является суффиксом, образующим глагольные основы ⁷ от именных и глагольных основ - при этом значение производной основы обусловлено значением производящей основы. Второй компонент (-н) является наиболее употребительным словообразовательным суффиксом существительных. Таким образом, исторически образования с суффиксом -лан являются существительными, образованными при помощи суффикса -н от глагольных основ, завершающихся словообразовательным суффиксом глагола -ла.

Отметим, что производящие глагольные основы с суффиксом -ла могли оформляться и другим словообразовательным суффиксом существительных, показателем -нан. Эти формы в современном языке стали выступать как показатели формы обладания -лкан < *-ла-ккан: һутэ-лкан 'имеющий детей, детский', һутэ 'ребенок', һутэлэ 'усиновить'; аһи-лкан 'женатый', аһи 'женщина', аһила 'жениться'.

Выявлены случаи субстантивации глагольных основ с суффиксом -ла: сүһилэ 'шиповник', 'шип (растения)', сүһилэ 'занозить, уколоть шипом', сүһ 'ид'; дэрэлэ 'филин', дэрэ 'морда (животного)', *дэрэлэ 'обладать лицом'; һунулу 'кабарга-самец', һонго 'струя кабарговая, мускус', *һонголо 'обладать мускусом'; һэркэлэ 'веревка, шнур', һэркэ 'связать, завязать', һэркэлэ 'перевязать'; исэлэ 'ящерица', ср. исэв 'расти (о человеке)', эвен. ису 'расти', 'вырастать, увеличиваться'; элбэлэ 'шалаш (односкатный)', элбэ 'крыть', *элбэлэ 'быть крытым'; буркилэ 'больной', буркилэ 'болеть'; бутилэ 'болезнь, смерть', бутилэ 'болеть (тяжело)'; дэктилэ 'крыло (птицы, самолета)', 'перо, оперение', дэх 'лететь' и нек. др.

Думается, что суффикс -ла является одним из компонентов составного суффикса -лак, который вычленяется из состава существительных: Абу-лак 'женское имя', абу 'преждевременно родить (ребенка)', абул 'недоставать, не хватать'; тэну-лак 'вьючий олень', тэну 'нагрузить', тэнулэ 'привезти груз, доставить груз'; гэрой-лак 'теска', орч. гэбблэ 'назвать, наименовать'; урэ-лак 'женское имя', урэл, урэ 'быть похожим на кого-л.', 'что-л.', 'вторить (об эхо)', би-лак ~ би-ла 'место нахождения чего-л.', 'кого-л.', би 'быть, находиться', эвен. бил 'водворяться, поселяться' и нек. др.

2. В солонском языке суффикс *-ла* непродуктивен. Значения существительных с этим суффиксом достаточно разнообразны: *куа-лан* ~ *ку-лан* ~ *хуа-ла* ~ *хуа-лн* 'кан (род теплых нар)', нан., нег. хол 'дымоход (под нарами старинного дома с канами)', ульч. *хōли* 'id'; *урй-ла* 'семья, двор', эвк. *урй-лэн* 'поселок, стойбище', *урй-л* 'останавливаться (при перекочевке на жительство)', *урй-лэ* 'перекочевать на другое стойбище'; *ушй-лэ* 'тесма (которой к юрте прикрепляются покрывки)', эвк. *усй-лэн* 'занузденный', *усй-* 'привязать', 'обуздать (оленя)', *усй-лэ* 'надеть на оленя недоузок, застегнуть ремни'.

Некоторые солонские существительные являются субстантивированными основами с суффиксом *-ла*: *тугушй-лэ* 'зимовка', 'зимник', *тугушй-* 'проводить зиму, зимовать'; *угашй-л* 'летовка, летник', *жугашй-* 'проводить где-л. лето'; *умй-лэ* 'филин', нан. *хумй-лэ*, эвк. *умул*, *умй*, *умил*, *умкэ*, *уму*, *уңул*, *хумкэ*, *хумуки*, *хумэ*, эвн. *умыл* 'id', эвк. *хумкэ* 'кричать (о сове)'; *токо-ла* 'земля (пол в фанзе)', *тохо-ла* 'земляная стена', *туха-л*, *туха-ли*, *туха-ла* 'земля (на улице), глина, грязь', эвк. *тука-ла* 'обмазывать стены глиной, штукатурить' и нек. др.

Анализ существительных солонского языка показывает, что исторически существительные с суффиксом *-ла* образовались при помощи суффикса *-н* от глагольных основ, завершающихся суффиксом *-ла*; существительные с суффиксом *-ла* возникли в результате субстантивации соответствующих глагольных основ.

3. В эвенском языке при помощи суффикса *-лан* от глагольных основ образуются прилагательные, "выражающие высокое качество признака" 8: *ав-лан*, *ав-ла-кан* 'черноголовый (кличка собаки с черным пятном на голове)', *авун* 'шапка (головной убор)', эвк. *авля-* 'надеть шапку', 'носить шапку'; *бакй-лэн* 'находчивый, с прит. аф. 'находчивость'; *гүда-лан* 'высоченный', *гүдэн* 'становиться более высоким'; *тејначи-лэн*, *тејэ-лэн* 'гостеприимный, хлебосольный', *тејэ-ч* 'угощать', *теј-* 'угостить'; *төра-лэн* 'красноречивый, речистый', 'оратор', с прит. аф. 'красноречие', *төра-* 'говорить, выступать'; *усй-лэн* 'окруженный, оцепленный (ремнем)', 'женатый, замужний', 'окружение', 'круг из ремня (который держат люди, окружив оленей)', *ус-* 'держать (ремнем, веревкой)', *усй-ла* 'надевать узду', 'окружить (с помощью рем-

ни)', 'вести за узду'; *авдачи-лэн* 'внимательный', 'заботливый', 'хлопотливый', *авдат-ч* 'обращать внимание', 'заботиться', 'хлопотать'; *бурми-лан* 'седой', *бурми-*, *бурна-ла-* 'сесть, поседеть'; *дирэлчи-лэн* 'гулкий, раскатистый', *дирэлчи-* 'гудеть, греметь, грохотать'; *кејэ-лэн*, *кејэчи-лэн* 'наблюдательный', с прит. аф. 'наблюдательность' и мн. др.

Анализ значений приведенных прилагательных свидетельствует о том, что они указывают на признак, которым обладает тот или иной предмет (лицо), характер признака отражается в производящей основе. Чаще всего эти основы являются глагольными, очень редко именными: *тоса-лан* 'пятно, отметина (на лбу у животных)', 'Белолобый', *тосан* 'украшение на лбу у женщины'; *хэки-лэн* 'крестник', *хэки* 'бог', 'шона', нан. *сэвэкилэ* 'креститься'; *чимнэк-лэн* 'белоногий (кличка оленя, собаки)', *чимнэк* 'лодыжка'; *бег-лан*, *бэга-лэн* 'лунный, светлый', 'лунный свет', *бег* 'луна'; *буг-лан* 'очень жирный', *бурт* 'жирный'.

По наблюдениям В. И. Цинциус, "прилагательные данной группы довольно часто субстантивируются" 9, обозначая при этом: а) человека по его способностям, склонностям: *бэјчи-лэн* 'хороший охотник', *бэјчи-* 'охотиться'; *бујусь-лэн* 'хороший, удачливый охотник', *бујус-* 'охотиться'; *ма-лэн* 'умелый, хороший охотник', *ма-* 'добыть (зверя, рыбу)'; *икэ-лэн* 'певец', *икэ-* 'петь'; *ку-си-лэн* 'отличный боец, хороший воин', *куси-* 'воевать'; *навқа-лэн* 'меткий', 'меткий стрелок', 'снайпер', с прит. аф. 'меткость, искусная стрельба', *навқан-* 'попасть в цель (выстрелом)'; *нинда-лан* 'хороший ездок на собаках', *нинда-* 'ездить на собаках'; *түса-лан* 'хорошо прыгающий', 'прыгун', *түсан-* 'прыгать'; *ули-лэн* 'гребца (умелый)', с прит. аф. 'гребля (искусная)'; *улин-* 'гребти (веслом)'; *хоту-лэн* 'опытный проводник, вождь', *хоту-* 'вести караван, прокладывать дорогу' и мн. др. б) действие, процесс: *айр-лан* 'метание гарпуна', *айрла-* 'бросить гарпун', 'колоть гарпуном'; *ханаң-лэн* с прит. аф. 'искусное рукоделие, шитье'; 'мастерица шить, рукодельница', *ханаң-* 'шить, рукодельничать'; *хә-лэн* с прит. аф. 'знание, знаток, ученый', *хә-* 'знать, уметь, понимать', *хәл-* 'понять, уловить, смекнуть'; *гид-лан* 'метание копья', *гидла-* 'метнуть, вонзить копье, заколоть'; *гидрә-лэн* 'охлаждение, остывание', *гидрәл-* 'охлаждаться'.

остыть'; дирь-лан 'урчание', 'шум моря, плеск волн, волн', 'гул, раскат, гром, грохот, рокот', дирьлчи - 'гудеть, греметь, грохотать'; дурь-лэн 'вспышка, воспламенение', 'легко воспламеняющийся', дурьл - 'загореться, запылать', дур - 'гореть, пылать' и мн. др.; в) звуки, шум: хайу-лэн 'шопот', хайулчи - 'шептать'; кабь-лэн, кабь-лэн 'треск, хруст', 'грохот', кабьл - 'сломать'; каст-лэн 'хрип, хрипение, тяжелое дыхание (при беге - о животных)', кастл - 'хрипеть, тяжело дышать (при беге - о животных)'; кинть-лэн 'звон, брнчание (металлических предметов)', кинть - 'звенеть (о металлических предметах)'; кись-лэн 'скрип, скрипение, треск, тресконня', кисьлчи - 'скрипеть, трещать'; кофь-лэн 'звяканье, брнчание', кофьлчи - 'звякать, брнчать'; куй-лэн 'скрип, хруст (снега под ногами)', куйл - 'скрипеть (о снеге под ногами)'; курь-лэн, курулэн 'жужжание', курул - 'жужжать, шуршать'; кусь-лэн 'шум, свист (ветра, крыльев при полете, при бросании аркана)', 'шуршание (при скоблении шкуры)', кусьлчи - 'шуметь, свистеть (о ветре, о крыльях при полете, о брошенном аркане)' и мн. др. г) животных: наву-лун 'олень-вожак (домашних или диких оленей)', 'олень (передний в караване)', 'олень-манчик', производящая основа не выявлена; кобь-лан 'носик', 'медведь', производящая основа не выявлена; коца-лан 'утка-гоголь', коцлчи - 'брнчать'.

Как и в эвенкийском языке, эвенский суффикс -лан исторически является составн. м. Его первый компонент (-ла), присоединяясь к глагольным (реже к именным) основам образует новые глагольные основы, значения которых обусловлены значением производящей основы. Второй компонент, суффикс -н, является словообразовательным суффиксом имен. Отметим, что в эвенском языке суффикс -ла и в настоящее время является достаточно продуктивным словообразовательным показателем глаголов. Некоторые исследователи считают поэтому, что в составе существительных с суффиксом -лан собственно словообразовательным является лишь компонент -н, а суффикс -ла относят к производящей глагольной основе¹⁰. Думается, что это соображение должно быть приемлемо для тех существительных, которые образованы от глагольных основ, завершающихся глагольным словообразовательным суффиксом -ла.

Генетически тождествен компонент -ла рассматриваемого суффикса элементу -л в составе суффикса -лкан < *-ла + -кан, посредством которого в эвенском языке образуются формы обладания: оро-лкан 'оленный, имеющий оленей', орон 'олень', хутэ-лкан 'имеющий детей', хут 'ребенок'. Названные образования часто адъективируются, поэтому суффикс -лкан обычно рассматривается как словообразовательный суффикс имен прилагательных¹¹. В свою очередь прилагательные с суффиксом -лкан могут подвергаться субстантивации, в подобных случаях суффикс -лкан рассматривается как словообразовательный суффикс существительных¹².

Тот же элемент -ла обнаруживается в составном словообразовательном суффиксе прилагательных -млэн ~ -мл'ан ~ -млэн < *-му + -лан > *-млэн ~ -млэн, где *-му - ассимилированный показатель страдательно-возвратного залога, -ла - известный нам словообразовательный суффикс глагола, -н - словообразовательный суффикс имен: этэргэ-млэн 'муравьиный, изобилующий муравьями (о местности)', этэргэн 'муравей'; этэ-мл'эн 'сальный, засаленный (о одежде)', этэ-лкан 'жирный, сальный', этэ 'жир, сало'; энчи-мл'эн 'болезненный', эн'чи 'боль', 'болезненность'; у'и-мл'эн, у'и-лкан 'раненный', у' 'рана', 'болячка', эвк. ху'ун 'рана', 'болячка', ху'ем - 'покрыться болячками, прыщами'; хирь-млэн, хирь-лкан 'с трещинами, щелями, расщелинами', хир 'трещина, щель, расщелина'; ха'арь-лкан, ха'арь-млэн 'дырявый', ха'ар 'дыра'; урэ'кчэ-лкан, урэ'кчэ-млэн 'гористый', урэ'кчэн 'гора'; хунэл'лкан 'кровяной, кровавый', 'румяный', 'животный мир', хунэл'млэн 'окровавленный', хунэл 'кровь', тэргэ-млэн 'топкий, болотистый'; тэргэн 'топкое место'; тэвт'лкан 'ягодный, с ягодами', тэвт'млэн 'ягодный', тэвт' 'ягода'; та'кь-млэн, та'ка-млэн, та'кь-лкан 'солёный', так 'соль', та'кьм - 'ощущать вкус соленого' и мн. др.

Анализ значений прилагательных с суффиксом -млэн ~ -млэн, -лкан показывает, что эти прилагательные возникли в результате адъективации существительных, оформленных суффиксами обладания.

В эвенском языке известен малопродуктивный словообразовательный суффикс существительных -нун, -нул, который, с нашей точки зрения, восходит к архетипу *-мула > *-нула > *-нуна > *-нун ~ -нул. Примеры с суффиксом -нун, -нул: госи-нун, го'и-нул,

гой-нун 'пара (самец и самка)', гоэй, гоэй 'один из пары (самец или самка - о животных)'; меу-нун 'однолетки, ровесники', меу 'ровесник', 'однолетки, ровесники'; эх-нун, еке-нун 'сестры (старшая и младшая)', экан 'сестра (старшая)'; ак-нун, ако-нун 'братья (старший и младший)', акн 'старший брат', орч. акн-муна 'братья (старший и младший)', нан. ан-молиа 'вместе с братом', аг- ~ ак- ~ ан- с прит. аф. 'старший брат'; не-нун 'двоем с братом (младшим) или сестрой (младшей)', не с прит. аф. 'брат (младший)', 'сестра (младшая)'; нунэл-нун 'родственник', нунэл 'кровь'.

Первый компонент -му реконструируемого суффикса*(-мула) восходит к ассимилированному показателю страдательно-возвратного залога *-бу ~ -ну, второй компонент (-ла) является глагольным словообразовательным суффиксом, "посредством его образуются глагольные основы, значение которых может быть выражено широкой формулой - действовать предметом, употреблять предмет, носить, приносить предмет, от названия которого образована глагольная основа" ¹³.

Элемент -ла, на наш взгляд, содержится и в другом суффиксальном показателе, в суффиксе -нун < *-мула. Компоненты этого составного суффикса *-му и *-ла те же, что и в предшествующем суффиксе -нун < *-мула. Исследователи эвенского языка считают суффикс -нун показателем совместного падежа ¹⁴. Вероятно, уместнее было бы считать этот показатель формой совместности, поскольку в отличие от всех остальных падежных форм эта форма выражает отношения между именами, в то время как остальные падежные формы выражают отношения между именем и глаголом. Кроме того, имена, оформленные показателем формы совместности, могут принимать падежные суффиксы ¹⁵.

4. В негидальском языке при помощи суффикса -лан от глагольных основ образуются существительные, обозначающие лицо, способное выполнять то или иное действие: тавучи-лан 'кузнец', тавут-/ч- 'ковать', омо-лон 'курильщик', 'много курящий', ом- 'курить'; коа-лан ~ кова-лан 'мастер-строгальщик', коа- ~ кова- 'строгать (рубанком)'; денси-лан 'хороший работник', денси- 'работать'; гу-лэн 'мастер говорить', гун- 'говорить'; баула-лэн 'спориш', баула- 'спорить', ули-лэн 'швея-мастерица', ули- 'шить'.

При помощи этого же суффикса от глагольных основ образованы прилагательные: го-ла-лан 'бодливый', го-ла- 'бодаться', го-ла-ла- 'боднуть'; совокто-лон 'хвастливый', 'хвастун', совокто- 'хвастаться', са-лан 'сведущий', 'знаток', са- 'знать'.

От именных основ при помощи суффикса -лан образуются имена в форме обладания, которые обычно адъективируются, а затем субстантивируются: ав-лан, аву-лан 'в шапке', авун 'шапка (головной убор)', авла- 'надеть шапку'; су-лэн 'в пальто', 'одетый в верхнюю одежду', сун 'одежда (верхняя)', сула- 'надеть верхнюю одежду'; чимка-лан 'белоногий (кличка собаки)', чимкан 'мизинец', 'копытце (верхнее височье у оленя, лося, коровы)', ала-ки-лан 'калуга', алахи 'затылок, загривок', 'шея'.

Фонетической разновидностью суффикса -лан является показатель -нан, вычленяемый из состава существительных: эди-нан 'женых', эди 'муж', 'самец (птицы)'; уси-нан 'налобник (лечебный амулет)', уси 'ремень', эвк. усилен 'занузденный', усила- 'затянуть ремень'.

При помощи одного из компонентов (-ла) составного суффикса -лан от основ имен прилагательных иногда образуются имена же прилагательные, указывающие степень проявления качества: нонун-ла 'длинноватый', нонун 'длинный', эвн. ноннаки-ла ~ нонтаки-ла 'удлиненный, продолговатый', ноннаки 'ид', эвн. нонна-л'ан 'очень длинный'; коно-ло бисин 'черноватый, темный', коно-ко-но 'черным-черно'; багда-ла би 'беловатый', багда-ин 'белый', эвк. багда-ла 'белеть'; хола-ла 'красноватый', хола-хола 'очень красный', сол. улалбе < * улала би 'красноватый', ула 'красный', эвк. хула-ла 'краснеть (виднеться - о красных предметах)'.

Негидальский суффикс формы обладания -лан, так же как эвенкийский и эвенский, исторически членим на компоненты -ла и -кан. Имена существительные, оформленные этим суффиксом, часто адъективируются.

5. Эвенкийскому суффиксу -лан в ороцком языке соответствуют непродуктивный, но еще неокончательно омертвевший суффикс -ла, образующий от глагольных основ имена существительные разнообразной семантики. Несколько слов, как и в эвенкийском языке, обозначают человека по его способностям: бэичи-ла 'хороший охотник', бэичи- 'охотиться', таи-ла 'мастер читать или считать', таи-

'читать', 'считать'; имдана-ла 'мастер на все руки, искусный, ловкий человек', производящая основа не выявлена, улч. имдала-нан, имдани- 'делать что-л. ловко, умело, искусно'; соктомо-ла ~ соктому-ла 'пьяный', сокто- 'пьянеть', соктому- 'опьянеть'; существительные с другими значениями: сауку-ла, суку-ла(н) 'север', 'северный', производящая основа не выявлена; пун-ла(н) ~ пун-ла(н) 'юг', 'жаркий ветер', уд. пун'-а-лан-зини 'юг', производящая основа не обнаружена; имти-ла 'жир, сало (которым мажут идола)', имти- 'мазать салом, жиром (идола)', ср. умукс-ла 'намазанный салом', умуксэ 'жир, сало', уму- 'смазать жиром'; кото-ло 'волокуша (из целой сохатиной шкуры)', куту- 'волочить, тащить что-л.'; куну-ла 'резонатор музыкального инструмента (берестяная цилиндрическая коробка или жестяная банка, затянута сверху рыбьей кожей или лосиной замшей)', ср. эвк. коуала- 'эвенеть, брэнчать (колокольчиком)', орч. коугором 'изобр. 'грохоча (о звуке падающих сухих палок)'; оно-ло 'клесть', эвк. оно-ло 'кедровка', 'дятел', оноито 'нос', 'клев', оно- 'рыть снег носом (об олене, собаке)'; хата-ла 'девушка', патапти 'коса', орк. патапа(н-) 'девушка', пата-пти 'коса'; хэу-ла(н-) 'факал (для лущения рыбы)', хэу-ла- 'лущить рыбу', нег. хэу- 'лучить (рыбу)', хэула- 'зажечь бересту'; хонго-ло 'кабарга (самец)', пунгу 'струя кабарговой', 'мускусная железа кабарги'; хаккэ-ла 'ремень, которым привязывают копы к древку', эвк. хэриалэ 'веревка, шнур', хэриэ- 'связать, завязать'.

Этот же суффикс -ла довольно часто используется как формообразовательный суффикс наречий. Наречия, оформленные этим суффиксом, обозначают неполную или усиленную степень проявления признака: лаки-ла 'ближе', 'довольно близко', лаки 'близко, около, рядом', 'скоро, близко (во времени)'; манга-ла 'довольно сильно, посылнее', 'довольно трудно, потруднее', манга 'сильный, могучий', мангала- 'затрудняться, попадать в трудное положение' эвк. манчал- 'окрепнуть'; н'ака-ла 'полегче', н'ака 'легко'; нон'-и-ла, нон'ими-ла 'довольно длинно', 'подлиннее', нон'ими 'длинный', нэг'э-ла 'довольно светло', 'посветлее', нэг'э(н) 'свет', 'светлый', 'светло', сэгди-ла 'побольше (по размеру)', сэгди 'большой (по возрасту, по размеру)'; дэми-ла 'широковато', 'пошире', дэми 'широкий'; ди-лами-ла 'толстовато', 'потолще',

ди-лами 'толстый'; дикту-ла 'толстовато', 'потолще', дикту 'толстый'; сакаи-ла 'черно, чернее', сакаи 'черный'; сунтала 'довольно глубоко, поглубже', сунта 'глубокий'; сэг'э-ла 'красновато', 'краснее', сэг'э(н) 'красный', сэлэ 'красновато', 'краснее' и нек. др..

При присоединении к рассмотренным формам притяжательных суффиксов образуются существительные, обозначающие обобщенное и субстантивное представление о размерах, количестве, весе и т.п.: утгэсилэ- с прит. аф. 'тяжесть, вес', утгэси 'тяжелый', утгэси-ла 'тяжеловато'; эгдилэ- с прит. аф. 'количество чего-л.', эгдилэ 'многовато', 'побольше'; сунтала- с прит. аф. 'глубина чего-л.', сунтала с прит. аф. 'высота', гудда 'высокий', улч. гуддала- 'увеличиваться в высоту'; нон'ила- с прит. аф. 'длина чего-л.', дамила- с прит. аф. 'ширина'; ди-амила- с прит. аф. 'толщина'.

Наконец, образования с суффиксом -ла могут обозначать прилагательные, выражающие различную степень проявления признака, такая возможность достигается при помощи вспомогательного глагола би- 'быть, являться кем-л., чем-л.': лакила би 'близкий, ближний'; мангала би 'довольно сильный', 'посильнее', 'трудноватый', 'потруднее', 'дороговатый', 'подороже'; н'акала би 'тихий, спокойный'; нон'имила би, нон'ила би 'довольно длинный', 'подлиннее'; сэг'элэ би, сэлэ би 'красноватый', 'более красный'; сэгдита би 'довольно большой', 'побольше', 'довольно старый', 'постарше' и т.п..

Анализ существительных, прилагательных и наречий, образованных при помощи суффикса -ла, свидетельствует о том, что этот показатель во всех случаях генетически тождествен и восходит к глагольному словообразовательному суффиксу -ла.

Известно, что в тунгусо-маньчжурских языках глагольные основы субстантивируются крайне редко, чаще к этим основам присоединяются словообразовательные суффиксы существительных — такой способ образования существительных наиболее обычен. Вероятно, таким способом были образованы и орошские существительные с суффиксом -ла, об этом свидетельствуют немногочисленные существительные в составе которых конечный (н) восстанавливается при присоединении некоторых суффиксов: хэу-ла(н) 'факал', сукула(н) 'север',

пэу-ла(н) 'лабаз', пунэ-ла(н) 'иг'. Это подтверждают и аналогичные существительные с суффиксом -лан эвенского, эвенкийского и негидальского языков.

Что касается наречий с суффиксом -ла, то они несомненно возникли в результате адвербиализации соответствующих глагольных основ с тем же суффиксом. Подобный путь образования наречий довольно обычен для тунгусо-маньчжурских языков. Таким образом, рассмотренные наречия возникли в результате адвербиализации глагольных основ, оформленных словообразовательным суффиксом -ла: ульч. нолми 'длинный' → нолмила- 'удлинить' → нолмила 'длинновато' → нолмила би 'длинноватый', нолмила- с прит. афр. 'длина'; эвн. накарин 'темный, черный, бурый' → накарил- < *накарила- 'темнеть, чернеть', накарилась- 'затемнеть, зачернеть' и т.п. Учитывая, что наречия служат для обозначения признаков действия и качеств, то есть обычно выступают в едином словосочетании с глагольным словом и составляют как бы аналитическую конструкцию, нетрудно объяснить и механизм адъективации. При адъективации словоизменительные суффиксы глагольной основы "перемещаются" на вспомогательный глагол или на глагол, признак которого обозначается. Напомним, что для субстантивации глагольных основ с суффиксом -ла достаточно присоединения к ним притяжательных суффиксов, а последними могут быть оформлены лишь имена существительные.

Думается, что не лишено оснований предположение о том, что известный во всех тунгусо-маньчжурских языках (кроме маньчжурского) суффикс местного падежа -ла также генетически тождествен с рассматриваемым нами суффиксом. Об этом свидетельствуют некоторые формы послелогов и пространственных наречий в этих языках. Возможно, что достаточно глубокий их анализ подтвердит нашу гипотезу.

Исторически члэним показатель формы совместности орочского языка -муна ~ -мунэ¹⁶ *-мулэ, где -му залоговый показатель, а -ла - словообразовательный суффикс глагола. Следовательно, современные образования с суффиксом -муна ~ -мунэ являются по происхождению субстантивированными глагольными основами. Приведем примеры с формой совместности: аки-муна 'вдвоем со старшим братом', аки обрац. 'старший брат'; инаки-муна 'вдвоем с

собакой', инаки 'собака' и т.п. В современном языке суффикс -муна ~ -мунэ является словоизменительным суффиксом существительных. Иногда наблюдается переход этого суффикса в начало словообразовательных: эли-муна 'жена о мужем', эли 'самец', с прит. афр. 'муж', аки-муна 'братья (старший и младший)', аки обрац. 'старший брат'; нэу-мунэ-ккэ 'только сестра с братом', эку 'младший брат, младшая сестра', -ккэ - ограничительная форма, ср. словоизменительную форму нэу-мунэ 'кто-л. с младшим братом или с младшей сестрой'.

6. В составе существительных удэгейского языка суффикс -ла является непродуктивным, но достаточно легко вычленивается. От глагольных основ с помощью этого суффикса образованы существительные самой разнообразной семантики: јахэ-ла 'певец', јахэ-пэть; дэгдэгтэ-ла 'тот, кто может держаться на ногах, выдерживать тяжесть', дэгдэ- 'поднимать, выдерживать тяжесть'; ги-до-ло, гиндоу-ла 'стрекоча', гичала- 'метнуть, вонзить копьё', ма^{вз}-ла 'школа (из целой кеты, то есть из двух половинок)', ма^{вз}-ла 'полный (о крутящихся предметах)', глагольная основа не выявлена; нанда-ла 'кредит, аванс', нанда- 'взять в долг, в кредит', н'у^а-ла 'попытка', ср. эвк. ју-ктэ, ју-ктэ, н'у-ктэ 'id', ју-, ју-, н'у- 'выйти, вылезти, выбраться', уд. н'у- 'id'; сам-ба-ла 'перчатки', самба- 'растопырить (пальцы)'; сү-ла < *сину-ла 'палка (для наизывания рыбы при сушке)', нег. сивла- 'наизывать что-л. (на петку, веревку, палку)', орч. сиви- 'id'; сэудэ-ла 'флаг', нег. сэвдэлэ- 'завесить (со всех сторон)', ульч. сэудэ(н)- 'пиновка', 'занавес (на окне)'; тиги-ла 'завал (деревьев в горах)', тигма-, тигмэлэ- 'падать', тугбу- 'валить'; лафу-ла, лафу-ла 'крупный снег', лафи- 'идти (о крупном, мокром снеге весной)'.

Как и в других тунгусо-маньчжурских языках удэгейские существительные с суффиксом -ла появились в результате субстантивации соответствующих глагольных основ. Этот же суффикс находим в составе глагольных основ, входящих в аналитические конструкции: ага-ла-и нй 'обманщик', агала- 'обманывать', орч. агтала-, ульч. аргала- 'id'; андаму-ла би 'быть друзьями', 'иметь любовную связь', анда 'друг', 'любовник, любовница', јамау-ла би- 'приходиться друг другу кровными родственниками', јамаси- 'id',

жа 'родственники (кровные)', 'родня, близкие', эвк. жа́ла- 'породниться'; ин'эму-ла одо-, ин'эму- 'улыбаться', инэ- 'смеяться'; жа́те-ла паки ни 'жестяник', жа́те < кит. 'посуда (металлическая)', 'жестяная банка', 'глагольная основа не выявлена; хаму-ла би, хаму-на би 'приходиться родными (братьями или сестрами)', ха 'родной (брат, сестра)', эвн. ханьлат-/ч- 'иметь кровных родственников, быть в родственных связях с кем-л.', ханьлкан би- 'иметь родственников'; нимэнкэму-ла би- 'жить соседями', нимэнкэ 'сосед'; мо-ло паки 'столяр', мо-ло- 'идти за дровами'.

Приведенные примеры подтверждают концепцию о том, что суффикс -ла исторически является словообразовательным суффиксом глагола. Кроме того, подтверждается наш вывод о происхождении формы совместности удгейского и других тунгусо-маньчжурских языков из *-мула > -муна > *-мун > -нун, где -му- ассимилированный показатель страдательного залога (-бу ~ -ву), а -ла- глагольный словообразовательный суффикс.

От основ имен прилагательных в удгейском языке образуются существительные, обозначающие обобщенное и субстантивное представление о размерах, количестве, весе. По справедливому замечанию О. П. Суника, эти существительные явились результатом конверсии, то есть субстантивации, но не прилагательных, как считает исследователь, а глагольных основ. Проявлением этой субстантивации является оформление этих существительных притяжательными суффиксами, которыми, как известно, могут быть оформлены лишь имена существительные¹⁷: гуддала- с прит. аф. 'высота', гутда 'высокий', 'высоко', ульч. гуддала- 'увеличиваться в высоту'; ваньла- с прит. аф. 'длина', ваньми 'длинный', ульч. налмила- 'удлинять', нолми ~ волми 'длинный'; уга́нла- с прит. аф. 'тяжесть, вес', уга́н 'тяжелый, тяжело', ма. у́гала- 'нагружать, отягощать', у́гэн 'тяжелый'; эгдилэ-, эгди- с прит. аф. 'множество', эгди 'много', эвк. нэгдилэ- 'подрасти', нэгдил- 'увеличиться в размере', 'расти (о человеке)', нэгди 'большой', 'много' и мн. др. Образование подобного рода существительных посредством конверсии довольно обычное явление в удгейском языке.

Эти же глагольные формы могут адъективироваться: сагдила 'большущий, огромный', с прит. аф. 'величина', сагди 'большой', *сагдила- 'становиться большим'; нэптэ-ла 'плоский', нэптем биз 'плоско'; н'о-ло 'зеленоватый, синеватый, голубоватый', н'олго 'голубой, синий, зеленый', *н'оло- 'зеленеть, синеть', 'становиться голубым'.

7. В ульском языке суффикс -ла является непродуктивным, но, тем не менее, достаточно свободно вычленяется из состава существительных, образованных от соответствующих глагольных основ¹⁸. Значения существительных с суффиксом -ла довольно разнообразны: бэ́чи-ла 'охотник (удачливый)', бэ́чи- 'охотиться', 'подкрадываться к зверю'; бута-ла 'рыбак (удачливый)', бута- 'охотиться', 'рыбачить', ср. ма. бутара н'алма 'охотник (букв. охотящийся человек)', бута- 'охотиться'; лабу-ла 'обжора, жадина', 'ненасытный', габа-ла 'ненасытный', габала- 'жадничать', ср. га- 'покупать, приобретать', эвк. га- 'брать', 'получить'; а́си-ла(н-) 'выкуп', а́сила- 'награждать, благодарить'; а́га-ла 'отверстие', эвк. а́га 'пасть (зверя)', 'щель', а́га- 'разинуть (пасть)'; ва́чи-ла 'бrehливая собака', ва́чи- 'лаять'; ха́пту-ла, ха́пту 'тряпка', 'покрывало (для лица)', ха́ву- ~ ха́у- 'вытирать', 'мыть'; се́пту-ла 'название кушанья (из вареной рыбы, в виде паштета)', се́- 'жевать' и нек. др.

От именных основ при помощи суффикса -ла образуются наречия (реже прилагательные), выражающие неполную или усиленную степень проявления признака: наречия - до́ла 'тихо, бесшумно', до́ 'нустро, внутренность'; гу́э-ла 'жалко', 'жалкий, несчастный', эвк. гу́а 'красивый', ульч. гу́элэ- 'пожалеть, простить'; жа́с-ла 'поплотнее', жа́с 'плотно'; ила́мукта-ла 'стыдновато', орч., нан. иламо/у 'стыдно'; н'ав́а-ла 'помоложе', н'ав́а(н-) 'молодой'; н'ама-ла 'теповато', н'ама 'тепло', 'теплый'; орки́-ла 'плоховато', орки́кта-ла 'плохо', орки́(н-) 'плохой', 'плохо'; эрке́-ла 'замедленно', эрке́ 'медленно'; прилагательные - иса́ди-ла 'плохой', иса́ди 'недостаточно, неважно', иса́ди би- 'болеть, недомогать'; ко́нго-ло 'глуховатый', ко́нго 'глухой', нэ́лэпсикта́-ла 'страшноватый', 'страшновато', нэ́лэпси 'страшный'; а́акта-ла 'сердитый', а́акта 'сердитый, злой' с прит. аф. 'злость, злоба'. Более употребительный способ образования прилагательных - использование служеб-

ного глагольного слова би- в сочетании с именем: н'ог'о-ло би 'зеленоватый, синеватый, голубоватый', н'ог'о(н-) 'зеленый, синий, голубой'; сагди-ла би 'староватый, пожилой', сагди 'старый, пожилой'; нэктэ-ла би 'низковатый', нэктэ-лэ 'низковато', нэктэ 'низкий', 'низина'; бучула би 'неспелый', нан. бочо 'id'; лут-лу-ла би 'густоватый', лутду би 'густой', лутду 'густо'; н'ама-ла би 'теповатый', н'ама-ла 'теповато', н'ама 'тепло', 'теплый' и нек. др..

Немногочисленные случаи образования существительных, обозначающих обобщенное и субстантивное представление о количестве, размерах; обычно эти существительные образованы от основ качественных прилагательных: гутдала - с прит. аф. 'высота', гутда 'высокий', гутдала би 'высоковатый'; долмилла - с прит. аф. 'длина', долмила би 'длинноватый', долми 'длинный'; эгдилэ - с прит. аф. 'количество', 'величина чего-л.', эгди 'много'; куззула - с прит. аф. 'тяжесть'.

Так же как и в других тунгусо-маньчжурских языках, образования с суффиксом -ла в ульчском языке исторически восходят к глагольным основам, завершающимся словообразовательным суффиксом -ла. При оформлении этих основ притяжательными суффиксами они конвертируются.

8. В орокском языке суффикс -ла является непродуктивным. С его помощью в орокском языке от глагольных основ образованы существительные, обозначающие: а) названия лиц по их склонностям: галпа-ла 'меткий стрелок', галпа- 'стрелять из лука'; тукса-ла 'бегун', тукса- 'соревноваться в беге (на оленьих нартах)'; са-ла(н-), са-ла-нга 'сведущий', 'знаток', са- 'знать, уметь, понимать'; дэшту-ла 'обжора', дэшту-/э- 'питаться, есть', таву-ла ~ тау-ла 'мастер читать, считать', тавун- ~ таун- 'читать', 'считать'; гевли-ла ~ геули-ла 'гребет', 'мастер', гевули- ~ геули- 'гребти'; ја/а-ла 'певец', ја/а-/е- 'петь'; којочи-ла 'свистун', којочи- 'свистеть, щебетать'; куччу-ла 'сосунок', куччу- 'сосать (грудь)'; ното-ло 'борец', ното- 'бороться'; пулахи-ла 'крикун', пулахи- 'кричать', сор-ла 'драчун', сор- 'драться'; б) названия животных по их наиболее характерным действиям: гйда-ла 'стрекоза', гйда-ла- 'метнуть, вонзить копыце'; конто-ло 'утка-крохаль', конгил-конгил 'крик утки-крохали', нег. кофор-кофор

'id', каббе-ла ~ кабе-ла ~ капбе-ла 'куропатка', каббек-оак-оак изобр. подражание крику куропатки; эвн. каб-каб 'id', каб-в- 'кричать (о куропатке)'; уда-ла ~ уда-л 'лягушка', эвн. уд-ид- 'начаться дождю', ср. уд-л-кан 'дождливый'; в) непредметную лексику: мэтэ-лэ 'развод', мэтэ- 'кинуть камнем' мэтэлэ- 'бросить, выбросить, столкнуть', 'разводиться', тав-лу 'пожар', та-ва 'огонь', 'очаг', нан. таву- 'зажечь'.

Этот же суффикс оформляет отглагольные прилагательные, 'указывающие на особую способность человека или животного к действию, выраженному глагольной основой: 19 акса-ла 'общительный', акса- 'общаться', ма. ахпула- 'ругать'; долзи-ла 'хорошо слышащий', долзи- 'слышать', 'услышать'; лэдэ-лэ 'говорливый, разговорчивый', лэдэ- 'говорить, разговаривать (беспрестанно)'; окто-лу 'лечебный', октов- 'наложить повязку', ма. октоло- 'принимать лекарство, лечиться'; омго-ло, омго-ло-нго 'забычивший', омго- 'забыть'; пуз-лу 'раненный', пу/э- 'рана', нан. фулэ- 'ранить', 'быть раненным'; сйлтэ-лэ 'занозистый', сйлтэ 'заноза', ульч. ситтэлэ- 'занозить', эвн. сип- 'id'; таада-ла 'увертливый', таада- 'увертываться'.

Этот же суффикс обнаруживается в составе страдательных или пассивных причастий прошедшего времени с показателем -пула не *бутила > *була > *пула > *пула, где *бу- показатель страдательного залога, *ти- показатель прошедшего времени; -ла - словообразовательный суффикс глагола. Рассматриваемые орокские причастия нередко адъективируются, а затем могут и субстантивироваться: алипула 'усталый', али- 'уставать'; хахта-пула 'кастрированный', хахта- 'кастрировать'; гу/пула ~ гуи-пула 'крытый, покрытый', гу/ ~ гуи- 'крыть крышу'; хосила-пула 'оцарапанный', 'царапина', хоси- 'оцарапать', эвн. оситла < *осита-ла 'id'; га-пула 'покупка', га- 'брать', 'покупать', ср. нег. га-пла 'id'; уле-пула 'вареная рыба, вареное мясо', уле- 'варить', пэшку-пула 'крышки', 'мелочь', пэшку- 'толочь'; катара-пула 'обмотка', катара- 'связать, перевязать' и нек. др.

При присоединении суффикса -ла к именным основам образуются наречия, которые указывают на то, что 'качественный признак имеется в предмете в ослабленном виде, неполностью, частично' 20; орки-ла 'плоховато', орки(н-) 'плохой', 'плохо'; маугала 'труд-

новато', манга 'крепкий, твердый', 'трудно'; горо-ло 'далеко, вдали, дальше', горо 'далеко', 'долго и т.п.

Если подобные образования оформлены притяжательным суффиксом, то они субстантивизируются и служат для обозначения меры, расстояния, веса и т.п.: гурдала- с прит. аф. 'высота', гурда 'высокий'; нонила- с прит. аф. 'длина', нон'им 'длинный'; дул-лэ с прит. аф. 'перед', 'передняя часть', 'передняя сторона чего-л.', эвк. зулэ 'перед'.

Этот же суффикс -ла образует существительные - названия меры: зининги-лэ, зининги 'мера длины (равная ширине четырех пальцев)', ин 'четыре'; дунинги-лэ, дунинги 'мера длины (шириной в два пальца)', дү 'два', дунни 'двое, вдвоем'; иланинги-ла, иланинги 'мера измерения (равная ширине трех пальцев)', ила(н-) 'три'; пана-ла 'мера длины (ширина ладони у основания до кончика большого пальца)', пана ~ пан'а 'ладонь', эвк. панна 'ид', нег. хан-на-ла 'мера длины (в четыре пальца)' хан'на 'ладонь', 'горсть'.

Если образования с суффиксом -ла входят в состав аналитической конструкции со вспомогательным глаголом би, то эти образования адъективизируются, обозначая неполный или усиленный признак: сэгдэ-лэ би 'красноватый', сэгдэ(н-) 'красный'; тагда-лэ би 'беловатый', тагда 'белый'; сари-лэ би 'зеленоватый', сари 'черный'; мэнгури-лэ би 'коричневатый', мэнгури 'коричневый'; нэктэ-лэ би 'низковатый', нэктэ 'низкий'.

Суффикс -ла является одним из компонентов исторически членящего показателя -муна ~ -муне < *-мула ~ -мулэ. Этот суффикс является показателем формы совместности и относится к числу морфем релятивного формообразования. Ошибочно мнение Т. И. Петровой о том, что этот суффикс относится к частицам, ведь общеизвестно, что частицы не могут выражать отношений между именами, между тем, орокский суффикс -муна ~ -муне выполняет эту функцию: мапа маману-муна 'старик со старухой', нари боюну-муна 'человек с медведем', мама путтэмуна 'женщина с сыном' и т. п.

В орокском языке некоторые образования с суффиксом -муна субстантивизировались: аси-муна 'супруги', 'пара (самец и самка)', аси 'женщина' с прит. аф. 'жена'; неуу-муне-сал 'братья и сестры (младшие) вместе', нэв ~ неу 'брат (младший)', 'сестра (младшая)', 'младший, младшая'; э/уэ-муне-сал 'братья и сестры (старшие)', 'э/уэ 'брат и сестра'; тува-муна-сал, тува-муне 'двоюродные братья, сестры', нег. тувен 'двоюродные (братья, сестры - дети двух сестер)'; таимуна 'родственники', эвк. та < як 'родственник (близкий)', 'племянник'.

Анализ вышеприведенных примеров свидетельствует о том, что в первом примере словоизменительный суффикс -муна выступает в функции словообразовательного, в остальных примерах он, наряду с суффиксом множественного числа -сал, выступает в функции показателя множественного числа.

Фонетической разновидностью суффикса -ла является один из компонентов составного суффикса -вна ~ -уна < *-нула, вычлененный из состава прилагательных: гудакта-вна, гузакта-уна 'бородатый', 'усатый', гудакта ~ гузакта 'борода, усы', эвк. горгата-млан 'бородатый', 'усатый', горгат 'борода', 'усы'; јата-вна 'грудной ребенок', јата 'выделения при родах'; н'уксуна ~ нукса-уне 'испачканный сажей', н'уксе ~ нуксе 'сажа', нуксе ~ н'уксе 'испачкаться сажей'; синакта-вна 'шерстистый, мохнатый', синакта 'волос, шерсть'. В представленных примерах суффикс -вна ~ -уна генетически тождествен суффиксу -муна < *-мула. Оба суффикса являются составными: их первый компонент является показателем возвратно-страдательного залога, а второй (-на < *-ла) восходит к рассматриваемому нами словообразовательному суффиксу. Вероятно и орокский суффикс совместного падежа -ндо, -нду генетически тождествен форме совместности эвенкийского (-нун) и эвенского (-н'ун) языков, которая, как уже упоминалось, восходит к *-мула/-мулэ.

Остается отметить, что все рассмотренные образования с суффиксом -ла восходят к глагольным основам, завершающимся словообразовательным суффиксом -ла. Эти основы могли субстантивизироваться, адъективизироваться или подвергаться адвербомализации - иными словами - глагольная основа с суффиксом -ла является конверсивной.

9. В нанайском языке суффикс -ла обнаруживается в составе наречий, указывающих на неполную или усиленную степень проявления признака: баја-ла 'побогаче', баја 'богатый', 'богат' с прит. аф. 'богатство'; ульч. бајала 'обогащаться'; гвалл 'светлее', гвалл 'светлый, белесый'; горо-ло 'далеко, вдали',

'долго', горо 'далеко', 'долго', 'далекий, долгий', 'даль'; дуп-силэ 'мутновато', 'пришурясь', ульч. дупси 'тускло, мутно', нан. дупси и "id"; жа-ла 'полегче', жа 'легкий', 'легко'; жи-ла 'близко, поблизости, вблизи, ближе, неподалеку, недалеко', жи-а 'близко, рядом', 'близкий'; жо-ла 'легче, полегче', 'лучше, получше', 'вежливее, повежливее', жо 'польза', 'легко, хорошо', жа-ла 'побистрее', жа 'быстрый' и др.

Этот же суффикс является одним из компонентов ныне неразложимого показателя -ктала, которым оформлены наречия: холгомо-ктала, холгомо 'сухо (во рту)', холго 'сухой'; миари-ктала 'ярко, ослепительно', миари 'яркий, ослепительный', 'ярко, ослепительно'; мон-ж-ктала 'неудобно, неловко', 'неудобный, неловкий', мони "id"; нон-ж-ктала 'холодно, зябко', нон-ж 'холод', 'холодный (о погоде)'; орки-ктала 'плохо, неудобно, неловко', орки 'плохой', 'плохо', 'вина'; орки-ла 'плоховато' и мн. др.

Нередки случаи адъективации форм с суффиксом -ла и -ктала: осо-ктала ~ оно-ктала ~ ону-ктала 'горячий', очоси 'горячий', опо-оно-по 'горячо' (предостережение детям); гочи-ктала, го-си-ктала 'горький', 'горько', гочи "id"; гу-и-ла-ктала, гу-и-ла 'жалкий, несчастный', 'жалко', 'бедняжка', гу-и-си- 'жалеть, падать, прощать'; жори-ктала, жуси-ктала 'кислый, терпкий', эвк. жеррипчу 'кислый, горький', с прит. аф. 'кислота', 'горечь'; мо-ла 'извилистый', мо-ла (н-) 'изгиб, излучина реки', 'конец чего-л.'

При оформлении образований с суффиксом -ла притяжательными суффиксами они субстантивизируются, обозначая "обобщенное и субстантивное представление о размере, количестве, весе" ²³: го-да-ла 'высота', го-да 'высокий'; жа-ла 'скорость', жа 'быстрый', жа-ла 'побистрее'; тур-га-ла 'быстрота, скорость', тур-га 'быстрый, скорый', 'быстро, скоро', тур-га-ла 'побистрее'; ху-га-ла 'тяжесть, вес', ху-га 'тяжелый', 'тяжело', с прит. аф. 'тяжесть'; эг-и-ла 'количество', эг-и 'много', эг-и-ла 'многовато'; со-та-ла 'глубина', со-та 'глубокий', 'глубоко', с прит. аф. 'глубина', со-та-ла 'глубоковато' и нек. др.

В составе аналитической конструкции со вспомогательным глаголом би образования с суффиксом -ла выступают в качестве при-

лагательных, выражающих ослабленную или усиленную степень качества: со-го-ла би 'желтоватый', со-го 'желтый', со-ла би 'желтоватый', со-ла 'желтовато'; са-га-ла би 'красноватый', са-га 'красный'; ча-га-ла би 'беловатый', ча-ла би 'беловатый, светлый', ча-га 'белый'; ку-ри-ла би 'сероватый', ку-ри 'серый'; са-хари-ла би 'черноватый', 'темный', 'смутный', 'загорелый', са-хари 'черный', 'темный'; ам-та-ла би 'вкусный, сладковатый', ам-та-сила би "id", ам-та 'вкусно, сладко', 'вкус'; го-ро-ла би 'далекий, отдаленный', го-ро-ла 'далеко, вдаль', 'долго', го-ро 'далеко', 'долго', 'далекий', 'долгий', 'даль'; го-чи-ла би 'горьковатый', го-чи 'горький'; ко-н-го-ла би 'глуховатый', ко-н-го 'глухой' и мн. др.

В состав аналитической конструкции могут входить два образования с суффиксом -ла: са-хари-ла — ку-ри-ла би 'темно-серый'; пэ-ка-ла — са-ла би 'темно-красный'; со-ла — оа-ла би 'оранжевый', 'желто-красный'; ча-ла — ку-ри-ла би 'светло-серый'; ном-и — ча-ла би 'зеленовато-белый', ном-и изобр. 'все более и более зелено', ном изобр. 'зелено', ном-и 'зеленый'.

По своему происхождению образования с суффиксом -ла являются глагольными основами. По наблюдениям В. А. Аврорина, "суффикс -ла является наиболее продуктивным из всех суффиксов глагольного словообразования. Он образует глагольные основы от имен существительных, а также от небольшого числа имен прилагательных..." ²⁴ Эти глагольные основы могут конверсироваться. Без какого-либо дополнительного оформления они адвербиализируются, при оформлении притяжательными суффиксами — субстантивизируются, в составе аналитической конструкции со вспомогательным глаголом би адъективируются. При присоединении к этим основам словообразовательных суффиксов существительных образуются существительные с производящей глагольной основой, например; в бикинском (уссурийском) диалекте: алоси-ла-н-га 'учитель', 'человек, обладающий даром хорошо объяснять', алоси- 'учить, объяснять, советовать'; жари-ла-н-га, жари-н-га 'певец', жари-, жари-ла- 'петь', жари(н-) 'песня', жори-ла-н-га 'стрелок', жори-ла- 'стрелять, попадать в цель', жори- 'прицелиться', ма. жорин, нан жори-го/у 'прицел'; ку-и-ла-н-га 'музыкант', ку-и-, ку-и-ла- 'играть', ку-и(н) 'игра'; сори-ла-н-га 'драчун, забияка', сори-ла-го/у 'драч-

ливый, задиристый', сорйла- 'драться', сорй 'битва'; уилэ-нга 'старательный, трудолюбивый', 'умелец', уилэ-, уилэлэ- 'работать, трудиться, обрабатывать, выделывать (шкуру)', 'создавать, творить (выполнять сложную работу, требующую большого мастерства)', ср. эвк. йлэн 'мастер по выделке шкур', й- 'мать, разминать, обрабатывать (шкуру)', нан. уи- 'ид'; факсыла-нга 'мастер, мастерица', факсий-, факсыла- 'мастерить', факсий 'мастер' и нек. др..²⁵

Из состава некоторых нанайских существительных вычленяется омертвевший, непродуктивный суффикс -ла, иногда -ла(н-): кусу-лэ 'труд', кусу 'сила', кусула- 'прилагать силу (в работе) 'трудиться'; чанга-ла 'песня (русская)', чангала- 'петь песню (русскую)', ма. чанга 'литавра'; пйо-ла(н-) 'береста (зажженная)', 'пучок лучок зажженный', 'факел', пйола- 'лучить рыбу', ср. нан. пйа 'береза', ма. фа 'береста', фа моо 'береза'; хэркэ-лэ 'ремень', хэркэ- 'привязать, замотать что-л.', хэркэ 'узел'; сйлкопто-ла 'обмывки, ополоски, помой', сйлко- 'вымыть, выполоскать', 'выстирать', *сйлкопто/у- 'быть вымытым' и нек. др.

Суффикс -ла является одним из компонентов ныне нечленимого суффикса -молия/-мулия < *-мула. В современном языке суффикс -молия/-мулия может выступать в качестве словообразовательного суффикса, с помощью которого "от существительных, образующих родственные и подобные им близкие отношения между людьми образуются новые существительные, обозначающие пару (реже - большее число) совместно живущих лиц, связанных между собой тем, что одно из них находится в соответствующем корневому значению этого существительного родств. по отношению к другому или же оба находятся в одинаковых отношениях друг к другу"²⁶; асий-молия 'супруг', 'муж и жена, живущие вдвоем', асий 'женский пол', 'самка животного', с прит. аф. 'жена', эйи-мулия 'супруги', 'жена с мужем, живущие вдвоем', эйи 'муж'; хория-молия 'две жены одного мужчины', хория 'жена (одного мужа, старшая по отношению к его младшей жене)'; асий-молий 'сын или дочь с отцом, живущие вдвоем', асийн- с прит. аф. 'отец' и нек. др..

Этот же суффикс может использоваться для выражения множественности: андар-молия 'друзья', андар с прит. аф. 'друг'.

Наконец, этот же показатель может выступать в качестве словоизменительного суффикса: андар-молия 'вместе с другом', асий-молия 'с отцом', асийн-молия 'вместе с братом', асийн- с прит. аф. 'старший брат' и т.п..

Исторически формы с суффиксом -молия/-мулия являются страдательными глагольными основами, где -му является ассимилированным показателем страдательного залога, -лия/-лия < *-ла - продуктивным словообразовательным суффиксом глагола²⁷. Значения таких основ, предположительно, было следующее: быть обладателем чего-либо, кого-либо, приходиться кем-либо кому-либо. С течением времени образования с суффиксом -молия субстантивировались, а суффикс -молия стал формоизменительным показателем, образуя форму совместности соответствующих имен. Наконец, характер значений некоторых существительных делает возможным превращение словоизменительного суффикса в словообразовательный: эйи-мулия- 'быть обладателем мужа' - *-с мужем' - 'супруги'.

10. В маньчжурском языке суффикс -ла непродуктивен, обнаруживается в составе существительных: асий-ла 'самец птиц', асий 'отец'; асий-ла 'самка птицы', асий 'мать'; асий-ла 'семейство, домохозяин', 'счетное слово для людей (в семействе или местности)', асий 'рот, уста'; гунгу-лу 'хохол (у птицы)', гунгу 'затылок', 'бутор (затылочный)'; гэнчэхэ-лэ 'закраины дороги', гэнчэхэ 'край, полоса', 'грань', 'обух'; ийта-ла 'пух, мелкие перья', 'название птички', ийта 'ивовые барашки', сэйтэ-лэ 'гребень (у петуха)', 'жабры', 'язычок, сторожок (у ловушки)', 'клапан (у флейты)', ср. нан. сэйтэ 'красный', сэйтэ ой 'красноватый', сэйтэ 'красно', ма. сэйтэ 'кровь'; фунта-ла 'перо (крупное)', фунтахан 'перо (мелкое)', фунтада- 'оперяться'; шунку-лу 'эспаньолка (клочек волос под нижней губой)', шунку 'ямочка (под нижней губой)'.

Суффикс -ла является одним из компонентов исторически членимых суффиксов наречий -нгала < *-нга + -ла и -тала < *-та ~ -да + -ла²⁸. И те, и другие наречия возникли в результате адвербиализации соответствующих глагольных основ: афа-нга-ла 'до схватки', 'прежде, ранее других', афа- 'нападать, сражаться'; тучи-нгала 'перед выходом, до начала', тучи- 'выходить', тучин 'выход'; бучэ-тэла 'до смерти, насмерть', 'отчаянно', бучэ-

'умирать'; вабу-тала 'до смерти', 'очень, весьма, чрезвычайно', вабу- 'быть убитым', ва- 'убить кого-л.'; жалу-тала 'дополна, доверха, вполне' жалу- 'наполнять', 'наполняться'; иси-тала 'до ...', 'почти, около', 'даже', иси- 'дойти, доехать', 'хватать', 'быть достаточным'; ям-и-тала 'до вечера', 'до сумерек', ям-и- 'смеркаться, вечереть'; манатала 'до конца', мана- 'кончаться, приходить к концу'; мохо-толо 'до конца, до последней крайности', мохо- 'кончаться, доходить до предела'; никэ-тэлэ 'до соприкосновения, до опоры, до причала судна', никэ- 'прикасаться к чему-л.', 'упираться во что-л.', 'причаливать (о судне)', никэтэ 'опора, подкрепление', соро-доло ~ соро-толо 'до желтизны', соро- 'желтеть, блекнуть' и мн. др.

Можно предположить, что маньчжурский суффикс -тала ~ -дала восходит к архетипу *-бутала > *-отала > -тала ~ -дала, где компонент -бу является показателем страдательного залога, -та - показателем прошедшего времени, -ла - словообразовательным суффиксом глагола. То, что суффикс -ла следует после показателя залога и времени, можно объяснить тем, что он присоединялся к субстантивированной основе, то есть урху-тэлэ 'до заката солнца', урху- 'закатываться (о солнце)' *урхутэ < *урхубутэ 'быть закатывшимся (о солнце)', 'закат (солнца)'.

Составным является и показатель -н-тала < *-н-та + -ла. Компонент -н-та является широко известным субстантивирующим показателем²⁹, -ла - словообразовательный суффикс глаголов: афа-н-тала 'до схватки', афа- 'нападать', 'сражаться', афанга 'схватка'.

Таким образом, исторически рассматриваемые маньчжурские наречия с суффиксами -н-тала и -тала ~ -дала возникли в результате адвербиализации глагольных основ, образованных посредством суффикса -ла от соответствующих имен.

Попутно отметим, что образования с суффиксом -дала, -тала, -чала известны и в других тунгусо-маньчжурских языках.

Исследователи эвенкийского языка формы с суффиксом -дала считают деепричастиями последующими, а с суффиксом -чала - деепричастиями предшествующими³⁰. Так же интерпретируются эти формы в негидальском языке³¹, в эвенском языке образования с суффиксом -дла относятся к числу деепричастий - следующего действия³². Поскольку эти "деепричастия" могут принимать притяжа-

тельное оформление, то они именуются притяжательными деепричастиями.

В языках южной группы формы с суффиксом -дала именуются "деепричастиями, стоящими на грани с наречиями"³³ или наречиями предела³⁴.

О. П. Суник полагает, что эвенкийские деепричастия с суффиксом -дала и -чала представляют собой притяжательную форму местного падежа (-ла) от причастия "законченного действия" или прошедшего времени (суффикс -ча) "... тот же местный падеж (-ла) притяжательного склонения от непродуктивной формы причастия незаконченного действия (аорист на -да ~ -та)"³⁵. Собственно так же интерпретирует суффиксы -дала и -чала О. А. Константинова, но в отличие от О. П. Суника, она считает, что "притяжательные деепричастия являются падежными формами причастий" лишь по происхождению³⁶, то есть лишь исторически.

С нашей точки зрения, образования с суффиксом -чала, -дала в языках северной группы, в которых они получают притяжательное оформление, являются субстантивированными глагольными основами, последние, в свою очередь, образованы при помощи глагольного словообразовательного суффикса -ла от соответствующих причастий с суффиксом -да и -ча.

Считать суффикс -ла показателем местного падежа мы не можем, поскольку в маньчжурском языке наречия с суффиксом -тала ~ -дала, н-тала имеются, а вот суффикс -ла в падежной системе маньчжурского языка отсутствует.

В языках южной группы образования с суффиксом -дала являются наречиями, возникшими в результате адвербиализации глагольных основ с тем же суффиксом.

Вполне вероятно, что суффикс местного падежа (-ла) в тунгусо-маньчжурских языках генетически тождествен глагольному словообразовательному суффиксу -ла и развился в падежный суффикс в результате субстантивации глагольных основ, при оформлении последних притяжательными суффиксами.

Подверглись конверсии и маньчжурские глагольные основы, образованные от именных при помощи словообразовательного глагольного суффикса -ла: ва-ла 'низ', 'западная стена в помещении (почетный угол)', 'низкий', 'последний', 'ниже, внизу, низом', ва-си-

'спускаться (вниз)'; до-ло 'внутренность', 'внутри (в сердце, в уме)', до 'внутренность', 'внутренности (кишки, потроха)'; ој-ло 'поверхность', 'наружность', 'внешность'; 'снаружи, сверху'; 'поверхностно, наружно', ој-лон 'поверхность', 'верхушка чего-л.', ојо 'макушка, темя, верхушка', 'верх, тулья (у шапки)', 'кровля (здания)', 'крыша (на юрте)'; фанка-ла 'низ', 'нижнее место, низменность'; 'низкий', фанка- 'сбрасывать, кидать', 'повергать на землю (противника в борьбе)'; фэ-и-лэ 'внизу, ниже', фэ-ири 'id'; ама-ла 'позади', 'после, потом', амари- 'опоздать'; дэ-лэ 'вершина, верх чего-л.', 'сверху, наверху', 'верхний', 'высоко стоящий', 'верховный, вышний', дэн 'высокий', 'высоко', 'высота' и др.

Наконец, обратим внимание исследователей на образования с суффиксом -лан, -малан в маньчжурском языке.

Посредством суффикса -лан от именных основ образуются наречия, указывающие на неполную или усиленную степень признака: амбака-л'ан 'несколько великоват', амбақан 'довольно большой', амба 'великий, большой, огромный'; асика-лан 'несколько менее', асикан 'маленький', хэту-л'ан, хэтуқан 'довольно широко', хэту 'ширина', 'широкий'; чихаку-л'ан 'неохотно', 'хотя, принужденно', чиха-ку < чиха + аку 'id', чиха 'охота, желание', 'охотно'.

Этим же суффиксом -л'ан оформлены качественные прилагательные: саха-л'ан 'черный, темный', сахахун 'черноватый, темноватый', сахара- 'чернеть, темнеть', ср. нан. сахари-ла 'черновато', 'чернее', сахарин 'черный'; сохоко-л'ан 'желтоватый', сохорон 'желто-белый'; ухукэ-л'ан 'слабоватый', ухукэн < мо. 'слабый'; жууху-л'ан 'очень кислый', жуухун 'кислый'.

Посредством суффикса -мэл'ан от глагольных основ образованы наречия обстоятельственные. Вероятно, более правильным было бы считать, что эти наречия образованы от соответствующих форм одновременных деепричастий, оформителем которых является суффикс -мэ: илимэ-л'ан 'стоймя, торчком', или- 'встать', илимэ 'стоя'; тангимэ-л'ан 'горбom, сторбившись, выгнуто (как лук)', танги- 'оговариваться', 'ссылаться на что-л.', 'сваливать на кого-л.', 'изворачиваться', 'выгораживать (себя)', тангимэ 'оговариваясь', 'изворачиваясь'; тукэмэ-л'ан 'несколько приподнять, вздернуть

вверх', тукэ- 'поднимать', тукэмэ- 'приподнимая'; фунчэмэ-л'ан 'с остатком, с излишком, слишком много', фунчэ- 'остаться в излишке', фунчэмэ 'оставляя'; эшэмэ-л'ан 'кривовато, косовато', эшэ- 'кривиться, коситься', эшэмэ 'кося', 'косо' и нек. др..

Думается, есть основания предполагать, что маньчжурский суффикс -л'ан генетически связан с ульчским, нанайским, ороокским, ороцким и удгейским суффиксом -ла, вычленяемого из конверсивных глагольных основ, способных адвербиализироваться, субстантивироваться и адъективироваться.

Напомним, что в эвенском языке также имеются образования с суффиксом -лан и -млан: атад-лан 'очень темный', атар 'темный', 'тьма', 'темно'; билгаг-лан, билгар 'жадный, прожорливый', 'обжора', с прит. аф. 'прожорливость, жадность'; бут-лан ~ бут-лэн 'очень жирный', бург 'жирный', с прит. аф. 'жирнеть'; букса-млэн, бонкэ-лкан 'ледяной, со льдом, ледовитый', букса, бонкэ 'лед'; гара-млан, гарымнан 'суковатый, сучковатый', гар 'ветка (сухая)'; дуннэ-млэн 'угоревший', дуннэр-/д- 'угорать' и мн. др.

II. Обнаруживаются образования с суффиксом -лах в чжурчженском языке. По всей видимости, они также представляют собой конверсирующие глагольные основы с суффиксом -лах: ан-пан-лах 'большой', 'много', ан-пан 'большой, сильный', ср. ма. амба-ла-лан 'несколько великоват', амбақан 'довольно большой', амбу-ла 'очень, чрезвычайно', амба 'великий, большой'; фүн-си-лах 'внизу', ср. ма. фэзилэ 'id', эвк. нэргилэ 'внизу (находиться)', 'вниз (идти)', нэргэ 'низ'; то-ло 'внутри', то-кó 'подкладка', ср. эвн. долат-/ч- 'вмещать, наполнять, быть с содержанием'; т'у-ли-лах 'вне, снаружи', 'внешний, наружный', ср. эвк. тулин 'внешнее, наружное пространство, двор, улица', тулигидэ 'id'; ту-ли-лах 'середина', 'средний', ту-ли-лах куон-лун-ни Китай (досл. срединное государство)', ср. эвк. дулин 'середина', 'половина'.

Итак, во всех тунгусо-маньчжурских языках выявлены образования с суффиксом -ла. и производные от них.

По своему происхождению эти образования конвертивные, иначе говоря, глагольная основа, образованная посредством суффикса -ла, является конвертивной: без какого либо оформления глаголь-

ная основа адвербиализируется, при присоединении к этой основе словообразовательных суффиксов существительных, или притяжательных суффиксов, она субстантивируется, в аналитической конструкции со вспомогательным глаголом би эта основа адъективируется.

Кроме того, тунгусо-маньчжурские суффиксы формы обладания (-лкан < *-лаккан, -млкан < *-мулкан), формы совместности (-мула) исторически возникли путем сращения суффикса -ла и суффикса существительных -кан, а также ассимилированного показателя страдательно-возвратного залога -му < *-бу + -ла.

К словообразовательному глагольному суффиксу (-ла) восходит показатель местного падежа тунгусо-маньчжурских языков суффикс -ла. Этот же суффикс находим в составе послелогов эвенкийского, эвенского и негидальского языков.

Примечания

¹ Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964, с. 87; Лебедева Е. П., Константинова О. А., Монахова И. В. Эвенкийский язык. Л., 1979, с. 83.

² Константинова О. А. Указ. соч., с. 71; Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 767.

³ Константинова О. А. Указ. соч., с. 70.

⁴ Там же.

⁵ Василевич Г. М. Указ. соч., с. 778.

⁶ Константинова О. А. Указ. соч., с. 69.

⁷ Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962, с. 104-105.

⁸ Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947, с. 113.

⁹ Цинциус В. И. Указ. соч., с. 114.

¹⁰ Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978, с. 53.

¹¹ Цинциус В. И. Указ. соч., с. 110-111; Лебедев В. Д. Указ. соч., с. 57.

¹² Новикова К. А. Эвенский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Л., 1968, т. 5, с. 93.

¹³ Сунник О. П. Указ. соч., с. 104.

¹⁴ Цинциус В. И. Указ. соч., с. 96; Новикова К. А. Указ. соч., с. 93; Лебедев В. Д. Указ. соч., с. 44-45.

¹⁵ Константинова О. А. Указ. соч., с. 70.

¹⁶ Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Ороцкий язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. 5, Л., 1968, с. 198.

¹⁷ Сунник О. П. Удэгейский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. 5, Л., 1968, с. 218.

¹⁸ Сунник О. П. Ульчский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. 5, Л., 1968, с. 156.

¹⁹ Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967, с. 60.

²⁰ Петрова Т. И. Указ. соч., с. 62.

²¹ Там же.

²² Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М.-Л., т. II, 1961, с. 187.

²³ Аврорин В. А. Указ. соч., т. I, М.-Л., 1959, с. 16.

²⁴ Аврорин В. А. Указ. соч., т. I, с. 116.

²⁵ Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект, Л., 1976, с. 37.

- 26 Аврорин В. А. Указ. соч., т. I, с. 113.
- 27 Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, с. 104.
- 28 Пашков Б. К. Маньчжурский язык. М., 1963, с. 39. (Б. К. Пашков считает эти суффиксы деепричастными).
- 29 Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, с. 235-236.
- 30 Константинова О. А. Указ. соч., с. 213-214.
- 31 Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. 5, Л., 1968, с. 121.
- 32 Новикова К. А. Указ. соч., с. 102.
- 33 Аврорин В. А. Указ. соч., т. II, с. 172-174.
- 34 Петрова Т. И. Указ. соч., с. 81.
- 35 Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, с. 261-262.
- 36 Константинова О. А. Указ. соч., с. 214.

М. Д. Симонов

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ХУНАТ 'ДЕВУШКА, ДОЧЬ'
В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, термины родства и связанные с ними названия людей по поло-возрастным признакам относятся к наиболее сохранной части лексики. Эти слова реже заимствуются, их языковые формы часто имеют непосредственные рефлексy в большинстве языков той или иной лингвистической семьи. Так, например, праиндоевропейское *dhug(h)eter- 'дочь' имеет надежные параллели во всех основных индо-европейских языках¹. Аналогично обстоит дело с термином 'девушка, дочь' и во многих других лингвистических семьях. Ср. тюркское qyz², монгольское fuž'ün³, тунгусо-маньчжурское хунат⁴, финно-угорское *neije⁵, самодийское *kapta⁶, эскимосское (СССР) нах'сыг'рах'~ нывех'сак'~ нек'сек'⁷, дагестанские формы с "общекорневым элементом" ш~ж~с~гь⁸ или к (для цезских языков)⁹, адыгское пхъун¹⁰ и т.д. и т.п. Поэтому вполне естественно, что термины родства должны рассматриваться в начале любых этимологических исследований. Алтайская гипотеза - несмотря на долгиe годы своего существования и ряд интересных работ в этой области - по существу до сих пор находится в зачаточном состоянии, особенно это касается тунгусо-маньчжуристики. Приступая к диахроническим исследованиям в этой области, приходится решать многие базисные вопросы, в частности, устанавливать (или уточнять) этимологию основ, входящих в основной словарный фонд, в том числе терминов родства и связанных с ними поло-возрастных характеристик субъекта. С точки зрения компаративистики, первым этапом в этимологических исследованиях должен быть морфологический анализ. В реально засвидетельствованных лексемах изучаемой языковой группы вычленяются живые и омертвевшие аффиксы. После их отсе-чения для каждой лексемы получаем ее историческую основу, ре-

левантскую для данного уровня родства. И только затем, в результате сопоставления всех вариантов исторической основы в языках-потомках и их диалектах, реконструируем на семантическом и фонологическом уровнях ее праформу. Таким образом, рассматривая с диахронической точки зрения алтайские термины родства, необходимо в первую очередь заняться их исторической морфологией. Настоящая статья посвящена одному частному вопросу в этой области, а именно: историко-морфологическому анализу существительного хунат 'девушка, дочь' в тунгусо-маньчжурских языках.

Интересующее нас существительное зафиксировано у всех тунгусо-маньчжурских народностей, кроме маньчжуров и чжурчженей. Эвенкийское: хунат (мн. ч. хунатил, хунатил, хунил), хонат, хунат, сунат, унат, онази 'девушка, дочь'; эвенское: хунат (мн. ч. хунатил ~ хунатыл ~ хунатол, хунил), хунат, уназ 'id', хуни 'молодая (о женщине)'; арманское: оназ (мн. ч. онил), ун'аз 'девушка, дочь'; солонское: унази 'id'; негидальское хонат (при словоизменении: хоназ-, мн. ч. хонил) 'девушка, дочь, сестра'; ороочское, удэгейское: хуна и 'сестра'; ульчское: пунда у(н-) 'младшая сестра'; орокское: пундадо ~ пундаду 'сестра' (также двоюродная); нанайское: пундазо ~ пундазоа ~ пундазо, хунази 'сестра' ¹¹. В маньчжурском языке данная основа, очевидно, была вытеснена словосочетанием сарган чжуй 'девица' ¹², впоследствии стянувшимся в диалектах в одно слово ¹³. Исторической связи между словообразовательным гнездом "хунат" и "пузин" 'девица-красавица' ¹⁴, вопреки Г. М. Василевич ¹⁵, не прослеживается, так как входящие в эти гнезда слова группируются вокруг разных семантических идей: "хунат" = 'младшая родственница': 'дочь', 'сестра', 'девушка (вообще)'; "пузин" = 'красавица' ¹⁶ (девушка или женщина) → 'женщина благородного происхождения' (ср. маньчж. фузин 'княгиня, барыня, дама'), и поэтому в данной статье мы будем рассматривать только первое словообразовательное гнездо ("хунат").

Относительно морфологической структуры тунгусского хунат (и его мн. ч. хунил) в литературе не существует единого мнения. Большинство авторов считает, что эвенкийское хунат в прошлом звучало *хунази ¹⁷, его нынешний глухой ауслау образовался в

результате отпадения конечного и с последующим оглушением (ср. сымское хунач) и дентализацией з. В пользу этого, кстати, говорят соответствующие формы в других тунгусских языках (например, ороочское хунази) да и эвенкийское (хинганское) онази. Однако А. Н. Мыреева видит в чередовании -т/-з (хунат/хуназил) "озвончение" ¹⁸, то есть, при экспликации ее точки зрения, за исходную форму надо принять хунат, с глухим -т. А. Ф. Бойцова разбивает хунат и его мн. ч. хунил на три компонента: "хун-а-т", "хун-и-л" ¹⁹. Она не называет эти компоненты морфемами ²⁰, однако, судя по тому, что в других местах ее работы дефис означает именно морфологическую границу, можно полагать, что и здесь он употребляется в том же смысле. Другую морфологическую структуру для "хунил" имеем в работах В. И. Цинциус и К. А. Новиковой. Оба автора (первая для эвенкийского, эвенского и негидальского, вторая — для эвенского языка) выделяют в этом слове аффикс мн. ч. -нил, как в ак-нил 'старшие братья' и основу ху- ²¹. Очевидно, что такое разбиение не правильно. В тех случаях, когда множественное число действительно маркирует аффикс -нил, он присоединяется непосредственно к основе единственного числа: атки — атки-нил, авус — авус-нил, при этом возможна редукция конечного гласного: акй ~ аке 'старший брат' — ак-нил 'старшие братья' ²². Ничего подобного не наблюдается в нашем примере: хунат — хунил. Кроме того, наличие в эвенском языке слова хуни 'молодая (о женщине)' делает выделение в словоформе хунил аффикса -нил вообще бессмысленным. Становится очевидным, что эту словоформу можно разделить только одним способом: основа хунй- (представленная в чистом виде в эвенском хуни ²³) и -л, обычный показатель множественного числа.

Рассмотрим теперь основу хунат- (при словоизменении — хуназ-). Как уже говорилось выше, все тунгусские материалы четко свидетельствуют, что первичной в эвенкийском была вторая форма, со звонким з. Отдельные случаи сохранения ауслаутного т при словоизменении (эвенкийское диалектное хунатил 'девушки') имеют ограниченный ареал распространения и явно вторичны по происхождению, они возникли в результате выравнивания по аналогии, так как большинство именных эвенкийских основ не имеют в ауслауте

никакого консонантного чередования. Для разбиения интересующей нас основы на морфемы необходимо прежде всего идентифицировать с каким-либо аффиксом ее финаль. Лучше всего это сделать для нанайской формы пондазоа, где легко вычленяется группа -зоа, формально тождественная одному из нанайских именных аффиксов собирательности ²⁴. Например, наондэан 'молодой' – наондэан-дэан 'юноши, парни, ребята' ²⁵, также при неодушевленных существительных: хасиакта 'ель' – хасиактаканзоа ^Н 'ельничек' ²⁶. В ульчском нанайскому – она соответствует -зуа ²⁷, в удэгейском – показатель множественного числа -зига ²⁸.

По мнению В. И. Цинциус, все эти аффиксы (-зоа, -зуа и -зига) имеют составной характер и возводятся к морфемной комбинации *-зу-кан (-зу, распространенное показателем уменьшительности -кан) ²⁹. Относительно сложного характера названных показателей В. И. Цинциус, очевидно, права. Ср. нанайские диалектные формы пондазо ~ фондазо, которые при сопоставлении с пондазоа позволяют разделить сочетание -зо-а на два компонента (видимо < *зо-хан, ср. удэгейское -зи-гэ). Допуская, вслед за В. И. Цинциус, чисто эмоциональное содержание у второго компонента, мы автоматически приходим к выводу, что денотативное значение первого компонента должно равняться в таком случае денотативной семантике всего сочетания -зо-а, т. е. выражать собирательность. Таким образом, мы реконструируем для нанайского языка исторический аффикс собирательности -зо; в ульчском ему соответствует -зу (другая губная огласовка, ср. ульчское -зуа), в орокском – -до ~ -ду (с закономерной дентализацией среднеязычных ³⁰); в орокском, удэгейском, солонском и хинганском диалекте эвенкийского – редуцированная форма – и, которая полностью теряет гласный в некоторых диалектах эвенского (–). В эвенкийских и эвенских диалектах наблюдается следующая стадия упрощения этого аффикса: оглушение (–ч) и последующая дентализация (–т), с сохранением з перед гласным при словоизменении, и, наконец, полная дентализация (нунат – нунатил). В эвенкийском языке аффикс собирательности -зи (-ја, ~ -зу) ~ -т/-з вышел из живого употребления, однако его можно выделить в некоторых именах. Термины родства: н'а-зи 'родственник', н'а-зу 'кровный родственник' и т. п., н'а-за "id" ³¹ (аффикс вычленяется при сопоставлении с н'а-ти 'родственница'

и за 'кровный родственник' – в эвенкийском пережиточно встречается чередование н' ~ з в анлауте). Ср. сюда же ульчское ас-зоа 'жены', ас-зуа(н-), ас-зуа-ка(н-), ас-чо-ка(н-) 'девочка', удэгейское а-зига 'девочка, дедушка' (а'а-нта 'женщина', орокское аса-нта 'женщины' – мн. ч.) при эвенкийском аси 'женщина'. Географические объекты: аму-т 'озеро' – мн. ч. аму-зи-л, солонское аму-зи 'озеро', ср. орокское аму, маньчжурское омо "id"; н'ару-т 'заболоченное озеро' – мн. ч. н'ару-зи-л ³², также н'ару-за 'большое заболоченное озеро', ср. н'ару 'небольшое озеро, зарастающее сфагновым мхом'.

Итак, мы получили первичное морфологическое разбиение обеих основ существительного 'девушка': 1) нуні-л (где -л – показатель множественного числа) и 2) нунā-т ~ нунā-зи для /х-/языков, понда-зо(а) для /п-/языков (где -зо(а) ~ -зи – исторический формант собирательности). Различие второй основы в /х-/ и /п-/языках (нунā-, понда-) не должно смущать. Это типичное интервокальное чередование: н ~ н' ~ (j) в /х-/языках, нд в нанайском, ульчском, орокском. Согласно нашим реконструкциям, оно восходит к нескольким консонантным группам в пратунгусо-маньчжурском, в частности, к *-n'tɕ'. Однако это предмет специального исследования, здесь мы его касаться не будем – приведем только несколько примеров на данное чередование (в действительности их существуют многие десятки): 1) эвенк., негид. ман 'стая птиц', орок. ман'и, удэг. мани "id" ~ ульч. манду, орок. манди, нан. мандо "id"; 2) эвенк., эвен., сол., нег. тин- 'отпустить', нан. чинда-, орок. чинду-, ульч. тинда- "id" (ороч. и удэг. тинда- "id" – очевидно, заимствования от соседей); 3) эвен. н'анакун 'тихий, медлительный', ульч. н'анза, орок. нанди ~ н'анда ~ н'анди "id" и т. п. Таким образом, более сложный вид основы нунат в нанайском, ульчском и орокском (пондазо) не означает, что здесь добавлен еще какой-то аффикс, это просто закономерное отражение в /п-/языках северотунгусского интервокального н ~ н' (< *-n'tɕ').

После приведенной оговорки можно констатировать, что исторические основы, выделяемые в обеих исходных основах существительного 'девушка' (нуні-л и нунā-т), различаются только характером второго гласного: -и/а. Разбивать их дальше (вслед за А. Ф. Бойцовой, см. примеч. 19), с выделением в первом случае аффикса -и

а во втором — а, на наш взгляд, не правильно. Занимаясь историей тунгусо-маньчжурских языков, мы пришли чисто эмпирически к выводу, что исторической основой, релевантной для пратунгусо-маньчжурского уровня родства является двусложная конструкция типа (C)V₁C(C)V₂ (при условии, что нормальным, не аномальным рефлексом V₁ в современных языках будет краткий гласный). Учитывая, что в слове 'девушка' V₁ нормально краткий, за исключением она́и, можно допустить, что основы хунй- и хунā- для пратунгусо-маньчжурского уровня являются первичными, далее не делимыми. Это тем более вероятно, что чередование конечных -й ~ -ā находит вполне удовлетворительное объяснение.

Известно, что термины родства имеют в тунгусо-маньчжурских языках специальные звательные формы, образуемые, в частности, за счет "эмфатической долготы" и "расширения конечного гласного" ³³, например: амā ~ амй 'папа!' при амйн 'отец', ака акй 'дядя, старший брат' (обращение), акйн — склоняемая форма этого существительного, и т.п. Долгота легко объясняется как результат особой вокативной интонации, а чередование -й ~ -ā тем, что оба эти гласные представляют разные диалектные рефлексы конечного *-æ, которое еще пережиточно сохраняется в некоторых регионах, ср. в говорах Б. Порога и Агаты: акæ 'старший брат' (обращение) ³⁴, также маньчжурское агэ 'старший брат; милостивый государь' (очевидно, из *агæ, так как нарушена гармония гласных), диалектное *агее ³⁵. Впоследствии, в результате постоянных межплеменных контактов, диалектные формы с различным отражением конечного *-æ оказались нередко представленными одновременно в одном говоре (при этом возможна их семантическая дифференциация или же вхождение в состав разных грамматических форм данной лексемы). Например, в смыском (эвенкийском) диалекте основа амй- реализуется в слове амйкән 'медведь', а амā- в слове амакā 'дедушка' ³⁶. Разница в эвенкийских словоформах асй 'женщина' (ед. ч.) и асā-л (мн. ч.), вероятно, объясняется той же причиной (к праформе *асæ ср. солонское аш'ē ~ аш'й (ед. ч.), нанайское асиа (ед. ч.). Таким образом, нет ничего удивительного, что в одном говоре, например, баунтовском эвенкийского языка, представлены оба варианта интересующей нас основы (хунй- в хунй-л и хунā- в хунā-т) ³⁷.

Изложенные выше соображения позволяют нам реконструировать единую историческую основу у слова 'девушка': для северных тунгусских языков, а также удагейского и оро́чского — *хунā ~ хонā (с последующей грамматической идиоматизацией ее диалектных вариантов: хунā — ед. ч., хунй — мн. ч.), для нанайского, ульчского, оро́чского — *хонā ~ хундā —. Очевидно, эта основа могла в прошлом употребляться без аффиксов, как самостоятельное слово. Реликтом этого состояния является эвенское диалектное хуни 'молодая' (о женщине).

Два последних вопроса: допустимо ли словообразование от вокативных форм и чем объясняется, что распространенная аффиксом собирательности основа сохраняет значение единственного числа. На первый вопрос можно ответить вполне утвердительно, ср. приводившиеся выше амй-н 'отец' от амй! 'папа!', акй-н 'старший брат' от акй! и т.д. и т.п., имеются и прямые высказывания на этот счет тунгусоведов ³⁸. Отвечая на второй вопрос, укажем, что тунгусо-маньчжурские термины родства распространяются аффиксами собирательности (множественности), имея при этом к настоящему времени значение единственного числа ³⁹, так что случай с хунāt никак нельзя считать уникальным. Объяснение этого явления надо искать в особенностях культуры сибирских народностей. И здесь хотелось бы процитировать, волею за В. И. Цинциус, интереснейшее наблюдение Л. Я. Штернберга (на нивхском материале): "Благодаря классификационной системе (у нивхов) выработалось обыкновение употреблять множественное число для таких терминов, как отец, мать, жена, по отношению к одному индивидуальному лицу, например, ni btkrox vind 'я к отцам иду' (то есть в деревню, где живет класс отцов, хотя бы родного отца уже и не было в живых)... Благодаря частому употреблению таких терминов во множественном числе получилось довольно любопытное явление. Во-первых, стали употреблять множественное число нередко и в тех случаях, когда по смыслу речь идет только об одном лице, например, вместо cer saktox vind? 'твой отец куда пошел?' — cerkun saktox vind? 'твои отцы куда пошли?'... С другой стороны множественное число иногда обозначает собирательное из родственников родных классов, например, cerkun (букв. 'твои отцы') употребляется в значении 'отец с матерью', 'отец и сородичи' ;

n'eorankun (букв. 'мои жены') – в смысле возлюбленной и ее подруги, lyuikun (букв. 'зятя') – 'зять вместе с женами', Любопытно, что в икагирском, по-видимому, встречается такое же явление" 40.

Примечания

¹ Из последней литературы по этому вопросу ср. Топоров В. Н. Пруссский язык. Словарь А – Д. М., 1975, с. 387–388; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (под ред. О. Н. Трубачева), вып. 5. М., 1978, с. 178–179; Български етимологичен речник (под ред. В. И. Георгиева). Т. 1. София, 1971, с. 467.

² Приведена древнетюркская форма. См. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951, с. 417. Здесь же даны параллели из сибирских тюркских, чувашского и туркменского. О распространенности в тюркских языках этой лексемы можно судить по материалам Л. Будагова. См. его "Сравнительный словарь турецко-татарских наречий", т. II. СПб., 1871, с. 53–54. Из современной литературы: Расадин В. И. Этимологический словарь корневых основ современного тофаларского языка. – В кн.: Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 223.

³ Приведена наиболее древняя, на наш взгляд, монгорская форма. См. Тодаева Б. Х. Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М., 1973, с. 385. Здесь же даны параллели из других монгольских языков.

⁴ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л., 1977, с. 347–348. В соответствии с принятой в словаре методикой, словарное гнездо представлено эвенкийской формой.

⁵ Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской и К. Редеи. М., 1974, с. 401.

⁶ J a n h u n e n J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische etymologien. Helsinki, 1977, S. 60.

⁷ Меновщиков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь. М.–Л., 1964, с. 207.

⁸ Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1873, с. 98–99.

⁹ Там же.

¹⁰ Шагиров А. К. Этимологический словарь адгских (черкесских) языков. I – II, 1977, с. 25–26.

¹¹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II, с. 347–348.

¹² Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, с. 572.

¹³ Ср. сибирские формы sarganžui, sahanžī, sahanž, sanzi etc. 'Tochter, Mädchen'. К а з у ѣ ѣ с к и S. Die Sprache des mand-schurischen Stammes Sibe aus der Gegend von Kuldscha. I Bard. Warszawa, 1977, s. 243.

¹⁴ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. II, с. 42.

¹⁵ В качестве параллели к эвенкийскому "хунāt" Г. М. Василевич, наряду с другими словами, приводит нанайское "пуди (Sic!) 'девушка' (только в сказках)". См. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, М., 1958, с. 495.

¹⁶ Семантика термина "пуžин" (именно 'красавица') была убедительно раскрыта в докладе Н. Б. Киле "Фольклорная лексика в нанайском языке", прочитанном на конференции, посвященной памяти члена-корреспондента АН СССР В. А. Аврорина, состоявшейся в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в мае 1981 г.

¹⁷ Бойцова А. Ф. Сравнительная характеристика согласных звуков эвенкийского и русского языков. – Известия академии педагогических наук РСФСР, вып. 40, М., 1952, с. 190–191; Лебедева Е. П., Константинова О. А., Монахова И. В. Эвенкийский язык. Пособие для педучилищ. Л., 1979, с. 44.

18 М и р е е в а А. Н. Очерк говора учурских эвенков. - В кн.: Романова А. В. и Миреева А. Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.-Л., 1964: "Перед соединительным гласным иногда происходит озвончение глухого согласного т в д, а глухой конечный с всегда переходит в ш. Примеры: хунат 'девушка', хунад'и-л 'девушки'..., акус 'муж старшей сестры', акуш-и-д 'мужья старших сестер'..." (с. 17).

19 Б о й ц о в а А. Ф. Лингвистические основы методики преподавания русского и родного языков в эвенкийской школе, ч. I, М., 1962, с. 182.

20 "... в первом случае звук и в основе единственного числа (аси) заменяется звуком а в основе множественного числа (асал) во втором случае, наоборот, гласный а основы единственного числа (хун-а-т) заменяется гласным и в основе множественного числа (хун-и-л)". Б о й ц о в а А. Ф. Указ. соч., с. 182.

21 Ц и н ц и у с В. И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. - В кн.: Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филологических наук, вып. 10, с. 80; Н о в и к о в а К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. I. М.-Л., 1960, примеч. 24 на с. 127.

22 Для существительных с конечным -ин (акин 'старший брат', экин 'старшая сестра', кукин 'жена младшего брата') в качестве основы для образования множественного числа на -нил мы берем звательные формы типа акй ~ аке (исходя из принципа простоты), в отличие от В. И. Цинциуса и других авторов, которые считают исходными формы именительного падежа (акин, экин, кукин).

23 Разница в долготе конечного гласного не должна смущать - это обычное явление в тунгусо-маньчжурских языках. К тому же надо учитывать слабо выраженный характер тунгусской долготы во многих позициях, так что при сборе диалектологических материалов в слове хуни она могла быть и просто не замечена.

24 А в р о р и н В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I, М.-Л., 1959, с. 110: "... собирательная форма существительного, приметой которого является суффикс -дэан/-дээн, образуется

от ... существительных, преимущественно обозначающих живые существа, и обозначает все однородные ... предметы или группу как некое единство... /Этот/ собирательный суффикс обнаруживается в ряде слов как уже омертвевший и неотделимый от корня". См. также: О н е н к о С. Н. Словоизменительные и словообразовательные суффиксы. - В кн.: Нанайско-русский словарь, М., 1980, с. 547.

25 О н е н к о С. Н. Указ. соч., с. 283.

26 Ц и н ц и у с В. И. Множественное число имени..., с. 89.

27 Там же.

28 "Для меня не подлежит никакому сомнению, что нанайско-ульчский собирательно-уменьшительный суффикс -зуа^Н/зуэ^Н закономерно соответствует удэйскому суффиксу множественного числа -зига/-зига". Ц и н ц и у с В. И. Множественное число имени..., с. 89.

29 Там же, с. 90.

30 П е т р о в а Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967, с. 16; С у н и к О. П. Тунгусо-маньчжурские языки. Введение. - В кн.: Языки народов СССР, т. V, Л., 1968, с. 57.

31 Здесь и ниже (если нет специальных оговорок) лексика приводится в соответствии со Сравнительным словарем тунгусо-маньчжурских языков, Л., т. I, 1975; т. II, 1977. Морфологическое деление - наше.

32 В а с и л е в и ч Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 312. В "Сравнительном словаре..." дано н'арузал.

33 Ц и н ц и у с В. И. К этимологии алтайских терминов родства. - В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 17.

34 Л е б е д е в а Е. П. К характеристике северного наречия эвенкийского языка (по материалам говоров Большого Порога и Агаты). - В кн.: Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 167, Л., 1960, с. 152.

35 Y a m a m o t o K. A Classified Dictionary of Spoken Manchu, Tokyo, 1969, p. 896. Цит. по кн. K a t s u z u n s k i S. Die Sprache des mandchurischen Stammes Sibe..., S. 94.

36 Полевые материалы автора. Экспедиция 1978 г. в факторию Сым Енисейского р-на Красноярского края.

37 Полевые материалы автора. Экспедиция 1972 г. в с. Рассо-
лино и на оленефермы Джилдиндинского сельсовета Баунтовского
р-на Бурятской АССР.

38 Например: "К форманту и группы -ни:л близок в нанайском и ульчском языке суффикс -на/-не, также употребляющийся в тер-
минах родства. При этом, однако, как свидетельствует автор очер-
ка грамматики нанайского языка "в данной форме
указанные слова обычно встреча-
ются как обращение (разрядка наша - М. С.), на-
пример: ага 'брат' (старший), агана 'братья' (старшие), ама
'отец', амана 'отцы'..." (ссылка дается на: Петрова Т. И.
Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941, с. 29). Цин-
циус В. И. Множественное число имени..., с. 83-84.

39 "В связи с приведенными выше существительными, служащими для передачи понятия "женщина", отметим также, что в бурятском, нанайском, а также якутском языках сами эти существительные с историко-морфологической точки зрения включают в свой состав аффикс множественного числа, ср. бур. эхэ-нар, нан. эк(э)-та, як. ях-тар 'женщина'; сюда же уд. а^а-нта 'женщина', нй-нта 'мужчина', Цинциус В. И., Летягина Н. И. К исто-
рии форм множественности в алтайских языках. - В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с. 215.

40 Штернберг Л. Я. Семья и род у народов северо-
восточной Азии. Л., 1933, с. 73. Цит. по Цинциус В. И.
Множественное число имени..., с. 82.

В. А. Аврорин

УЛЬЧСКИЕ ТЕКСТЫ
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ I

№ 1 2

Хэрэ, сингэрэ бадиха. Ттара галбахэ, син'экемэ галбахэ.
Ттара сингэрэ моти мокчахэ. Мо пэзилэни хэрэка би. Хэрэка син-
гэрэти хэндини: Син'эктэ буру. - хэнди. Сингэрэ ум исалкамба
хэрэкетти тугбухэ. Сингэрэ хэндини хэрэкетти: Син'эктэ ум исали
пиктэти газу, - хэнди. Ттара хэрэка чупал зэппини. Ттара син-
гэрэ тагдахэ. Угдэти эзухэ, ттара хэрэка хэмдэни сарунзи ти-
рэхэ. Ттара син'эктэ н'эзухэ. Ттара хэрэка соңги. Сингэрэ бэра-
чи, тэс гачи. Сингэрэ бэрачи, хэрэка соңги. Ттара мэнти хэнухэ.
Сингэрэ пиктэни тэс бэрачи. Хэрэка пиктэни тэс соңги.

Лягушка и крыса

Жили лягушка и крыса. Стали они рвать черемуху. Крыса забра-
лась на дерево. А под деревом - лягушка. Лягушка кричит: Крыса,
дай черемухи! Крыса бросила ей одну ягоду и говорит: Одну яго-
ду отнеси ребенку. А лягушка всю ягоду съела. Тут крыса рассер-
дилась. Побежала к лодке, схватила лягушку, растянула ей живот
и надавила на него. Ягодка выскочила. Заплакала лягушка, а кри-
са радуется: посуда ее наполнена ягодой. Крыса радуется, а ля-
гушка плачет. Затем уехали к себе. Потом ребенок крысы очень
радовался, а ребенок лягушки сильно плакал.

№ 2 3

Балана уму мэргэ бадиха. Ти мэргэ ти бэ. Ти бимдэ, хэнэха,
хотонти хэнэха. Ттара эвэм пиктэни илэ эктэ. Эвэ хэндин: Си-
тэвэ кэсику осини, чу пузанту пиктэ запи. Мин пикти тэвэ запау
осини, аясиа ујава гелэнду н'огэо намути. Ттара ти мэргэ хэнэ-
хэ н'огэо намути. Ттара мэргэ аясиа уја бакахэ. Ттара эвэнти

иразуха, уја иразуха. Ттара ээбэ вэндини: Мин чу н'учи пикти сари осини, заши. Ттара илбэ эктэ илувэнчи. Ттара ти мэргэ чу н'учи эктэ запаха, чу ларги эктэ. Ти мэргэнэи эдилэхэ. Чу н'учи эктэ эиүэни энси. Ттара ти эдилэхэ. Ттара нэнухэ, мэн аси газуха. Ттара амин нэни, хукчи. Амин нэнэм мутэси: зэгдэ маңга. Ттара наму бэлдиха. Хонда нэнэмдэ мутэси. Мэн асиэи зүэни ти нэни. Тамдйа уму хагду баха. Уму мама би ти хагду дблан. Мама бұхэ уму јаски, мэргэнду. Мама вэнчини: Эи јаски ээи нйрэ, покто нэнуми. Мэнти нэнупэ, нйрестэн. Ттара мэргэ мэнти нэнухэ. Мэнти нэнуп'э јаски нйхэ. Ти јаски дблан има, нау хайдэхэм сини, бајанки јаски. Ттара биру очй, ти мэргэ ээбэ очй. Ттара ти бајачи. Иманда малху, иханда малху, хотб очи. Мэргэ ээбэ очй.

Давным давно жил Мэргэн. Жил он себе, жил и однажды решил отправиться в город. Там у главы города было три дочери. Глава города говорит ему: Если ты в самом деле счастливый, возьмишь самую младшую в жены. Но, прежде чем ты возьмишь ее, пойдемь к синему морю за золотым сазаном.

Отправился Мэргэн к синему морю, поймал золотого сазана и вернулся обратно. Вернулся и отнес главе города золотого сазана. Глава города говорит: Если узнаешь самую младшую мою дочь, возьми ее. Потом трех женщин поставили. Мэргэн выбрал из них самую младшую, самую хорошую женщину. Она стала женой Мэргэна. А сестра ее была больная. Взял жену, и стали они возвращаться домой. Отец ее потнался за ними, но идти дальше не может: на его пути сильный пожар. Затем раскинулось море. Никак идти не может. Со своей женой вдвоем (Мэргэн) так идет. Так идя, доходят до одного дома. В доме — старуха. Старуха подарила Мэргэну ящик. Старуха наказывает: Не открывайте ящик в пути. Придете домой, тогда и откройте. Дошли они до избой Мэргэна. Пришли и открыли ящик. А в ящике — козы, куры и всего-всего прочего полно. Это ящик счастья. Там и селение раскинулось. Во главе селения стал Мэргэн. Богато живут, и коз, и коров много. Селение переросло в город. И главой города стал Мэргэн.

Мун нани маңга баду наду бакани, мап хорчуу мбwa лунуми тавазу бакау, чунэидэ, мбwa лунумда.

Ты тавази мэни хорруу.

Сиктэзи аунза ануу. Зуа талузида, хор ктазида аунза ануу. Талу, хоракта нэнин эрумбэни сйхэни осини, паиктазида сйктэзида аунза ануу. Мбзи луңуми тавазу бакау осини, таваи улэ дэји мо дачандуни ивамбуу. Тава ивамбуми хурэнзилэ ивамбуу, Туэ осини, хаиси умуту тава ивами дэји мо дачандуни хурэнзи калтазила ивамбуу. Аунзаји хурэ пэзиз калтазилэни ануу. Тыра и тава азамбани улэнзи бакау. Мэнэ чикахамби колзучуни улэ. Аунда улэ. Тава н'амоловани (азамбани) бакауни улэ. Хбни би эрунду аунзазу аунзалапу нбwa запау улэмбэ ичэу. Тыду дэји зүэ мо алуандуни аунзалапу. Зүблси тава ивами кэкти пэзи калтазилани мбнгуи дачандуни ивамбуу. На диэктани чупал зэгдэучэни, таваи калазу. Кэкти уји калтазилани мо дачандуни таваи иван'зуу. Тытапи тава улбнзи н'амаулуани улбн'зи бакау.

Намуду н'эни'э јбсонду талзила маңга симанаду муэ луңинини гиулэи гиулуми мутэв си опучани, илаува саңгалуу. Илаува саңгалпи сирүэзи нусуу илаути. Тытапи сирүэзи илаузи осини пбнумачи. Тытапи ти сирүэзи гэсэ эгдини ум зилзандула угдаи зүлэси анау. Таматэнзи хаули маңга луңиэ дблүмбуу. Намува пулсиди наму до-рогани хэрэ-хэрэ улбн'зи утулунитани, аја, хбни маңга бэханда, хаули мутэу, хорау. Муэвэни намуду улбн'зи сауу. Тытаптани маңга баду хайлада нбты хбкуји утулуу. Улэ боава сари сагдумди улбнзи утилини опучани, хандуда маңгази забоваси, синэзиwэси. Улбн'зи утили сагд мди хблда синэвиси, зоббси. Хбни маңга боада опучани, хблү маңгада, вата маңгадинда хаули чуңнумди мэпи хорими. Хаикида пулсидэ, нбкида, маңгудуда, намудуда утилиси опи збсилбидэ, мэнэдэ маңга бакау. Тытами муну нани тблунгуну хаикида улбнзи пулчи мапарсал тблунгүвэни улбнзи досазоу. Зэки утули дэји гүрсэлзи гэсэ бивэси. Тытами н'аузаанда поктоду боава боалзуми пулпу опучани дэји сагди гүрсэл тблунгүчихэмбэни эзэчи опи хаиси тблунгулэ запами мэни маңга бакахамби хорау.

Предание

Мы — нани ⁵ в беде добываем себе огонь кресалом или сверля дерево о дерево. Огонь спасает нас.

Делашь себе шалаш из лап елки. Летом из бересты или коры дерева. Если прошло время, когда можно сдирать бересту или кору с деревьев, то шалаш можно сделать из трав или лапника.

Если добываешь огонь сверлением, то костер нужно разложить у корня большого дерева. Огонь нужно разложить в той стороне, где гора. Зимой то же самое — нужно выбрать место у корня дерева и там разжечь огонь: с одной стороны костра должно быть дерево, а с другой — гора. А шалаш под горой. Для костра нужно искать хорошее место. Если намокнешь, хорошо было бы обсушиться. Шалаш нужно сделать хороший, тогда ожидай тепла. Нужно выбрать сухое место меж деревьев. Если развести два костра, они должны быть под обрывом или под горой у корня деревьев. Когда дерн с земли выгорит, место костра нужно менять. Немного выше развести другой костер. Потом нужно следить за костром, за его теплом.

Далеко от берега на море во время весенней охоты на нерп в сильный снегопад на поверхности воды образуется снежная каша, становится невозможно грести. Тогда берешь древко копья для нерпы и продавливаешь в нем дыру. Когда просверлишь дыру, продень в нее напильник. Этим орудием пробиваешь себе путь. Можно, по команде отталкиваясь им от льдин, вперед двигаться. Так можно пробиться сквозь снежную жижу. Необходимо знать все законы плавания по морю, будешь знать их, спасешься от большой беды в ненастье. Морскую воду нужно знать хорошо, знать как в непогоду подойти к берегу. Если среди вас есть опытный кормчий, не знаешь беды и трудностей, всегда будешь с добычей, не знаешь горя. Даже в самую плохую погоду, в сильный шторм и высокие волны, всегда спасешься. Куда бы ни отправились: по земле, по Амуру, по морю, если знаете как поступать, все твои товарищи и ты сам, будете приобретать силу. Поэтому рассказы знающих стариков помните. Не всегда с вами старики. Даже молодой, знающий рассказы стариков, беря их опыт, может победить большую беду.

Буа эрундуну хурэм боакини пулми тәлүңгү уләнзи утуличәу. Мәнә сәрасымби боаки пулпу опучани, поктоду хаматанда нәлупсули зака хаматанда чупали бини. Тытами буа нәни сагдыни тәлүңгү-вәни уләнзи эзәчичәу. Поктоду хайдәхәми нәлупсули закани чупал осини, тәлүңгүвә утулиси опи мәпи ууәу. Поктоду мо дөкини нәни-дуси дәји мозиси симби шурәре вәнини тәлүңгү утулувәси опучани, тыду булбуу. Тәлүңгү утули опи хорау. Покто холдонзизини шурәре мумбә хузузи мобони тоандини, тытами мумбә әгди дактусузи вәнини. Тытапи тәлүңгүвә эзәчәу опучани, тургәнзи сакпинда, лаучанда, синасуда аја, Мәни туңгәндуләни эзәни ојоты нәгбуу. Тытапи шурәре мумбә масинзи муруидуи муну кучәндуләму, хазундуиәму шурәре мәпи чәлини. Тытапи буа хаули хорау. Тији хангикини утили опи, мәпи шурәреду шәвамбуу.

Предание

Когда летом ходишь по сопкам, рассказы стариков должен хорошо знать и помнить. Когда идешь по незнакомым местам, всякое можно встретить. Поэтому хорошо помните, о чем сказывали наши старики. В пути можно встретиться с разными опасностями. Если не знаешь как повести себя, можешь погубить себя. Вот идешь меж деревьев, и с большого дерева схватит и замотает тебя удав. Если не знаешь рассказы стариков о схватке удава, погибнешь. Но если знаешь предание о смерти, то спасешься. Когда удав зажимает тебя, как сказывают старики, можно разрубить его топором, кинжалом или охотничьим ножом. Для этого нужно просунуть свое оружие лезвием наружу вдоль своей груди. Будь это нож или другое оружие, удав сам себя о него разрежет, когда станет душить тебя. Так можно спастись. Если замешкаешься, то удав задушит тебя.

Зулу бэйчилэни уму дэжи унуwэ бэйчиндэми нэнэхэни. Горози тэжи унуwэ зэки соломи бэйчихэни. Хаудэ аунзадуи аунзачуми бэйчум пулми хайwада wами кэwэ. Уму туwэни гулум бэйчуми хайwада wамда кэwэ. Хаматанда улэ нэпултэwэ н'учи нэпултэзипаки wами кэwэ. Чупал чэри. Тэжи бэйчилэни хами дуэдунуи мэни бэйчи аунзадуи сэйксэ аунзи эрундунуи пузаwаа госолахани. Мэне зэпултэли сиксэ акпанди зуликини. Зэпултэли пуза нитини зэпултэзи кэси гэлэхэни. Кэси гэлэми ходуми тавай токонтас сэйпинзи зймэхэни. Тэтами анмази wэндини: Си, пуза, бай залэ. Тэлунгу пуза нини муну бэйчини зулэмбэни бэлэчи нэ wанчилкэ. Эси би бэйзэи сазухамби бэй залэ. Пузада кэwэ, хаматанда кэwэ. Би туwэни ан'анин холум бэйчуми пулми пузати зэки кэсигэлэжи. Пуза мэмби хаматамбада бэлэчум кэwэ. Тэтами би тэлунгуwэ агдэсими.

Титули унуwэ хамикини гой бэйчилэни тэ боати бэйчиндэми нэнэхэни. Дэжи аунзати исхэни. Тэ ни зулу сэйксэни бэйчум гэндулани мэни олбичимби зэпултэwэ чупали тавати иwами кэси гэлэхэни. Кэси гэлэм хотханзи мэне зэпунгуи мэне сэйржи нэти унты чукал н'алахани, кэси гэлэми. Кэси гэлэми хотханзи долбо акпанчиндуи толчичини. Тимана инэжи чу зулузи эи поктоло илсэри. Тэжи поктоли нэнэми бакуилати зулу бэйчилэни аунзаwани. Тэтали сэйи ээидэ хаматантэида ээи олоро нэлэмдэ ээи нэлэрэ. Тимай тэхэнзи бэйчи хазумби чупал заwами бэйчэи поктоли нэнэхэни. Тэ нэнэмдэ зулу нэ холум аунзачихани бакахани. Тэпэки дэлэду аунзачихамбани. Тэ дэлэмэ аунзаду тави иwачуханду уму сагдила бэй нэ тэсини. Дилиwэни сэйпинзи порон токонтас зймэхэ. Тэжи мапа бэйчилэнти wэндини: Анда, миннэ пузэwэжи хайкэнзида капсару. Тэжи бэйчилэ пэнсини: Хайми жэду сэйи тэсискэ? Хайми пузэуи хэни тамнэ бахаскэ? Тэду мапа алдоачини: Бэйкэ пуза нини тэжи. Тэ ни зулузи эи боаки пулчиннэ. Чэрилахэнзи илазуми тэлунгуwэ дабоаси. Тамнэ пуза нэйwэни сэйпинзи зймэхэни. Тэжи тахэни нэни тэлунгу утулукхэни хайси тэни утулуксини. Кэсиwэ гэлэми хаматанда орки зэпултэwэ камур улэ зэпултэти солуми кэсиwэ гэлэхэни. Тэтами нэни эи ан'анин чэрилахэни. Бэйи синти мэни капсандаwами дичимби. Миннэ пузэwэжи миннэ буазилэжи капсасти. Бэйи на ээани хусэгдэни алдамбани тузэсэрэзу-

ми мутэсими упами миннэ пузэwэжи мунзилэ октисти. Тэ ни нутэwэ бэйргахэни хастагги, wаутагги, сисингигэ заwахэни. Тэжи ила мо нутэwэни комбози хулдуми жэрэлхэни. Тэтара тэжи мапа пузэwэни нутэзи октихэни. Мэни писачадуи тахамби бусузи мапа дилиwэни капсахэни. Капсами хотханзи умунзи калтазити хэрэлэхэни. Хэрэлэхэнзи хамаси мапави ичэзухэни. Мапави бичиндулэни чуп уэдэхэни. Хайкидэ холдомби хэрэлуми гэлэизухэни. Мапа хайдуэ кэwэ. Симата оюкини нэйи нэнэм покточуи нэингуннэ. Симата оюкини нэйи поктон кэwэ. Тэтара мапави чуи уэдэхэни. Тэванчи тиниуннэ дэрэwэбэни солонти нэнэхэни. Мэне бэйчи хазумби тулэчули унуwэ солонти тулэхэни, дэнгүрэсэлбэ. Сэйксэуиуннэ мэн аунзати зузухэдуи сэйксэ эрундуннэ мэни хуисэлижи гой гой зэпулэ гучи бэйлэхэни, кэсиwэ гэлэбди. Бэйли хотханзи зэпти зуликини мэне кэси гэмүи гэндулани кэсиwэ гэлэхэни. Тэтахэнзи долбэни ауридуи толчичини; "Чу банха" wэндини инэжи дилиwэни капсахэни мапа. Сэйкэ ээи гороти жадам ээи пулсирэ. Мэни мутэзи зивала дэнгүрэwэ хэни эгди бимдэ чупал дэнгүрэжи тэру. Покточу, покто анаки. Покто анаки тэу осин'даwаг баггизэи сэйпэ поктоwани анэусари. Тэтара дэнгүрэжи тэ тэчуру. Тэтахэнзи мэне тэванчи сэйилаттани. Тахэнзи тимай тэми зэпури зэйпинзи бэйчижи дэнгүрэсэлбэ калтаwани пэналам олбичини. Зулу унанду сэйпэ поктоwани бакахэнзи дэнгүрэwэ тэми дэрүхэни. Покточуки покто анаки дэнгүрэн чупал тэхани. Покто анаки wагбангизэи сэйпэ поктоwани анэуктахэни. Тэванчи эгди эрунду бэйчули пулчиннэ. Хаудэ инэжи хэйлмэзуми умутузи сэйпэwэ дэнгүрэ таундуни заwазуини. Тува бэдуни токинзи тува бэни маннэридуни бэйчум хотхэни. Син'актаwа тучи даудуннэ wахэни. Тэтахэнзи мэни боати исузүхэндуи мэни дэжи сагди гурусэлбэ хэрчиннэ сэйксэ эрундуннэ. Мэни wахамби син'актаwа, нэпултэwэ ичэwэмди. Ичэwэми чупал хотханзи мэни поктоду бэйчиндэми нэиндуннэ ичэхэмби тэлунгуwэ алдуачихэни. Нэн зуликини тэ унты бэйчиндэ чэхэ нэ тэ унду бэйчум чэрилахэнзи илазуми зузуи сэйксэни пузати кэсигэлэхэни зэптилэwэ тавати иwам ходуми тавай токонтас сэйпинзи зймэхэни. Тэтахэнзи тиманан нэни тэ унзи мэнобэни зузухэни. Тэ зузүхэн хамилани сичэу бэйчилэ нэн тэжи унты тэкундуи тэжи унду бэйчубди аунзазуи анэухэни. Аунзаwа анэум хотханзи сэйксэ эрундуннэ кэсигэлэхэни на эээнтиннэ, уннэ эээнтиннэ. Тэтахэнзи тэжи аунзахэни. Долбо ауридуи толчичихэни: зулу нэ тэ унду бэйчихэни бичимбэни.

Уму мапава толчичихани. Ти мапа толчунду алдоачухани хон хон тахамбани, Чорлаханзи илазумы таваи сакпинзи зимэхэмбани. Тижи мапа тимана инэңи нани дэнгүрәвә тэчиндами нэнйдуи поктоду ти зулузи бэйчихэни ходум бэйчихэнзи зузумы аунзахани аунзава бакуиғани мапа алдоачихани. Титаханзи тиманан тимаи илүм нэнйдуи ти аунзати исхэни. Нани ти аунзәва исидуи тава ивачухамба гурүм мапа тэсини. Дилин поро токондулани сакпинзи зимэхү. Мапа маңга пујән дәји. Мапати лаң исуми сородилахати. Сородилами хотханзи мун бэйчилә алдумачини. Мапа, си хаванчи бији эи боати эи аунзаду тәңдэхәси? Хакми маңга пујәвә дилдуи бәхәси? Мапа тиду нәнтини дүвән дүвән тини тахамбани алдоачихани. Алдоачихамби ходи дүэләни мапа мән пујәји капсавами нәмчәхани. Ти бэйчилә горози муручуми кәвә. Булти пујәвәни октуми зөмбухани. Октозуи пурә боаду ханду бакау Даипумба. Мо нүтәвәни баргулхани хаста, ваңта, сиси нүтәвәни запахани, титара ти нүтәсәлбә комбози хулдүхәни. Нүтәсәлбә чупал жүрәзәвәнчини. Титара жүрәлэхәмби нүтәзи мапа дилиғани капсахани. Капсам хотханзи хаңси хәрәлзүхәни. Хаңси хәрәлзүхәнзи мапабани ичәизуми -- мапа кәвә. Хәрәлзүм ичәи -- мапа кәвә. Симата ојокиндә покто кәвә. Ни нәнүхәни. Ти мапава уәдәхәни. Ти толчичихамби чупал мапарсалти, зугдү бичй гурсәлти тәлүнгүчихәни, мапәва толчучуми мапа алаучимбани чу зулу сәпә поктоғани баками дәнгүрәи тәми зөмбөхәмби тағанчи дәнгүрәвә тәчими покточу, поктоанки чупал дәнгүрәвә тәчихәмби. Титаханзи хамәси дәнгүрәи таундулани сәпә чупал гарпаухә. Поктоанакидә покточукида умутузи тучухәти. Нани тән умбә алдандуни сәпәвә тә вахани. Мапарсал тидмук агдахати тәлүңгү тәзәвәни, пуза нини бйәвәни.

Предание. Хозяин огня и охотник

Первым один охотник пошел на охоту на большую реку. Долго шел он вверх по реке, все время охотясь. В разных местах ночуя в шаламе, охотился, но ничего не добыл. Круглую зиму охотился, но ничего не добыл. Ни хорошей, ни малой пушнины не взял. Так весь сезон прошел пустым. В последний вечер в своем шаламе проклял хозяина огня. Перед сном он поел. Когда ел, кинул еду в огонь и помолвился хозяину огня. Закончив молитву, он ударил топором по цен-

ру костра. Сказал: Ты, Пуза, -- пустое вранье! Сказывают -- ты помогаешь охотникам. Теперь я убедился, -- это ложь. Нет хозяина, нет никого. Я круглую зиму охотился, все время прося милости у хозяина огня. Он мне ничем не помог. Поэтому в рассказы о тебе я не верю.

На эту же реку за ним пришел охотиться другой охотник. Пришел он к большому шаламу. В первый вечер достал припасы еды, разжег огонь и по обычаю охотников побросал всю еду в огонь, прося у хозяина огня удачи. Затем угостил едой знакомые места охоты; реку, прося у них удачи. Закончив, лег он спать и видит сон -- Завтра по первой тропе иди, идя, найдешь шалам своего предшественника. Там ты не удивляйся ни чему, не путайся.

Утром он встал, собрал все охотничьи снаряжения и пошел по той тропе. Шел и набрел на шалам, в котором ночевал последний раз первый охотник. Шалам был раскрытый. В этом шаламе у потухшего костра сидел один пожилой человек. Голова его по середине была рассечена топором. Тот старик говорит охотнику: Друг, завяжи мою рану чем-нибудь. Охотник спрашивает: Почему здесь сидишь? Тогда старик пояснил: Я -- Пуза, хозяин огня. Тот человек по этим местам ходил. Застыдился, что охота прошла пусто, перестал верить рассказам о хозяине огня и ударил его топором. Так поступил он, не зная подробности рассказов о хозяине огня. Прося удачи у него, он взял испорченную и свежую еду, смешал их и бросил в огонь. Поэтому он в этом сезоне ничего не добыл. Я же пришел сюда и сижу, чтобы ты завязал мою рану. В моей местности рану мою никто не завяжет. Я не могу договориться с хозяином местности и охотником. Поэтому рану мою никто не будет лечить.

Охотник собрал с ели, кедра и сосны смолы. Смоли трех деревьев подогрел в ковше и смешал. Этим смазал рану старика. Своим материалом, принесенным для заплат одежды, завязал рану на голове старика. Завязал и обернулся в другую сторону. Повернулся к старику, а его нет. Стал он его искать, нигде нет. Если ушел бы, то на снегу оставил бы след. И на снегу никакого человеческого следа. Так потерял старика.

С этого места охотник пошел вверх по реке, так идя, расставлял самострелы. К вечеру он вернулся к себе в шалам. Вечером из своего припаса приготовил разную еду, чтобы помолиться хозяину местности

и просить удачи на охоте. Затем перед едой, соблюдая обычай охотника, стал просить удачи на охоте.

Ночью ему снится — "Очень благодарен, — говорит тот старик, голову которого он завязал днем. — Ты теперь далеко не забирайся, не ходи до усталости. Где-то поблизости расставь все свои самострелы, сколько бы их ни было. Ставь на след и без следа. Нет следа, рукавицей сам изобрази след соболя. Так и расставь самострелы. После унаешь верность моих слов.

Утром охотник поел, захватил половину своих самострелов и пошел их расставлять. У первой же речушки нашел след соболя и поставил самострел. Нет следа, есть след — все равно ставил ловушки, все самострелы расставил. Нет следа — рукавицей изображал след соболя на снегу. С той поры много раз ходил по своей тропе. Каждый день проверял самострелы и в каждом из них находил соболя. В марте пришел и в конце марта закончил охотиться. Добыл он полную нарту шкур. Затем вернулся домой.

Вечером собрал всех своих стариков к себе. Стал он показывать добытую им пушнину и шкуры зверей. Когда закончил показывать пушнину, он подробно рассказал все то, что видел на охоте и как что было. Рассказал он и о первом охотнике, который ничего не добыл. Вечером перед уходом домой тот помолился хозяину огня. Когда закончил сжигать еду, от стыда ударил топором по самому центру костра. Утром отправился домой.

Рассказал он и о том, что после ухода этого охотника он примерно в полдень набрел на его шалаш. Поправил шалаш, вечером помолился хозяину тайги и реки. И там заночевал. Ночью видит он сон — видит одного старика. Старик рассказал — охотник, который первым приходил и за весь сезон не добыл ничего. От стыда он ударил топором по огню. Утром он пошел расставлять самострелы и набрел на шалаш того охотника, в котором он заночевал в последнюю ночь. Увидел там старика, сидящего у потухшего костра. Голова его топором рассечена. У старика большая рана. Подошел он к старику, поздоровался. Поздоровался охотник и спросил: Старик, откуда ты пришел и сидишь в этом шалаше? Почему у тебя на голове такая большая рана? Тогда старик подробно рассказал о том, что с ним случилось. Рассказал и попросил охотника завязать рану. Охотник не стал долго раздумывать. Сразу решил лечить рану. Где найдешь в тайге зна-

харя-лекаря? Стал собирать смолы с деревьев. Собрал с елки, пихты и лиственницы. Все это разогрел в котле и смешал. Смолой намазал рану и завязал. Завязал и обернулся в сторону. Когда он опять обернулся к старику, а старика уже нет. Стал искать его — нету старика. И на снегу нет следа. Он ушел. Так он потерял старика. Рассказал охотник свой сон и старикам и своим домашним, рассказал все о том, как во время сна старик учил расставлять самострелы, как он нашел первый след соболя, поставил самострел. Потом рассказал, как устанавливал самострелы после сна на следу и без следа, как в каждом самостреле находил соболя: без следа и на следу. За один месяц такое большое количество соболя добыл. Только тогда старики поверили в рассказ о хозяине огня — есть хозяин огня.

№ 6

Тэлуңгу 8

Наму ээни мун нэнду ни умуту. Мун нэни намуки угдэзи пулми, эзэмбэ балапти гуру чу дэизи таонди бичити. Эзэмбэ ичэпи, мэн угдэпи хуисэ, хаматанда бин опучани, чупал убулэми н'эли. Титапи горозида, визазида бими хайдудэ кёнава вэри опучани, мун ниду борйни. Кёнава вэри паси-пасизи чэсуни, чупал кёнава чэсуми ходупи, мэнэ ээ зулэси тэузуни. Ти таучани хамикини кёна пэнтумсэни умунзи, умунэи хасапуал ээ пахидулани йрини. Мун ниду убулини пэнтумсэ муэ ојолон коптом дэрэзини. Титапи тува запау хайдэ баита ана осини. Тэлуңгуду ээниэ муну нэи бэчини. Буэ — хусэгдини.

Тијачи ээ мун хусэгдинизи хупин опучани, муну бэичаму гёксавада, даунгаришава нэн зуликени зогболовоси. Балапа тэлуңгуду наму эээмбэни ичэухэ. Уму сагдини наму киракени дуэрэми сиксэ ичэхэни. Тава насинкэчи ишамбуха. Гороло носо тава пудэндини. Ти тава запкини хэралуми н'ауза — н'ауза гурсэл лохонэи мэндоло хомочомари хупити. Муэ кирадунэи ээ зукпумбэни нэти туамбуха, зуамба би зукпү. Тижа ичэзэми, сагдини илэум тавадэ дэнэхэни. Тиду ти гурсэл мапаша ичэмэри, чупалванси мубэни тутулаухэти. Тутулаумэр мэнэ-мэне зукпунтири йэумэри, намува таисинака агдэмачи мулэ тисазухати. Чупал тисазухани хамилани умү ээ дэрэзи-

хэни. Таисиди тисазуаси, нэбанда хэкуаси. Ти мапа ти тава кира-
тини дэчиндун тавати кирадун ум лохомбо бакахани. Дох - вэми
лохб, муэчу лохб, наму ээан лохони. Ти лохомбо мапани запахан-
зи ти талэила муэду би эээнти кэси гэлэхэни. Мэнэ бэжэдуи хаи-
канда бичимбэни калтагани эээнти н'алахани. Эи лохонти мини кэ-
сији очини. Ойла - мэнэ гои эээндули гоиwa бакилаттани. Ээйдэ
тагдара! Титаханзини хэнида бими эээ зэсилби хамигини таиси ти-
сазухани. Ти мапа тапан'чи на амбанзини бачиндазухани. Мапа ба-
ланги н'алауа сусти аунзаандазухани. Аунзаханзи тиманани тимаи
унуэ даузуми нэнуини. Ти унуэ даузуидун уни дерэнзини сэлэм
гэжи аухэни. Зума мапа дилилани чавакалахани. Чавакалаханзи ма-
пава уиси дэгдэми тобгуини. Тиду мапа лохонзи тижи гэйwa зймэ-
хэни. Сэлэми гэжи паси-паси оми нэти тухэни. Титара мапа мэни
боатижи нэнухэни. Мэндуну горону, зизану бичини. Гучи ум бэду
алду очини. Н'алауа эээ амбани аунзиниwэ манини: Мапа ти ал-
дува долтаханзи ти боати нэгэхэн. Сиксэзуини ти эээwэ исхэни.
Ээжэти ими сороди wэнчини. Ээжэ малтини нижи заралхани сороди
wэндини. Гучи мапа wэндини: Эдэдэ, пактики! Малбани гучи зарали-
ни: Эдэдэ, пактики! Мапа гучи wэндини: Хэй нини бими мини хаи-
вала wэндиwэжи чупал амдижэ? Гучи мапа хон wэнчимбэни чупал
малбани амдини. Мапа тамсу дуэдуни тэхэни. Тэми дапи падуи аг-
бумбуми падули даизи монэима дапиwa даити тэучихэни. Титаханэи
чиунэй чиундэхэни. Чиумби тавазини дажи таухани. Мапа хэнида
тигани малти чупал амдини. Чиундин чиунди, дажи хуэти гупэлини,
гупэли. Хон тини, хон ти. Тижи ээжэ долон-ээжэ амбани. Тапан'чи
мапа илзуини. Илзуидуну никинизини ни нэлани тэтэуwэни хэрэк-
тэзини камур сэлэмэ нэла запахани. Тува мапа хаис муэчу лохонзи
зймэхэни. Зуэ нэлаwа сийликини лохон'зи чалахани. Титара мапа
никинду жи сэлэм нэла запахамбани чалахамби тэпэм мэн гасанти
гэзухани. Мэн гасандун би гурсэлбэ сэлэм нэлаwа чэлэхэи никиндун
запахамбани ачуанчини. Эгдини бэлэчимэри энзэви, сивэлзи, палау-
зи дэрэсундулэ нээчипэри сивалдамари ачухати. Тува гэрэни ичэб-
дэни н'и эгдини пулсин поктоду локохоти ээжэ амбан нэлаwани.
Тапан'чи ээжэ амбанда кэwэ очуха. Уни амбанбани wаwоха. Тапан'-
чи эwэси ни хорэхани.

Предание. Хозяин моря

Хозяин моря - касатка - такой же человек, как мы⁹. Плавая
по морю на лодке, мы, старые нани, очень почитали хозяина моря.
Если приходилось увидеть хозяина моря, все содержимое делили
поровну, бросали половину хозяину моря. Долго ли, коротко ли
охотясь на море, убьет он кита и выделяет нам долю. Кита режет
на куски. Разрезав всего кита на куски, соберет их перед собой.
Эти куски по одному один за другим входят в нутро хозяина моря.
Если он выделяет долю нам, то куски китового мяса всплывают на
поверхность воды. Их можно взять: в этом ничего плохого нет.
Говорят, что это хозяин моря приветствует нас. Мы же - охотники.

Если хозяин моря станет заигрывать с охотниками во время охо-
ты, то нельзя тлениа или сивуча раньше его загарпунить, или за-
колоть острогой.

Сказывают - давным давно видели хозяина моря. Один старик ве-
чером шел по берегу и увидел - горит костер. Далеко виден его
свет. Вокруг этого костра молодые парни состязаются меж собой
мечами. Он видит - у берега маску хозяина моря и еще с десятком
других масок. Увидев это, старик решил пойти знакомиться. Они
увидели старика, побежали к берегу. Надев свои маски, шумно по-
плыли в море. Когда все ушли в глубину, у берега остался лишь
один хозяин моря. Не идет он в глубину и к берегу не идет. Ста-
рик подошел к костру и нашел у огня меч. Меч как меч, но чудес-
ный фехтовальный меч. Это был меч хозяина моря. Взял он этот
меч и стал молиться хозяину моря, который все еще был у берега.
Ровно половину того, что было у него, старик отдал хозяину моря.
"Пусть этот меч станет мечом счастья для меня. Ты же себе най-
дешь другой, получишь от своего повелителя. Не сердись на меня".
Побыл хозяин моря у берега и уплыл к своим.

После этого старик повстречался с земным чертом. Старик ходил
ночевать в давно заброшенное селение. Заночевал, а утром едет
по реке. Когда он ехал, с берега железная ворона налетела на не-
го. Налетела и схватила его за голову. Схватила и стала с ним
подниматься вверх. И тогда старик взмахнул мечом. Железная воро-
на, рассыпаясь на куски, упала на землю. Затем старик вернулся
к себе домой.

Прошло много ли, мало ли времени — прошел слух, что в одном заброшенном доме завелся черт и уничтожает людей, которые осмеливаются там ночевать. Старик услышал эту весть и пошел туда. Вечером приходит к этому дому. Вошел в дом и говорит: Здравствуйте! С угла дома голос человека отвечает: Здравствуйте! Затем старик сказал: Ох и темно! С угла опять отвечает: Ох и темно! Старик спрашивает: Кто ты такой, что вторись моим словам? Дальше что ни скажет старик, с угла голос все повторяет. Сел старик у края кана. Сел, достал свою трубку и свой большой кисет. Закрутил толстую закрутку табака и начал ее трубку. Раскурил, стал курить. Что ни делает старик, черт повторяет все его движения. Выбивает кремнем огонь, и черт выбивает. Выбил из трубки огарок табака, и черт то же самое делает. Это — домовый черт. Затем старик поднялся. Когда он встал, в его спину вцепились железные руки, раздирая ее вместе с кожей тела и одеждой. Взмахнул мечом старик и зарубил его. И руки эти отрезал мечом. Вместе с отрубленными руками на спине пришел в стойбище. Созвал он односельчан и попросил снять железные руки со спины. Кто щипцами, кто криком, кто молотком отбивая на наковальне, кто клином выбивая сняли руки со спины. Чтобы все видели, повесили руки черта у самой бойкой дороги. С той поры исчез домовый черт. И речного черта он убил. С той поры люди избавились от них.

№ 7

Нигма. Waca 10

Ум мапази, ум мамази балтахани ум хурэ алдандуни. Хэзилэни — хонко, солилани — хонко. Горо бичи, зиза бичи. Ти бимердиэ мама зомбоин: Мапа, энэнэ, н'едумамси! Адулкамбада хакида тулэндэм-дэ ажагун. Мапа даңсулхэни тулэгдэмби багбази, хорзауји, сумпумби запами тучудуи тэучуми адулиwa тулэндэми, мангубани тучи ирчухэни. Солу хонко талзилани адулији зуwэwэ дучуми тулэхэни. Тимби аухэнзи сиксэ хотхани. Хотханзи токохани. Тауан'чи хасумба аунзахани. Мапача адулба тулэхэмдэ оубохо. Горози, зизази бичитну. Мамача збнзухани: Мапачатэма, си хэлну, хэлну адулwa тулэндэхэмэчи тахас бискэ. Мапача тидумук збн'зунни: Тэээ-э, тэээ, мамача, би адулwa тулэндэхэмтуни. Тимана тимби збнзусари, мамача! Ти олчүрүнчизари ти акпанчиги, тиманан тимби

бэлэ мапача адулмами зухэни. Мапача адулби сымбэни дучуми дук-тулхуни. Си зуwэwэни ачум ходини — гусан пёкур-пёкур сугдата сёнчуасини. Мапача умунзи симбэ бун'урум сила-сила хотха. Титами сумпум бун'урумими уими хотха. Титами далагунзи гусажи тоанчини. Гусажи тоанзидуни адултини дажи сугдата сёнчуасини. Мапача бун'урэси: Бун'урум, бун'урум. Мапача Wэндини: Ази, гузэлэсу! Кумду, гузэлэсу! Ти Wэми адулби туандини. Адулwa туанзидуни сёнчуасини маса. Ти каурчамачими тоандини. Сугдатаwa агбумбуичами wаичани. wаичидуни сугдата агбундини орундуни ум wаса агбунчини. Ти адулду сугдата сёнчуачини, сугдатан кэwэ очуха. Сугдата орундуни Wасаwa Wахани. Wасаwa запами адулби мапача тэпэм н'алара, Wасакамба запазуми ти зугбэн токуха. Титами зокти йзухэ. Зокти йзуми мамачати мапача wэндини: Мамача, пиктэзуэри бахаму гасава. Мамача хэрэлими мапачабани ичэхэни. Мапачамэ, зэлэмбэни ичэу: амба гаса н'и пиктэн хон оси? Баи зэлэчиси. Мамача тагдаха. Титара тэси хэрэлзухэ. Мапача асангуи мали накантини нэңдэзухэни. Ти таханзи горози, зизази бичитину. Ти бидуэри мапача тимби, инэу, сиксэ зэпти эрундуи Wасангути мэн зэптили убулэм бурини. Горо бичитну, зиза бичитну. Ум инэу Wаса мэн зилганзи хэрчини: Коёсс, коёсс. коёсс! Мапача мамачати wэндини: Мамача, пиктэи wэндиwэни утлитну? Мапача, си зэлэнтимэ дайилани. Гаса-аса хэсэwэни мимбикучи хаила зомбум утулуwэнчэми зомбуискэ! Ти ау бин осинкэ муңу пиктэм Wаса wэндэскэ: Ама, эн'э, мини wэндиwэжи дөдлуксу. Бикэ асзуи муручији. Эи солила эргэ чауха биру бини. Тији бируду эзэн мапача балди. Ти мапача пиктэн пузи патала бини. Ама, тији пузумбэ паниңдами нэнэру мини асзуаји. Ти wэндэскэ. Мама тидумэки wэндини: Мапача, зэлэнтимэли. Гаса хаила зомбум нэзи, пузинзи асличами Wэндинкэ. Мамачази, мапачази сиксим wалчамачихати. wалчамачимари ти сиксэзуилэни аунзахати. Зэлани тиман тэмэри мапача нэнэбди дэнсулхэ. Пондокомби науктази нэйзухани. Зауамби, каији тэтузухэни, Wагбаңгији тэтузуми ти бати нэми тоји Wаиси ужал покототи умй солинака пулмэнчини. Ужал поктоки солинака горо пулмэнчину, зиза пулмэнчину, Сиксэнзилэ эргэн чауха бирути мапача исхэни. Эргэ чауха биру эзэн тожикини мапача токини. Томи эзэ хан хагдунтини учэни запам йхэни. Хагдунтини йми ичйни: пуску накандуни

мапача, мамача бйни. Мунгу мапача зуэ таҭа алдантини йми Ҳэндини: "Сородиэ, анда мапа! Тиду биру эээн мапача мунгу мапаҭа ичйни. Ичэ-ми ачапти заралзухани: Сородиэ, мапача! Энеҭе, амба мапа, эи туэри эрундунни амба хонди боаду хэсэ анала хэрэлисну? Ти зу эээн, мапа Ҳэндидунни мунгу мапача мали хуэдуни тэхэни. Тиду ханси зу эээн мапача хэсэи эчэл ходини. Тургу анала тутурэ, хэсэ ана хэрэли тйснү? Мунгу мапача ачапти заралзухани: Хэсэ анала хэрэли, тургу анала тутуи бйсимби. Биру эээн мапача кэкәңгуи хәрчухәни. Кәкәти Ҳэндини: Андаха мапачани јадаха, тургәнзи зәбдәни бұруксу! Кәкәсәл дәрәвә нәрини нәри, зәпури бәлиҭухәмбә йрини ири. Дәрә зәпуҭә нәмәри хотха. Мапача мунгу мапаҭа хәрсини: Анда ма-па, дәрәбәни тәңдәзуру. Амба горо боази дими зәмузи маңгаламди тачастани. Мунгу мапача дәрәти тәңдәми хәмдәи дбзини дәји гәума хбҭа туами дәрәду нәрини. Титами гучи котуҭа, талимба хәмдәзизи агбумбухани. Титами биру эээн мапачати Ҳэндини: Анда эзә, мапа, чән дәрәти лаң тәру. Мйни н'этисидуҭи гәсә тәчису. Зу эээн ма-пача дәрә зақпадуни питам тәхәни. Мунгу мапача хбли котити зу-дузи хуәлхәмби аракуҭа чәктәрирә, мәнә умхәни. Зә хуәлзухәмби биру эээн мапачаду бұхәни. Биру эээн мапача копн заҭами чәктәр-хәни. Титами умичи зулиләни мапачати Ҳэндини: Эи котуҭаси хон-ти умуу, хэсә ана, тургу ана бйси. Тиду мунгу мапача Ҳэндини: Тургунчу, хэсәчу бйдә, умуту умиси ајагүни. Уму коти умхәндә, муруәмби Ҳәндәҭәснү? Титаханзи биру эээн мапача коти копн умхә-ни. Титаханзи котуҭа мәңдә хамаси бұзухәни. Мунгу мапача коти ачузухани. Талимба тапситҭа сйрхәни. Гучи биру эээн мапачаду бұхәни. Бүридуи Ҳэндини: Анда мапа, ларги осилам эзилә нәләрә. Мйни гучи бұриҭи тали тагдаукта ойсй. Аја умуру. Биру эээн мапача талимба заҭаханзи Ҳэндини: Анда мапача, талиндуласи та-мам мутәҭәину? Титаханзи талимба чупал умхәни. Талимба хамаси бұзухәни. Мунгу мапача талимби заҭазуми, коти нәкухә талинти. Титами гучи котити аракуңгули сйрхәни. Титами мамачаду бұхәни. Мамача мапача котуҭани заҭами Ҳэндини: Хайуниҭҭа аракуҭани умуҭәнчискә? Мунгу мапача Ҳэндини: Аја, мамача, котуҭаҭи ум-хәнәи мурумби ҭәдәсти. Аја, уму! Мамача котуҭа чупал умхә. Ти-тиханзи зұ мапача коти аракуҭани умити. Мунгу мапача Ҳэндини: Анда мапа, бйкә сини бәҭәтиси дичимби. Бйкә оркинда хуә хаха-ви пиктәчуҭи. Пиктәҭи сини паталә пузи пиктәҭәси мән асууи па-

ниндаҭаҭачини. Титаҭами зұ эээн мапа: Бй хонти Ҳәнзиләмкә? Симби гузәләми тихалаучаҭи, пузй пиктәи тихаласи опучани, хонти тау? Бйҭи нәни бәҭәҭәни хәрчитә. Тихалау бйни әдлилә, тихалаҭаси опу-чани, кас тилама. Титами кәкәҭә гилтазини: Кәкә, эээн хәриңдәу. Кәкә илуми бәти дуктумсук н'әхәни. Чбнкозити хәрәлми дуисинәкә тбкини. Дәји хагдұ дуиләни нұчи хагдун бйни. Кәкә нұчи хагдунти тбми учәдун заҭам йхәни. Йми пуску нақандунни Пузин дуиси урпини. Кәкә йридуни зәунәи муирәи оҭокини кәкәҭә ичйни. Кәкә јадам ди-чини. Дәизи хәмдәи порәгзини әрсини. Кәкә Ҳэндини: Әкәнә, Бкәнә, симби амти хәрсини. Улә урпучә урпидә, бәҭи кытам дапу. Пузи кә-кә аңмаланҭаки Ҳэндини: Хай осини, кйҭәзи сиксә хәрпу очинкә? Титами кәкә әузухәни. Збкти йзуми эээн зулитини илиндәзуми ал-дуачини: Эзә, эзә, Әкәнә алә зурини. Кәкә тәңдәзуини, чбнкозити Пузин сбсини тйни. Пузин әуми, амби учәдуни заҭами йрини. Йми, амби зулитини дичини. Ама, хай осини, сиксә кйҭәзи хәрсинкә? Ма-пача заралзухани: Ам, Пузи, Пиктәҭи, тургу анала, хэсә анала хәр-сисимби. Симби әктәду упам эи андаха мапани хуә пиктәи асууани симби паниндахани. Тихалау опучани, тихали хэсәи Ҳәну. Тахала-ҭаси опучанда Ҳәндә. Титами ти Пузи паланти тигдунзи типунчини. Ама, сиҭи уи мәҭи хунауливан хасам аракуҭа умиснү? Бйҭи хонти әдләңдәукә, бйи ҭаса гасәзи, бй хонти әдләңдәҭәнчиоңу? Хәмә эи мапаҭа тес нақсумари пуңнәзурә ходуксу! Мапа тагдахан. Тагдами дәҭизйи мураини: Дәји дарпу, әҭәси зизу! Эи мапаҭа нақоум боати н'әуәу! Мапаҭа дәји дарпу заҭами боати ирчум н'әҭузухәни. Дили-ҭәни мбәи дуксум калталхани. Дилжини сбксә хәҭәми тәтуәни оҭо-кин сбксә сингунчини. Долбони тес пулмәнзуми мәнти нбхүнә ги-ҭанидуни исзухәни. Мамача хәли боати нхәхәнәи сиргә дуәдуни бәг-дий оҭолани тбсини. Мутзән чупал чәгзәнзи сән'әхәни. Мапаңгуи зизуиҭән ичезини, мапаңгун сбгзә тәтуәҭә оҭоло тәчини. Әнәҭи, — мамача муручини, — хонтам мйни мапачаңгоҭи сбгзән хуктуҭә тәту-ҭәмбухәкә? Лаң мапача мәнти зизухәндунни уләнә ичйни мапа чаңгуҭи сбгзә хуктуҭә тәчим упам ичәхәмби хукту ббси очухан. Сбксә тәтуә оҭокини сәңгәләкпини, сингунчини. Титами мамача мапаңгуи гаҭаҭун-чини. Мапача, хбн бйкә мйни Ҳәнчимби зәләктиси дәји. Гасәҭа сә-хани хон әдләчәбди әдлйкә? Әслә зәләктәхәмби сәзүаттани. Пал-мачимари мамача зулу мапача хамуру зокти исзухәңзи мапача таҭаҭи тақум уләнә иҭанзуха. Мапача тәтуи ачузухани. Титаханзи мамачаң-

гуни сэгтэлэхи тэгүгэни умбучурэ силчүзүхэни. Таванчи горози, визази бичитну, хойика бичитну, гучи уму сиксэни васа гучи хэр-сини: Койсс, койсс, койсс! Титами мапача мамачагуги муирэлэни запами туанчини: Мамача, пиктэи вэндиэни утлитну? Мапачатама, ээки зэлэчүми эчөл ходисну? Гучи хаиwaда исункус биле. Дудуи хэмэ ходузуру. Тиду мамача вэндини: Мамача, сижи хаиwa ээки вал-чискэ. Мини зэлэмбэжи ои бэжэи хаи боакени хасачиткэ? Пиктэму гучи вэндини: Симби наксуха биру солилани гучи эргэ чауха биру балдини. Тидал гучи симби наксинну? Тидудэ биру эзэн мапача, ма-мача балдини, пүзин пиктэчу. Тидэлкучи симби наксинну? Аја, нэ нэнэу. Ээй мэнда! Мамача тимана тимаи бала тэру. Пондокомбоја нэнэу. Зэлэм бимбу, тэээ бими. Си наксумба бакис бйси. Наксумба бакау опучани, мимби наксилалма. Ти акпанчизире тиманан тимаи тэзүхэн-зи нэнэури мамача дэсхэни. Мапангуи пондокомбони наизуха, ваг-бангини божжанипи сачузухани. Мапача баргагазүзүми ти нэнэлүхэ-ни. Инэу токомбони исйдүни мэйи наксуха бирууэ сйхэни. Сйун ээк ти солилани би бируэ исхэни. Нижи сиңпатули ходини исхэни. Эзэ хан хагдунтини мунгу мапача ихэни. Хаиси эзэн мапача, мамача, хагдумба хэралуи кэкэ, элчу, дэжи дарпу бити. Йми зуэ тэжа ал-дантини нэнэми мунгу мапа зуэ ээнтини заралхани: Сородиэ, мапа, мамача! Зуэ эзэн мапача заралзухани: Сородиэ, мапа! Сагди мапана-зухам дуэлэни амба туэри нуңди эрунудун пулсиси? Мали накандүни мапа тэхэни. Гучи алдумасими хаигулэ хаигулэ нэнэм тискэ? Соли нэнисну, хаикэ нэнисну? Хаитида нэнэу осинда, мэнэ алдува алдуа-чу. Мунгу мапача алдуачини: Би эи хэзилэ одончура бнзондүни, хэ-хэрэ хэвөндүни, хаста халиндүни, хэчуэс хэжэ пэрэгдүни. Мамачаг-гузире ум хүсэ хаха пиктэзире балдипу. Ни нигэмбури сараси, нижи гасан алдамбани сараси балдипу. Титам нижи гасан алдамбани горон, визан саксун пулсйжи. Титами зу эзэн мапача кэкэңгусэлти вэнди-ни: Андаха мапачани улэнзи зэчувөнуксу! Кэкэсэли дэрэжэ нэрини нэри, зэчууэ нэрини нэри. Зү эзэн мапача мамачагуги вэндини: Мамача балана збгэбха зогзоноwa ум хбду агбумбуру! Мамачагуги хоргой дозизини гёума хова агбумбуини. Агбумбуми мапачагугуи талй, коти, хова бурини. Тиду зу эзэн мапача мунгу мапачаwa ара-кизи андахачудухани. Мапа хбвани чупал умхэти. Мунгу мапача хэм-дэи дбзизини гёума хова, коти, талимба агбумбухани. Титами зу эзэни мапачаwa ачамбузухани. Зуду котуwa уму-уму коп умхэти. Ти-

тами мунгу мапача зу эзэн мапачати вэндини: Бижи тургу ана, хэ-сэ ана синти аунзаандахамби бйсини. Тургунчуји, ларгинчуји, Бйкэ пиктэи гилтазигани тами дичимби синти. Сйни Пузын пиктэвэси па-ниндахамби. Тихалешварда тихаласиварда улэнз токонтас заралзу. Мимби соңгом эзи мумчузүэгдэ. Тиду биру эзэн мапа дили пэйси тугбухэни. Хэрэ муручүми, заралзухани: Бижи хон симби гузалэм муручидэ, хонти wэми мутэу. Мини тихалаучаи пиктэи тихаласин опучани баи пулэ иламули осй. Ти ангалани нэн бэжэвэни хэрсирэ, алдумачи улэңгуи нан мурундүни билэмэ тихалау осинда тихалажи вэнзилэ. Тихаласимби опучанда тихаласимби вэнзилэ. Титами кэкэ-wэ хэрчини: Кэкэ, тургэн экэнэжи хэриңдэу. Ама, кйжэз ходонэ хэрсини эндэу. Хаиwaда дэңсидэ баң нэлару. Титами кэкэ луктум-сук тутуми нигэхэни. Чоңкозики хблүми тбкини, дуилэ би нүчи хаг-дунти. Нүчи дуилэ би хагдунти кэкэ исми учэлэни запам йхэни. Пу-зй пуску накандүни дуиси ихэрэчини. Титами кэкэ йридүни пүзй зэ-унзи муирэи ојокини ичэхэни. Кэкэ жадахан маңга, Ачанзи хэмдэи пэрэгсини Брсини. Кэкэ нэн зулитини зими вэндини: Экэнэ, экэнэ, амти хбдонзи, кйжэзи эуру, эуру! Хаиwaда дэңсидэ, баң нэлау. Кэ-кэ, хаи осини ходонэи кйжази ама мимби хэрсинкэ? "Би халда сэйи-ламка". Кэкэ збкти йзүми эзэм зулитини зизум алдоачини: Экэнэ алэ тургэнэ эури. Амини мапа кэкэти вэндини: Горо бёсинну? Тур-гэнэкэ эуринну?"Тургэнэ эури". Кэкэ хэрэлзүми мэнэи калтазити тэңдэзүхэни. Ти эринду чоңкозики сёсинтини. Ачи, күңгэ сёсини тйни. Учэки йриwэн мунгу мапача ичйни - Сбсүмэ намбани наксуwан-чи пүзинзилэ эи пүзй горо улэ. Ти дими пуску хуэ дуэлүни тэхэни. Титами амти вэндини: Ама, хаи осини, мимбиэ кйжази, ходбнзи хэр-сискэ? Ам, би симби тургун анала, хэсэ анала хэрсисимби. Мани му-румби ама вэндидүни тоңдо мо токонтас заралзусари. Ама дэрэбэ-ни эзи иламулила. Ама симби нйкэ ёктэду упам паниндахани тижи мапа хүсэ пиктэдуи асини обдаси. Пузин пиктэни амби аңмалани хамаси заралзухани: Ама, хонти муручим минти алдумасискэ. Тиха-ласимби вэнди опучани мимби эндэ нйду бүрэ тисину? Ама, бижи симби гузалэсижи. Сйни муру нуңду тихалами буриси опучани нуи-тидэ нэнлэмтэни. Нйгэ би сйгэум утулсисимби. Би кэси анаи. Ама тэээ тијачи би опучани эи мапача минбэни аунзаандахансари. Мини тбкбчаји тбгбансари. Титами илзүми нёзүини. Пузи нёзүхэн хамилла-

[illegible]

Мамача муруччини: Хаши горооги аухэмкэ, һэхүне инэдэлэ. Титам ма-
мача соџсоп тэхэни. Тэхэнзи утай лэмүлэми боати н'эхэни. Боати
н'эми боала пактул долбо. Мамача н'эпэчихэнзи хамаси зокти йэуи-
дуи ичйни хагдун дони хайси умуту инэңи. Хайлада һэгээ очимбани
мамача таһгазахани. Таханзи улэнз вуји довани хэрэлүи ичйтэхэни.
Малиду би васава ичичэхэни васа бичиндуни васа кэвэ. Ти орун-
дуни үмү н'ауза мэргэ аурини. Топоромби дуэлэни васама зуптумби
очучинини. Пултаи куэмби пезетини хаварманчинини. Мэргэ туңгэнду-
лэни азандини бэ бэлтандини үмүтү. Мэнэ тирэптумби дуэтини тэн-
дэзүхэн. Тэндэзүми мапачаңгуи дблэ-дблэ анум сэрүчихэни. Мапача
сэнини. Мапача сэнидуни мамачаңгуни сэнтини вэндини: Мапача, ма-
либани ичэру! Улэнзи ичэу! Мапача дили зурум малбани ичэхэни. Ма-
мача мапачати вэндини: Мапа би пиктэи зуптумбэни запита. Мапача:
мүтэу осини запау. Мамача илүми малбани һүнэхэни. Мали хуэтини
тбичами запидуни мэргэнэйлэ ауханзи мэпи хэрэмбуми туңгэм хавар-
манчимби дасзүми гакси калтазити хэрэлзүхэни. Эси һэгээ бичинзи
ихэрэвэ гуэпүхэмэчи очухани – пактули. Мамача таһгазахани. Хбни
би мэргэдүлэ һэгээ бичинзи нэни туңгэм дасзузун гэсэ, пактул
очухани? Мамача таванчи хамаси мапачаңгути хуэки тэмэлүми мучу-
зүхэни. Титаханзи мапачаңгути тбкум полта дбтини йзүхэ. Мапачаң-
гути вэндини: Мапача, хбни би пиктэзүэри бэхам? Пиктэму туңгэни
сиун эмуту. Бэ бэлтандини умуту. Мапача тиду вэндини: Эи мамача-
ма дэмэсэңгэси амбам бахаси умуту. Н'йвэ аушамда ашандаси. Мама-
ча хэмэ ашанзүхэни. Горо аоханну, эшэ аоханну? Гиша гишанаха-
ни. Гиша гишанахандуни мамача, мапач. тэхэти. Мамача хайс зулэ-
си боати н'эхэни. Бэти н'эми соли, хэи мэн хагдүмби бйни запна-
кини ичйни. Соли ичини – соли хоңкоти зэк н'и хагдуни. Саңнан
пунам агбундини. Хэжи ичиндэ – хэзи хоңкоти мэндэсу ни гасан
очини. Дуиси ичиндэ – хурэ тикэтини ни гасан очини. Наку, иха,
орги залзан чайки тйни. Мамача пэскэпсули ичэхэни. Мэнэ муручу-
ми утулисини. Эмкэ билуи хайдэ кэвэ бичи. Тэң уму нэти хагдуни
мэлкэ бичи. Зокти йзүхэндүи мапачаңгути вэндини: Мапача, боати
тургэн н'эру. Боала муну бйпу хотб чауха дблони счохалу. Мапача
мапачаңгуи госулини: Эи мамача хайм амбам бэхаси? Хэмэдэ биwэ-
си? Синти заралүми азапсули. Ти эринду малду би васама пиктэти
тэхэни. Мэргэ тэридуни зу дони улэнз, һэгээ очини. Мамача зүји
дони һэгээ осидуни зуји довани ичйни: Зум дон халасин һэмци.

Хондорин сичэунэи хондорлаоха. Сактамбани сичэунэи хагдумба хэрэлуи сакталазуха. Хагдун дони тисэ акпандини зуликини бичи, аси тимаи тэзуми гои хаг ун дōлони тэзүхэни. Хōндо муручуми мамача пэскам элини. Тиду мэргэнтүни тимаи тэхэнэи чупал баргазум хотхани. Зөүүри зөүү эринду мамача хайвадэ дэүсуми кэвэ. Мамача ичээзини: Хорго үчэни мөнэ нийтини. Хорго үчэни нийтиэини гэсэ хаматанда зөүлүтэвэ бэйлүхэ пили дōлони пукаули согдунди. Хулдунзи сугбундини, гитули сугбу ана. Мөнэ-мөнэ хачи зөүлүтэ малибани үнэйни. Мамача, мамача зулитини дэрэ мөнэ дичини. Дэрэ ојотини зөүү мөнэ дичини. Хонанзи хоналау – хонэ кичом, салбузи салбулау – салбу кичом. Мэргэ зөкпини, мамачази, мамачазида зэмэри хотха. Дэрэсэл, зөүлүхэ чамсал мөнэ мөнэ битири үнүхэ. Мэргэнзилэ мамачати вэндини: Ама, би эси асији үнэзуми үнэји. Мамача пиктэти вэндини: Ам, ајагуни. Улэ иңдасалба пулэзи халим ајагуни. Хаддуда мби иңдаду байлуандати. Мэргэнзилэ амти вэндини: Ама, мимби эси гасара. Хони би манга иңдасалда аја. Таванчи баргазуми бати нэхэни. Кэкэ, элчу мэргэ үнэин иңдавани чупал уинэкузи зузүхэти. Тучиүэни тугбумэри нускувэн гулдэхэти. Нускувэ гулдэмэри нōромди иңдава запамари халиахати. Нōромди иңдави запамар халати халиахати. Тучудун дэји тōксо нантазини тэүлэүэнчити. Араки уму саңсава тучидун тэүчихэти. Мамача, мамача пиктэүэри үнэиүэни сусучиңдэм нэхэти. Мэргэнзилэ тучудуи тэзуми дэмби тилтилизуидуи гакси кауринзи анэи үлэзи каурилахани. Зэунэи үлэзи дэмби тилтилхэни. Титам иңдаи пуңнэхэни: Тэ, тэ! Мэргэнзилэ тōји үаисинака сүји умутузи зүхэни. Ујал покототи үми солинака иңда пуктуни. Сүји дōлон үнэхэни. Таванчи горо, зиза мунгу мэргэнзилэ сүји дōлони солинака үнэхэни. Амбани наксуха биру хэзи хонқовани холхани. Хонқо холум соли үнэидуни эзэ хан тојикини уму пузи муэвэ муэлэми зүричи. Нуктэи чупал сигдубуи гуралхэни. Гакси силчэи сөм уилэни покунчини, гакси силчэи нэптэку зүхэни. Сй пōрундуни пузи мэргэ сйриүэни ичэээми илчини. Мэргэ мби сиридуни пузи мэргэнти пулэхани: Анда мэргэ, хэчуру! баң хэчуру! Хэчүэси осинда, баң туруру! Мэргэнзилэ пузи муриүанда дōлдинну, кэвэну, зү кауринзи хуцуми иңдаи пуңнэхэни. Ти пувинзилэ ичээини мэргэнтүлэ муриүани долтаханну, кэвэну. Иңдави хуцүгдэ блочигдэ сйхэни. зэјэјэ сйхэни. Пузи сй порундуни мэргэ соли хонқова кэүрэгдэ хōлитини, ичэээм илчини. Мэргэ чимчам

хōлханзини пузи муэвэ тогбузумдэ кэвэнэи гэү мфлуји тōгбузум тōкухани. Ти мэргэнзилэ инэү токомбони ојун сйрини мэн аси бирутини исхэни. Мэргэ тојити исиңдини бирүэ соли, хэји тулики кэкэ, элчу тутупучулүхэти: "Ауси эгэвэ үнэчам дичини!" Мэргэ тōи-ки тōридуни ачамбумари нōромди иңдала запамари чонқојики элээм тōгбохати. Титамари иңдавани халаси нй халаси. Ауси өүзэн ојо-вони сакса хонго хонгохомбони, саксанахамбани гупи нй гупи. Тучүвэн уиси зүрини зүри. Араки саңсавани зокти йүзүи нй йүзүи. Итоава йүзүи нй йүзүи. Аусуари ходи дуэлэни, таји, эји үлэ-ни запамари пузи зоктини элэхэти. Пузи зоктини аусува йүүхэти. Пузинзилэ эдиүэтуи мэргэ йридуни зүэ тава алдандуни эди ачанчини. Ачанчинэи пуску токондуни тэвэндини. Тэвэнчинэи даргоам дайдуи хотб даңиүвани коули гутдаланзини контуруми контури, тавала таохани. Таоханэи даргоам дайва мэргэнти ирахани. Мэргэ даргоам дайва запами умулүхэни. Ти зүрүндү гасамба улэ-улэ гурүсэлбэ хэрчүхэти. Мамача дэји хагдумбани тапсигда нй дичити. Чупал хэрчүхэ гүрсэл дичиндуни, мунгу мэргэн эдэкэм зоктини зүзүхэни. Эдэкэнти йзүхэнэи нйүэ чупал накаңки тэвэнчини. Пускузи эн'үэн киразини хагдумба хэрэлуи ваузи, дуузи нйүэ тэвэнчини. Нйүэ чупал тэвэм хотханэи ајамба мэргэ ан'алахани. Титаханэи алха чэмэи аракива алха чэмти хуэлуми андахасалба умүэнчини. Алха чэми алдахсини уму чэми умуми соктохони. Мангактани зуэли, ила, дун чэми умуми соктохони. Хагдумба тапсигдэ ихэн н'йүэ чупал соктованчини. Н'й соктованчинэи хотханэи мамача, пузи, мэргэнэи дун нй ум дэрэду тэзүхэти. Ходи хэсэвэ араки умхэти. Мамача, мамача соктохони. Пузи амби, энби соктохомбони үлэнэ акпамбанчини. Титаханэири мэн хагдунтири мэргэнэи зүэни токухати. Эсигдэ аси эдизи зүэрукэ саолмачихати. Саулмачиханэири хотханэири долбо акпанчити.

Мэргэнзилэ зуэлбэ аунзам хотб даунтини хэм улэ гүрсэлбэни соктокончуванчини. Зуэлбэ аунзаханэи аси мйрэмбузуми газуин. Иңдаи нускути хализүхани. Тучи сзүрэзи јаоталахани. Јаота дōлони пузимбэ тэзүэнчини. Тучудуи пузи олбувани порондула тэүчүзүхэни. Сусүэчи гүрсэлбэ хаиси мунгу чупал ачауңзуми соктованчини. Титаханэи тучити мунгу мэргэнзилэ үзуми дэмби тилтилзүхэни. Дэмби тилтүлүми иңдаи пуңнэхүхэни. Сүји умутузи ујал покототи үзүхэни. Ујал поктова хэјинэкэ тиддазүхани. Сүји долони үнүхэти. Ти үнүмэриэ, мамача наксуха бирувэ исзүхэти. Соли хонқова хōлвөха-

ти. Холзуханзи мунгу мэргэ ичээни: Эзэ хāни тойкини пузи дом-дом йаумба тэтузүхэни. Урпусу хуэрэмбэ хавандуи капурахани. Тойки тутум зүрини. Мунгу мэргэ индаи олбоцуми эзэ хāни тойд-дани ойзуни. Сйзүидуни пузи тутум мэргэ үнэитини дидйни. Пузи мэргэнти мурйни: Анда мэргэ, аја, мимби уузу, талза таку-рамзисда бйритани! Мунгу мэргэнзилэ кауринзи тахтакаразуми ин-даи олбочихани. Пузинзилэ мēпи нуску пуктун ойзүидун хōнтида тйчам тагдазахани. Уми тучитити тэвэн гутда. Хōнтидэ запам мо-чоули. Хами тёмбандула запам мурунсунчини. Тёмбандула запами нуску инда үнэиүэни туруичэхэни. Хōндо кусулэм сучуцүлэм сол-торомди үнэини. Тучи үнэин пузи тутулум бэгдин корписи очини. Нāли запахамби тиндазүичам зōмбүхани. Налан тёмбандула пита-м даксахани. Хōнтидэ нāли ачуизүичам мутэси очини. Хōни тутулум бэгдин мутэси очи. Бэгдин дүчүм ирчүрини. Мунгу мэргэнзилэ нō-ромди гајаончини сахси маңгатини. Инда пуктум сахси маңгакини пуктүзүини. Пузимбэ сахси докини ирчүвэндини. Горо ирчүри, зиза ирчүри. Пузи ирчүрумде пасин-пасин хэтйзэнси очини. Мēнти исзүхэни. Бирузизи улэ-улэ гүрсэл гёматава мэргэ газуиүани ачамари исмэхэти. Пузумбэ тучизизи јаута дōзигини таји, эји нā-лалани запамари бэйти докила, боакила би бэйти тактоамбамари гёматава йүзүхэти. Малу накандулани исзүэнчитити. Титаханзири гёмата дичин јэнсимбэни аракива умулхэти. Исимэхэ гүрсэлбэ чу-пал соктовами, хйрцүхэ гүрсэлбадэ умуту чупал соктовоомбоха. Ила, дүји инэни аракисихэти. Јэнсүмбэ умүмари хотханзири мән бадлиүар дурундулән очохэти. Горози, зизази бичити.

Сказка. Цапля

Жили, были старик да старуха в ложине у сопки. От них внизу по течению реки — утес, вверху по течению реки — утес. Долго ли коротко ли было, так живя, старуха задумала: Ой, старик, свежей рыбы хочется! Хотя когда-нибудь поставил бы ты сеть. Тут засобирался старик. Взял пенью, сачок, прогон и все это уложил на нарту, отправился ставить сеть. Идет к реке и тянет за собой нарту. Напротив верхнего утеса начал долбить лед и ставить сеть. С утра до самого вечера провозился старик. Поставил он сеть и вернулся домой. Прошло несколько ночей. Старик позабыл о своей

сети. Долго ли, коротко ли было, старуха вспомнила: Старик, ты когда-то вроде ставил сеть. Только тогда старик вспомнил о сети: Правда, старуха, правда, я ставил же сеть. Завтра утром на-помни, старуха! Поговорили так и легли спать. Рано утром ста-рик отправился проверять сеть. Прорубил он прорубь, прочистил от льда, и тут шест заскрипел, закачался от рыбы. Затем прору-бил другую прорубь, быстро привязал прогон к сети. Затем взял-ся за шест и потянул. Держась за шест, тянет он сеть, а в сети бьется крупная рыба. Старик успокаивает себя: Спокойно, спо-койно. Старик умоляет: Кадуга, смилуйся! Осетр, смилуйся! Так умоляя рыбу, собирает сеть, а рыба сильно бьется. Старик, упер-шись ногами, собирает сеть, стараясь вытянуть рыбу. Вместо ры-бы появилась одна цапля. В сети перестала биться рыба, да и ры-бы-то в ней не было. Поймал он цаплю, а сеть, как была собрана, оставил на льду. Взял цаплю и понес ее домой. Вошел он в дом и говорит старухе: Старуха, нашел нам ребенка, цаплю. Старуха обернулась к нему и посмотрела на них. Поглядите на него — ка-ков врун старик: разве большая птица станет ребенком человека. Чего лжешь! Рассердилась старуха на старика и отвернулась от него. Старик отнес цаплю на малу¹¹ и положил на кан. Долго ли, коротко ли было с той поры, старик своим завтраком, обедом и ужином делился с цаплей. Долго ли, коротко ли прошло время, в один день цапля стала кричать своим голосом: Коасс, коасс, коасс! Старик говорит старухе: Старуха, ты понимаешь речь сво-его ребенка? Старуха говорит: Старик, ты же большой выдумщик! Откуда взял, что я должна понимать речь птицы-цапли!

Раз так, слушай. Наш ребенок-цапля говорит нам: Отец и мать, слушайте, что вам я скажу: Я задумал жениться. От нас вверху по реке военное поселение есть. Хозяин селения — старик. У этого старика есть дочь — молодая Пудин. Отец, пойдя сватать ее за меня. — Вот так говорит он. Тут же старуха отвечает: Выдумываешь ты, старик: откуда птице выдумать жениться на дочери че-ловека и оказать об этом. И тут старик и старуха горячо заспо-рили. Спорили так до вечера и уснули. Утром старик засобира-лся в путь. Подстелил обувь травой, надел на голову наушник и шапочку охотничью, надел рукавицы и вышел из дому. Выйдя, на-правился к реке. Дойдя до проторенной дороги, запатал вверх по

реке. Долго ли, коротко ли шел, к вечеру старик пришел к этому военному селению. Поднялся дорогой к дому хозяина селения. Подошел к дому, взялся за ручку двери и вошел. Вошел и видит — на наре у очага старик и старуха. Наш старик остановился меж двух очагов дома, сказал: Здравствуй, дорогой друг-старик! И тут хозяин селения увидел нашего старика. Тот увидел и отвечает: Здравствуй, старик! Ты же такой пожилой. В такую морозную погоду без вести не стал бы ходить? Когда говорил хозяин дома, наш старик сел на край нары малу. В это время хозяин дома все еще продолжал говорить: Разве без дела бегаешь, без повода бродишь? Наш старик отвечает: Не без повода брожу, не без дела бегая. Хозяин селения тут позвал служанку, говорит ей: Гость-старик устал, быстрее подайте ему еду! Тут одни служанки поставили стол, другие заставили стол едой. Старик пригласил нашего старика: Друг-старик, садись к столу: ты издали шел, очень проголодался. Наш старик подходит к столу, достает из-за пазухи медный хо (конусообразный медный кувшинчик для водки) и ставит на стол. Затем из-за пазухи еще достает коти (римочка, фарфоровая чашечка для водки) и блюдце-подносик. После этого обратился он к хозяину селения: Друг, хозяин-старик, присядь поближе к своему столу. Буду есть, посиди рядом со мной. Хозяин дома подсел к столу. Наш старик налил водки из хо в коти. Задобрил духов (обряд — обмакнув палец в водку, разбрызгивая ее перед собой) и сам выпил. Следующую коти подал хозяину дома. Тот принял коти, задобрил духов. Перед тем как выпить, спрашивает: Как смогу выпить без повода, без дела? Тогда наш старик отвечает: Есть повод, есть дело, выпей, пожалуйста. От одной коти не лишишься рассудка. Тогда хозяин селения сразу осушил коти, вернул ее старику. Наш старик снял коти с подносика. Наполнил подносик водкой. Подал его хозяину селения. Подавая, сказал: Друг-старик, не бойся, нет скандального дела. Не сердись на то, что подаю еще подносик, выпей, пожалуйста. Хозяин селения взял подносик и говорит: Друг-старик, смогу ли я отплатить за подносик? Потом выпил все содержимое в нем, вернул подносик. Наш старик взял свой подносик и поставил на него коти. Затем наполнил водкой коти и подал ее старухе. Старуха взяла коти старика, говорит: По какому поводу угощаешь? Наш старик отвечает: Ничего, старуха, от одной коти разума своего не потеряешь,

выпей, пожалуйста. Старуха выпила все содержимое коти. Затем те двое стариков выпили по одной коти. Наш старик говорит: Я пришел прямо к тебе. Я, хоть скверный человек, имею отважного сына. Сын мой отправил меня к тебе сватать твою дочь — Пудин. Хозяин дома отвечает: Жалко мне тебя: я-то могу согласиться. Но что поделаешь, если дочь не будет согласна? Я позову ее. Если она будет согласна, выйдет замуж, если нет, наотрез откажется. Затем служанку посылает: Служанка, позови свою госпожу. Та встала и быстро шмыгнула в дверь. За дверью повернулась к лесу и побежала. Выше большого дома стоял маленький дом. Добежала она до этого дома, взялась за ручку двери и вошла. На наре у очага, повернувшись к окну, выпивает Пудин. Обернувшись через левое плечо, посмотрела на служанку. Устала от бега та — так дышит, что живот ее ходуном ходит. Служанка говорит: Госпожа, госпожа, тебя отец зовет. Хоть мудреный узор вышиваешь, иглу свою ненадолго воткни. Возмутилась тут Пудин: Что за такое спешное дело, в такой поздний вечер звать? Затем служанка ушла. Пришла и встала перед господином и сказала: Господин, господин, моя госпожа сейчас придет.

Служанка села на свое место, и тут же послышались шаги Пудин. Пришла она, взялась за ручку двери и вошла. Вошла и встала перед отцом: Отец, что случилось, в такой поздний вечер позвал? Старик отвечает: Дорогая Пудин, дочь моя, без важного повода, без большого дела я не вызвал бы тебя. Ты же женщина. Наш гость-старик пришел сватать тебя за своего сына. Согласна — скажи согласна, нет — тоже ответь. Пудин сердито плюнула на пол: Отец, над тобой насмеются, кто тебя уговорил пить водку? Как мне выйти замуж за простую птицу-цаплю, как я могу выйти замуж? Сильно побейте этого старика и прогоните его. Старик вспыхнул и громко воскликнул: Даи дарпу (старший над слугами), поиди ко мне! Этого старика побейте и прогоните на улицу.

Схватил Даи дарпу старика и поволол его на улицу. Там так ударил палкой старика по голове, что она треснула. Кровь из головы залила всю одежду и застыла. Всю ночь шел старик к себе и только к рассвету дошел до своего места. Поджав под себя ноги, сидела старуха на краю завалинки. С каких пор она там сидит, нам не ведать. Весь висок старика заиндевел. Видит она, что старик идет, что его одежда красного цвета. Ой, отчего же одели

его в стеганный халат красного цвета? — думает старуха. Когда тот приблизился к ней, она увидела, что у старика не красного цвета стеганка, а покраснела она от крови, которая застыла на ней. Стала старуха корить старика: Что тебе говорила, большой выдумщик? Кто же, зная птицу, станет выходить замуж за нее? Теперь-то убедился, что твоя выдумка пустая? Поругиваясь, вошли — первой старуха, за ней старик. Вошли они, старуха поправила огонь и сильнее затопила очаг. Старик снял свою одежду. Старуха взяла окровавленную одежду, смыла кровь и выстирала.

Долго ли, коротко ли было с той поры, сколько времени прошло, опять цалля прокричала: Коасс, коасс, коасс! Старик схватил старуху за плечи и потянул ее к себе: Понимаешь, что говорит твой ребенок?

Ой, старик, ты все еще не перестал выдумывать? Чего еще надумал натворить? Хватит, перестань.

Тогда старик отвечает: Старуха, чего ты все время споришь? Когда и по каким местам ты побегала из-за моей выдумки? Наш ребенок опять говорит: За тем селением, где побили тебя, стоит еще одно селение. Посмеют ли и там побить тебя? Там живут хозяин селения и его старуха. У них дочь Пудин. Посмеют ли и там побить тебя? Ступай сейчас туда, пожалуйста! Не робей! Старуха, завтра утром встань пораньше. Обувь мою подстели свежей травой. Хотя правда, не правда, тебя не побьют. Если побьют, то меня побьют. На завтра утром стала собирать старика в путь. Подстелила травой обувь, залатала рукавицы старика. Старик оделся и отправился в путь. В полдень он прошел то селение, в котором побили его. К закату солнца дошел до того селения, к которому шел. После ужина, когда потемнело, он приходит к дому хозяина селения. Вошел наш старик в дом, а там хозяин селения и его старуха. По дому еще слуги, служанки и Дам дарцу прохаживаются. Вошел наш старик и встал меж двух очагов и обратился к хозяину дома: Здравствуйте, старик, старуха! Хозяин дома отвечает: Здравствуй, старик! Ты же уж так стар и в такой лютый зимний мороз ходишь?

Старик сел на нары малу. Хозяин дома продолжал: Куда идешь? Снизу реки идешь или сверху реки идешь? Куда бы ни шел, расскажи по какому делу ходишь?

Наш старик отвечает ему: Внизу по реке у воды на конце леса, в озере Хэхэре, в заливе у ельника, в озере, куда никто не заходит, я живу со старухой и сыном молодцем. Соседних людей не ведаем, как и где живут люди — не знаем. Поэтому, чтобы знать далеко ли, близко ли находятся селения людей, кожу.

После этого хозяин дома повелел служанкам: Хорошо угостите старика-гостя! Тут одни служанки ставят стол, другие накрывают стол едой. Хозяин дома обратился к своей старухе: Старуха, у тебя давно имеется в запасе... есть. Вытащи один хо!

Старуха достала из шкафа медный хо. Тогда хозяин дома стал угощать нашего старика. Старики выпили все содержимое хо хозяина дома. Тогда наш старик достал из-за пазухи медный хо, котик и подносик-блюдец и ответил хозяину дома своей водкой. Сперва выпили по одной котик. Затем наш старик обратился к хозяину дома: Я не без повода, не без важного дела к тебе пришел ночевать. Дело мое важное, сложное. Отправил меня к тебе мой сын, потому и пришел к тебе — сватать твою дочь Пудин. Согласен выдать ее за моего сына или нет, ответь по-хорошему, честно. Не дай мне вернуться со слезами.

Тут хозяин дома уронил голову. Немного подумав, отвечает: Хотя мне жаль тебя, что могу сказать тебе. Будь я согласен, а дочь не будет согласна, еще стыднее будет. Лучше позовем ее самое и по-хорошему спросим — как она решит: согласится, будет согласна, не согласна, скажет — нет.

И тут позвал служанку: Служанка, игом позови свою госпожу! Скажи — отец срочно зовет. Пусть свое занятие ненадолго отложит. Тут служанка выбежала на улицу, повернулась к лесу и побежала. Выше дома хозяина был маленький домик. Добежала она до домика, ухватила за ручку двери, вошла. Пудин у очага чем-то занята при свете лампы. Когда вошла служанка, она обернулась через левое плечо и посмотрела на нее. Служанка очень устала: дышит так, что живот ее ходуном ходит. Она встала перед госпожой, говорит: Госпожа, госпожа, срочно, сейчас же зовет тебя твой отец. Чем бы ты ни была занята, отложи дело ненадолго. Служанка, что за дело, что так срочно зовет отец? Откуда мне знать.

Служанка вернулась обратно, встала перед хозяином и доложила: Госпожа скоро будет здесь. Опять отец Пудин спрашивает: Дол-

го ли ее ждать, или сейчас будет? Сейчас, мигом будет. Она повернулась и пошла к своему месту. И тут услышали звон блях и бляшек одежды Пудин и ее фартука. Когда она входила, посмотрел на нее наш старик и оценил: Той женщины, у которой его побили, эта была куда милее. Вошла она и присела на край нары у очага и спросила: Отец, по какому делу так срочно позвал меня? Милая моя, я тебя без особого повода, без важного дела не вызвал бы. На мои слова ответь прямо (так, чтобы прямая палка обломилась по самой середине) о своем решении. Честь своего отца не позорь. К отцу твоему пришли сватать, чтобы ты стала женой сына нашего гостя. Дочь тут же ответила: Отец, почему решил спрашивать у меня? Откуда такая мысль пришла к тебе? Если не согласна я, разве ты не отдашь меня за человека? Очень жаль мне тебя. Твое дело: кому решишь отдать меня, за того и пойду. Я не имею права выбирать человека: несчастлива я. Отец, если ты согласен отдать меня, то отправь старика ночевать ко мне. После моего ухода, отправь. Так сказала, встала и ушла.

После ее ухода старики выжили все содержимое их нашего старика. Затем хозяин дома позвал служанку, попросил ее отвести гостя к своей дочери. Повела она гостя к Пудин. Привела служанка старика к Пудин. Когда пришел старик, она накрыла стол яствами. Посадила его к столу, стала угощать. Наелся старик досыта. Кончила угощать и убрала стол. Возле очага она приготовила постель, дала дорогое одеяло для старика. Старик уснул. После этого до самого утра шила обновку старику. К рассвету успелашить всю обновку. Как только встал старик, она обменяла старый наряд старика на новый. Когда старик обновился, она накормила его завтраком. Позавтракал старик и пошел в нижний дом. Пришел туда, попрощался с хозяином селения. Оттуда переполненный чувством радости во весь дух поторопился к себе домой. Не было еще полудня, когда он минул селение, где его побили. Когда старик проходил мимо этого селения, та Пудин шла к проруби по воду. Она была в халате (из рыбьей кожи) и была белее яркого снега. Посмотрела она на старика, идущего мимо нее. Увидя ее, старику стало да слез обидно за нее. Оттуда уже к вечеру дошел до своих мест. Пришел к проруби и взглянул на свой дом.

А у дома на краю заваленки сидела старуха. Голова и волосы ее заиндевели. Старуха пристально глядит на старика. Видит — вся одежда сплошь окровавлена. Еще пристальнее стала смотреть. Смотрит и думает: Опять всего окровавили его. Поднимается старик к себе, а старуха не спускает глаз с него. Приближается к дому старик, а цвет его одежды становится еще краснее. От расстройства она заплакала и слезы закапали из глаз: опять старика били. Когда он поднялся во двор, только тогда старуха разглядела — одежда старика не от крови красная. Начиная с шапки и кончая обувью — весь его наряд обновлен. На нем была стеганка из сукна красного цвета. Вместо обуви из рыбьей кожи был обут в нарядную праздничную обувь. Стала она от радости обнимать старика: Кто тебе такую обновку нашил? Так они вошли в свой дом. Старик рассказал все, как он ходил сватать. Рассказал и говорит: Ты, старуха, то, что я тебе говорил, считала моей выдумкой. Теперь-то ты убедилась. Все то, что говорил наш сын цапля, все было верно. Хорошо, что удалось выполнить его просьбу.

Долго ли, коротко ли было с той порой, как в одну ночь проснулась старуха. Подняла голову — в доме светло-светло. Подумала: Надо же так проспать — день-то давно наступил. Вскочила тут старуха, обулась в шлепанцы, вышла на улицу. А там — темная ночь. Обратно входит — в избе так же светло. Откуда же свет — удивилась старуха. Стала она рассматривать все в доме. Посмотрела на малу, где обычно была цапля, а ее-то нет. Вместо нее — один прекрасный молодец спит. У края его ног маска-цапля лежит. Он был по грудь накрыт одеялом. И от груди Мэргэна исходил свет, словно лунный. Пошла она к своему месту и присела у своей подушки. Присела и, слегка подталкивая старика, стала будить его. Проснулся старик. Старуха шепчет в ухо старика: Старик, посмотри на малу! Хорошенько смотри!

Поднял голову старик и посмотрел на малу, а старуха говорит: Давай попробую взять маску нашего сына? Старик отвечает: Сможешь — возьми.

Старуха встала и пошла к малу. Она хотела забраться на нары и взять маску, и тут Мэргэн прикрыл одеялом грудь и повернулся на другой бок. Тут словно погасили лампу, стало темно. Удивилась старуха: каков Мэргэн — закрыл грудь и сразу стало темно. Ощупы-

вая края нар, пошла старуха к себе. Пришла к старику и залезла под одеяло, говорит: Старик, какого сына заимели! От груди его исходит свет, словно от солнца, словно от луны. Старик отвечает: Ты так любопытна, словно черт вселился в тебя. Не даешь человеку спать. Старуха умолила и уснула. Долго ли, коротко ли спали, рассвело. Старик со старухой встали. Первой вышла на улицу старуха. Посмотрела она вверх по реке, посмотрела вниз по реке, посмотрела за свой дом. Вверх смотрит — до самого верхнего утеса дома, из труб поднимается дым. Вниз смотрит — до самого нижнего утеса дома. К лесу посмотрела — до самой сопки раскинулось селение. Мычат коровы, кричат петухи, хрюкают свиньи. Смотрит и удивляется. Не может понять: Лишь они одни жили, был лишь их единственный дом. Вошла она домой и говорит старику: Во дворе мы окказались, в центре военного поселения. Старик бранит старуху: Какой черт вселился в тебя? Не можешь помолчать-то? Как не хочешь с тобой говорить.

Тут встает цапля-сын на малу. Встал он, а в доме стало еще светлее. Старуха видит — в доме все светится: на стене — новая цыновка, по всей наре — новая цыновка. Когда они ложились вечером спать, была одна обстановка в доме, сегодня встали — совсем иная картина в доме. Как ни думала старуха — надивиться не может. Встал Мэргэн, обулся и оделся. А старуха ничего не успела приготовить на завтрак. Видит она: раскрываются двери шкафа, и оттуда тарелки с горячей и холодной едой выходят, а из тарелки с горячей едой пар валит. Еда сама идет к малу. К старику и старухе стол сам подлетел, сам устоялся едой. Ложкой ешь — ложка торчит из еды, палочками ешь — палочки торчат из еды. Поел Мэргэн, закончили завтрак старик и старуха. После еды столы, посуду сами убрались по своим местам.

Мэргэн обращается к старику: Отец, я теперь поеду за женою. Старик отвечает сыну: Дорогой мой, пожалуйста, поезжай. Только нужно побольше хороших собак взять. Где-нибудь не ушибись. Мэргэн отвечает: Отец, не беспокойся: мне самые сильные не страшны.

Оделись и вышли на улицу. Слуги и служанки привели лучших собак. Спустили нарту с навеса и тут же растянули постромки. Привели жоака-собаку, надели ошейник и привязали к постромке. Нарту застелили сохатиной шкурой, нагрузили на нее ящик водки. Ста-

рик и старуха вышли провожать сына. Мэргэн сел на нарти и приготовился снять потяг с кола. Взял он в правую руку остол, затормозил им, а левой дернул потяг с кола и погнал собак: Тэ! Тэ! Упряжка Мэргэна вихрем спустилась к реке. Выйдя на проторенную дорогу, собаки помчались вверх по течению реки, оставляя за собой вихри снежные. Долго ли, коротко ли так ехал наш Мэргэн, обогнул нижний утес у селения, где побили его отца. Обогнул утес и едет дальше. Тут из дома хозяина селения бежит по воду Пудин. До этого она распустила волосы, чтобы заплести их. Бежала она: одну косу закрутила над ухом, а другая, не заплетенная, развеивается по ветру. Встала она на окромку проруби и смотрит на проезжающего Мэргэна, кричит: Заезжай, дорогой Мэргэн, заезжай! На миг заверни! Не хочешь завернуть — на миг притормози!

А Мэргэн то ли слышит, то ли нет, словно играя двумя остолами, погоняет собак. Пудин, глазами провожая Мэргэна, думает: То ли слышит он ее, то ли нет. С шумом промчалась упряжка мимо нее. Пудин, стоя на окромке проруби, взглядом провожала Мэргэна, пока упряжка не скрылась за верхним утесом. Когда Мэргэн скрылся за утесом, она побрела к себе с пустыми ведрами.

А Мэргэн после полудня доехал до селения жены. Когда он подъезжал к берегу селения, вверх и вниз по селению побежали служанки и слуги, оглашая: Зять приехал за госпожой!

Когда он к дому хозяина селения завернул, взялись за повод жоакот-собаки и повели к дому хозяина. Привели во двор. Кто собак разводит с упряжки, кто отряхивает снег и иней с его одежды, кто нарту поднимает на навес, кто ящик с водкой, кто свадебное угощение заносят в дом. А зятя подхватили за обе руки и повели к дому Пудин. Привели его в дом Пудин, а та встретила его меж двух очагов. Встретила его и посадила в центре нары у очага. Посадив его, она взяла трубку длиною с пест, приготовила закрутку из городского табака высотой с мачту, пригнала закрутку и подала трубку Мэргэну. К тому времени всех знатных людей селения пригласили. Наполнился дом хозяина приглашенной знатью. Пришел Мэргэн в дом тестя. Придя, рассадил на верхний и нижний ряды нар всех званых гостей. Повесил он на шею кушину водки и начал обходить ряды гостей. Наливая водку в черно-белую чашечку, стал угощать. Кто послабее, выпьет одну чашечку водки, опьянеет,

кто покрепче, две-три-четыре чашечки выпьет, опьянеет. Всех гостей напоил. После этого старик, старуха, Пудин и Мэргэн сели за отдельный стол. После приветственных и поздравительных речей начали угощаться. Старик и старуха опьянели. Пудин бережно уложила родителей спать. Затем они вдвоем ушли в дом Пудин. И только тут они начали угощать друг друга. После этого они легли спать.

Два дня поил Мэргэн знать селения, всех поил. Через двое суток стал он увозить в свадебном балагане свою жену. На нарте из шелка сделал балаган, посадил в него Пудин. Нагрузили горой на нарту приданое Пудин. На прощание всем провожающим подавал водки. Сел на нарту, снял потяг с кола и погнал собак. Упряжка спустилась к дороге. Дойдя до дороги, собаки понеслись вниз по течению реки, оставляя за собой вихри снега. Так ехали и доехали до селения, где побили его отца. Обогнули верхний утес. Минули они, и наш Мэргэн видит: по дороге от дома хозяина селения бежит Пудин. Одета она в зимнюю шапку, а под мышкой держит сумку для рукоделия. Наш Мэргэн, увлекая собак, погоняет их, и проезжает мимо селения. Пудин бежит к ним и кричит Мэргэну: Дорогой Мэргэн, возьми меня! Буду у тебя хоть старшей служанкой! Наш Мэргэн, словно играя остолом, погоняет собак, и проезжают мимо. Она опешила, не знает что предпринять: сесть на нарту — она горой нагружена и не за что ухватиться. Решила она за задний обод нарты ухватиться. Ухватилась она за обод нарты, попыталась остановить упряжку собак. Как ни старалась она, не смогла остановить упряжку собак. Она неслась вперед, а бежать за нартой ноги не успевают. Хотела выпустить обод, а руки прилипли к нему. Как ни старалась она освободить руки от обода нарты, не смогла. Ноги ее подкашиваются и не успевают. А Мэргэн указывает вожатой-собаке на сплошные торосы. Собаки завернули на сплошные торосы и понеслись по ним. Уволокли Пудин по ним. Долго ли, коротко ли волокли ее по торосам, она на куски развалилась.

Знать селения пришла встречать и посмотреть на Пудин. Выводят Пудин из балагана, берут за обе руки, целуют, не давая шагу шагнуть. Вводят в дом. Привели ее к малу на нары. Затем начали пировать водкой невесты. Напоили всех тех, кто пришел встречать и увидеть ее, и всех тех, кто был приглашен. Пировали три-четыре дня. Закончился свадебный пир. Стали жить да поживать. Долго ли, коротко ли было, вот и конец.

Примечания

¹ В архиве члена-корреспондента АН СССР В. А. Аврорина сохранились неопубликованные ульчские фольклорные тексты, записанные им в августе 1948 г. в с. Булава Ульчского района Хабаровского края. По просьбе редколлегии, эти тексты были подготовлены к печати старшим научным сотрудником Дальневосточного научного центра кандидатом филологических наук Н. Б. Киле (включая перевод с ульчского на русский язык, выполненный с помощью преподавателей ульчской интеллигенции П. Л. Дечули и И. П. Вальдо). Всем лицам, участвовавшим в подготовке данных материалов к печати, редколлегия выражает свою глубокую признательность. Мы надеемся, что публикуемые тексты будут использованы специалистами как в лингвистических целях (для анализа различных грамматических явлений ульчского языка и, в частности, морфологии имени), так и в целях этнографических.

² Записан у Ходжер Зои Алексеевны, род Дечули, уроженка с. Удан Ульчского района Хабаровского края, 1905 г. рождения. В тексте представлен один из фрагментов сказки, известной в полном объеме в фольклоре ульчей, нанайцев и других тунгусо-маньчжурских народностей (здесь и ниже примечания Н. Б. Киле).

³ Записан у З. А. Ходжер (см. прим. 2). Перед нами образец устной народной поэзии ульчей тэлунгу (предание). Главной особенностью произведений этого жанра является то, что речь в них идет о подлинных событиях прошлого. Данный текст, правда, осложнен включением в него некоторых сказочных элементов. Таковыми нам представляются имя героя — Мэргэн, ловля "золотого фазана", пожар, а затем море на пути преследователя, "ящик счастья" и т.п.

⁴ Записан от Вальдо Салданга (Павла) Васильевича, уроженца с. Монгол Ульчского района Хабаровского края, 1884 г. рождения. По жанру данный текст относится к тому виду тэсунгу, который А. М. Золотарев в своей монографии "Родовой строй и религия ульчей" называет судачи (правила) или покто (нуть). В предании говорится о правилах поведения человека в различных промысловых

ситуациях на море и в тайге (правила разведения огня во время промысла, правила охоты на нерпу в весеннюю ненастную погоду). В предании содержится настоятельное требование знать и соблюдать опыт старших промысловиков, ибо игнорирование его может закончиться трагически.

⁵ Нани — люди данной земли, местности.

⁶ Записан от С. В. Вальдю (см. прим. 4). Так же, как и предыдущий текст по жанру относится к судали (или покто). Текст интересен упоминанием удава, которые не встречаются в местах проживания ульчей. Каковы истоки подобных представлений? Кстати, аналогичные рассказы имеются и у других южных тунгусо-маньчжурских народностей (нанайцев, удэгейцев, орочей).

⁷ Записан от С. В. Вальдю (см. прим. 4). Текст убеждает промысловиков правильно соблюдать обряд почитания бога огня, Пуза. Только это сулит охотнику большую удачу. Всякое же нарушение обряда лишает человека удачи во время охоты на пушного зверя.

⁸ Записан от С. В. Вальдю (см. прим. 4). Текст описывает хозяина моря и то, какие взаимоотношения должны с ним поддерживать. Герой рассказа встречается с хозяином моря, получает от него "меч счастья" и избавляет им своих сородичей от злых духов. Рассказ содержит три сюжетных звена: встреча героя 1) с хозяином моря, 2) с земным чертом (злым духом), 3) с "домовым чертом" (злым духом жилища).

⁹ Касаток считают людьми, для которых тело касатки — лишь видимая оболочка, которую они могут покидать. Это весьма могущественные хозяева моря.

¹⁰ Записан от С. В. Вальдю (см. прим. 4). Сказка (ниниман) о том, как птица цапли оборачивается распрекрасным молодцем-Мэргэном. Идея сказки: победа добра (которое символизирует первая невестка отца цапли) и жестокая расправа за зло, воплощенное в образе другой невестки.

¹¹ Малу — место в жилище на нарах против входа.

Содержание

1. Скрибник Е. К. Морфологические типы предикативных прилагательных, формирующих подлежащие конструкции.....	3
2. Шамина Л. А. Служебные имена в тувинском языке.....	15
3. Абдуллаев С. Н. Сочетания имен с послелогом в киргизском языке.....	26
4. Валл М. Н., Канакин И. А. Морфологический статус падежных показателей в енисейских языках.....	36
5. Белимов Э. И. Некоторые падежно-последовательные типы обстоятельственных дополнений в кетском и игском языках.....	45
6. Камова И. М. Фрагмент грамматики употребления именных посессивных конструкций.....	57
7. Коваленко Н. Н. К вопросу об имени действия в нганасанском языке.....	68
8. Ахметжанова Ф. Р. О некоторых способах выражения сравнения в казахском языке.....	76
9. Болдырев Б. В. Суффикс -лан в тунгусо-маньчжурских языках.....	85
10. Симонов М. Д. Морфологическая структура существительного нунат 'девушка, дочь' в тунгусо-маньчжурских языках.....	117
11. Аврорин В. А. Ульчские тексты. Материал для грамматических и этнографических исследований.....	129